

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№2 (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ) 2020

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Горлова И.И., Зорин А.Л.** Цифровая культура в информационном обществе 3
Путрик Ю.С. Геокультурная матрица как цифровая платформа
изучения объектов культурного наследия в Российской Федерации 10
Николаев И.Р. Морское культурное наследие: основные концепции
в отечественной культурологии..... 20

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Кокшенева К.А.** Критические статьи Н.Н. Стрехова
о творчестве И.С. Тургенева 27
Ипполитов С.С. Сохранение национального наследия
в условиях Гражданской войны. 1917–1920 гг. 33
Цветкова Г.А. Духовные концерты в России на рубеже XIX–XX веков:
молитва в контексте зрелища 40

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Никифорова А.А.** Янтарное искусство: сохранение наследия
и развитие новых возможностей 53
Сариева Е.А. Анекдоты и бывальщины М.С. Щепкина:
становление жанра «импровизационного» рассказа на концертной эстраде.....59
Киселёв Г.А. Взаимодействие музыки и пьесы
в оперетте и музыкальной комедии 66

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Жамбаева Т.И., Ли С.В.** Самобытность бурятского гобелена
в творчестве Татьяны Дашиевой.....72

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

- Абрамов Д.М.** Культурное и профессиональное влияние
Ромейской империи на окружающие народы в IX–X веках.....78

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Кирьянова О.Г.** Периодизация истории музейного дела
Русской православной церкви (1950–2020 гг.) 85
Ивановская И.О. Сохранение церковного объекта:
опыт музейно-церковного взаимодействия (на примере Смоленского собора
Новодевичьего монастыря в Москве в XX в.) 91

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Нельзина О.Ю.** Выставочный комплекс «АТАМАНЬ»
в социокультурном контексте Краснодарского Края 97

РЕЦЕНЗИИ

- Соловей Т.Д.** «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы /
избранные статьи / составитель, автор вступительной статьи
и биобиблиографического словаря Сирина А.А. Рецензия..... 105

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филос. наук, профессор,

Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

В. В. Патоков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Е. П. Чельшев — Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия, Заслуженный деятель науки РФ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 34
ББК 71
10.34685/НИ.2020.29.2.001

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор, директор,
Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063,
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Зорин Александр Львович,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
отдел изучения культурного наследия и экспертной деятельности,
Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063,
e-mail: azor115@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются основные факторы генезиса цифровой культуры и ее влияние на разные сферы общественной жизни. Рассматриваются позитивные и негативные аспекты цифровизации. Акцент ставится на активную роль человека как в процессе развития цифровых технологий, так и их использования, которое порой порождает крайне негативные последствия в сфере социальных отношений, а в личностном плане создает нравственные и психологические коллизии..

Ключевые слова

Цифровизация, цифровая культура, информационное общество, контркультура, не-олиберализм, технологический детерминизм, сетевая мультиличность.

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме 3.00 «Цифровое наследие России: статус, состав, формы и способы государственной охраны: правовой анализ».

Последние десятилетия минувшего века ознаменовались тем, что человечество вступило в информационную стадию своего развития, характеризующуюся все большим доминированием цифровых технологий, повсеместное распространение которых повлекло за собой существенные изменения в социальной жизни людей. «В новую цифровую эпоху ускоряются все процессы, и это непременно влияет на общество в целом: на политику, экономику, средства массовой информации, бизнес и общепринятые нормы поведения»¹. Пребывая в виртуальном пространстве, человек обретает в нем свое новое бытие, при этом ценность реального мира в его сознании постоянно уменьшается, а граница между виртуальным и реальным все более размывается. Все это свидетельствует о появлении нового типа культуры, который в современном научном дискурсе получил название «цифровая культура» (digital culture).

Изначально большая часть работ, посвященных исследованию данного феномена, сосредотачивалась преимущественно на его технологических аспектах, в то время как социально-гуманитарная сторона оставалась недостаточно освещенной. Анализ артефактов и практик, ставших возможными благодаря использованию цифровых технологий, безусловно, является необходимым для определения специфики цифровой культуры, но явно недостаточным, поскольку существенно ограничивает предмет исследования. Здесь можно полностью согласиться с Н.Л. Соколовой, которая утверждает, что «сегодня исследовать цифровую культуру – значит не столько анализировать ее феномены и артефакты сами по себе, сколько изучать широкие трансформации, происходящие в связи с распространением цифровых технологий в культуре в целом»². Исходя из данного методологического посыла, цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать основополагающие моменты смены культурных парадигм в информационную эпоху, неразрывно связывая технологические и социальные реалии современной жизни в общую картину происходящего и ставя при этом

акцент на активную роль человека как в процессе создания цифровых технологий, так и их использования, которое порой порождает серьезные вызовы и угрозы и влечет за собой крайне негативные последствия в сфере социальных отношений, а в личностном плане создает нравственные и психологические коллизии.

Начнем с генезиса цифровой культуры, который в научной литературе, как правило, связывается с развитием во второй половине XX в. информационных технологий и расширением сферы их применения в разных сферах общественной жизни. Определяющим моментом в этом процессе становится создание персонального компьютера, а также единой сети Интернет и внедрение многообразного спектра практик использования компьютерных технологий в повседневную реальность. Как отмечает Д.Н. Карпова, цифровизация – «это глобальный процесс преобразования информации в цифровую форму, который радикально изменяет характер межгрупповых и межличностных взаимоотношений людей»³.

При данном подходе именно информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве определяющего фактора формирования цифровой культуры как неотъемлемой составляющей современного общества. В какой-то мере это утверждение верно, но оно не в полной мере учитывает другие причины, лежащие в основе генезиса анализируемого феномена. И это становится очевидным, если задуматься над тем, какие потребности и культурные ожидания побудили первопроходцев в области создания компьютерных технологий к их инновационным разработкам, или, иначе говоря, какой была духовно-идейная атмосфера того исторического периода, когда создавались технологические средства для реализации проекта информационного общества.

Этот вопрос всесторонне освещен в статье американского ученого Ч. Гира «Цифровая контркультура», в которой выдвигается тезис о том, что развитие цифровых технологий «стало результатом встречи как технологических, так и культурных тенденций и факторов». Как известно, цифровые технологии в США появились первоначально для

1 Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 18–19.

2 Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-ili-kultura-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 12.03.2020).

3 Карпова Д.Н. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // <https://mgimo.ru/about/news/departments/sotsiotekhnicheskiy-povorot-v-issledovanii-tsifrovizatsii-obshchestva> (дата обращения: 25.03.2020).

решения определенных военных задач, в результате чего потребовалась миниатюризация существовавших в то время громоздких электро-вычислительных машин и придание их функционированию интерактивного характера. Но использование кибернетики и информационных технологий во вьетнамской войне, привело к тому, что в общественном мнении компьютер был «заклеймен» силами, оппозиционными американскому милитаризму.

Поэтому требовалась смена парадигмы его восприятия, которая была осуществлена, как это ни странно, представителями контркультуры того периода. Контркультура в качестве общественного движения и уклада жизни основывалась на альтернативных ценностях, нежели те, которые господствовали в общественном сознании того времени. Ее сторонники руководствовались идеями саморазвития индивида, гуманного использования научных знаний и технологий. Именно вышеуказанные установки контркультуры способствовали положительному восприятию персонального компьютера, а также многого другого, без чего не мыслима современная цифровая культура. «Главным достижением контркультуры, – подчеркивает Ч. Гир, – следует считать создание контекста, в котором интерактивные технологии, разработанные военными благодаря финансированию исследований и проектов в период “холодной войны”, избавились от их милитаристской технократической ауры и преобразились через очищение кибернетическим идеализмом (частично заимствованным из послевоенного авангарда)»⁴.

Другим идеологическим подспорьем для развития компьютерных технологий, помимо контркультуры, породившей своеобразное поколение протеста, склонное к акциям гражданского неповиновения, насильственным действиям и конфронтации с властями, стала вполне респектабельная теория неолиберализма, утверждавшая неправомочность вмешательства государства и его институтов в сферу экономики. Но при всем своем внешнем несходстве контркультура и неолиберализм имели между собой точки схождения в том, что безоговорочно превозносили индивидуальность над коллективным сознанием, требовали освободить способного к автономному действию индивида от тирании всякого рода

бюрократических организаций, и, наконец, безгранично верили неоспоримую силу информационных технологий. В этой связи П. Барсуок справедливо отмечает, что с тех пор крайняя «степень неприятия государственного регулирования в совокупности с верой в капитализм и предпринимательство как лучшие средства стимулирования творчества стали непререкаемой догмой для тех, кто работает в компьютерной индустрии»⁵.

Одним словом, все вышеизложенное позволяет утверждать, что формирование цифровой культуры было обусловлено тесным переплетением целого ряда факторов, начиная с философских дискурсов модерна и постмодерна, представленных в работах Д. Белла, М. Мак Люэна, Ф. Уэбстера и др., своевременных политических решений, принятых руководством западных стран посредством использования нелиберальных экономических доктрин, и кончая влиянием молодежных протестных движений, отрицавших традиционные буржуазные устои и засилье бюрократических структур в общественной жизни, а также появлением новых технологий, связанных с развитием таких наук, как кибернетика и информатика, в результате чего человек как творческая личность вновь занял центральное место в процессе преобразования реальности посредством использования цифровизации во всех областях жизни современного социума.

Исходя из этих соображений, на наш взгляд, и следует искать наиболее адекватное определение цифровой культуры, в котором бы человек занимал центральное место. В этом смысле из всех найденных дефиниций данного понятия нам наиболее импонирует та, которая была предложена в одной из статей Л.В. Баевой, где цифровая культура предстает как «сфера деятельности человека и ее результаты, связанные с созданием цифровых объектов и феноменов, симуляций объектов “живой” культуры, виртуальных пространств, процессов и явлений, созданных с помощью информационных технологий»⁶. Здесь, как мы видим, исходным пунктом для определения цифровой культуры является человек как общественное существо и его деятельность, а не информационно-

4 Гир Ч. Цифровая контркультура // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kontrkultura> (дата обращения: 10.04.2020).

5 Barsook P. Cyberflesh. London: Reaktion Books, 2000. P. 35

6 Баева Л.В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания // Философские науки. 2018. № 6. С. 89.

коммуникационные технологии, которые сами суть не что иное, как продукты человеческой деятельности. На этот момент особо обращал внимание Ф. Уэбстер, который, критикуя представителей технологического детерминизма, ставящих на первое место «информационные технологии, стоимость созданной информации, увеличение числа занятых в информационной сфере», указывал, что в основе такой позиции «лежит совершенно искаженное представление о причинах социальных изменений, потому что ключ к этим изменениям пытаются найти вне социальных связей, сначала упорно изолируя технологию от общества (т.е. от сферы оценок и мнений), а потом вводя ее снова, но уже как автономную силу, приводящую к изменениям в обществе»⁷.

Но, как это бывает часто, продукты человеческой деятельности, однажды возникнув, начинают затем жить своей собственной жизнью и оказывать обратное влияние как на самого человека, так и на социум, в котором они функционируют. Это положение дел, безусловно, имеет силу для информационных технологий. Поэтому цифровая культура, включающая в себя как самого человека, наделенного способностью к продуктивной деятельности, так и созданные им артефакты (цифровые технологии), может быть проанализирована в ином аспекте, ставящем во главу угла воздействие цифровизации на разные сферы общественной жизни и самого человека.

Начнем с экономической сферы⁸. «Цифровизация экономики намного шире, чем просто использование электронных сервисов, понятие охватывает всю систему экономических отношений, которая основана на использовании информационно-коммуникационных технологий». Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, где ключевым фактором становится использование данных в цифровом виде, что позволяет осуществить значительное повышение эффективности производственных процессов, существенно ускорить доставку товаров и оказание услуг. Компьютеризация открывает возможности радикально снизить издержки

производства и обращения, повысить производительность труда, создать новые рынки сбыта. Оптимизация издержек осуществляется за счет исключения посредников, когда сам изготовитель устраивает на своих сайтах продажу, производимых им товаров путем прямого выхода на потенциальных клиентов.

Одновременно перед последними открывается возможность самостоятельно выбирать предлагаемые товары и услуги. Значительно снижается время реагирования на конъюнктуру рынка, сокращаются сроки, необходимые для разработки новых видов продукции и услуг, а также их вывода на рынок. Цифровизация повышает прозрачность финансовых транзакций и обеспечивает возможность их мониторинга, ускоряет реализацию бизнес-проектов за счет снижения времени на всякого рода согласования, которые теперь могут проводиться в online формате.

Но использование цифровых технологий в области экономики одновременно влечет за собой ряд отрицательных последствий и рисков, к которым можно отнести сокращение числа рабочих мест в некоторых отраслях промышленности и сфере услуг, что требует значительных усилий для проведения переподготовки кадров, кибер-пиратство, связанное с проникновением в базы данных и похищением из них закрытой информации, цифровое мошенничество, осуществляемое посредством атак на мобильные устройства или специальные приложения, разработанные для дистанционного обслуживания клиентов банков. Одним словом, постоянно присутствует риск злоупотребления цифровыми технологиями со стороны недобросовестных индивидов и криминальных групп, которые готовы использовать цифровизацию для достижения своих корыстных целей.

Что касается социальных взаимодействий и коммуникаций людей, здесь также наблюдаются существенные изменения, связанные развитием цифровой культуры. «В целом, едва ли вызовет сомнение тот факт, – отмечает в этой связи Д.В. Галкин, – что цифровые технологии играют сегодня ключевую роль в самых разнообразных областях жизни современного человека и тотально проникают в быт, общение, бизнес, политику, культуру в виде артефактов, средств общения, основных интерфейсов с реальным миром и воплощения ценностей прогресса, рациональности, функциональности, эффективности,

7 Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 372.

8 Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество // <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 19.03.2020).

свободы и самореализации»⁹. Прежде всего цифровые технологии оказывают заметное влияние на социальную структуру общества и рынок трудовых ресурсов, делая невостребованными одни профессии и создавая потребность в других, напрямую связанных с компьютерной техникой и разработкой для нее программного обеспечения. Неслучайно программисты в современном обществе имеют высокий социальный статус, труд их оценивается по достоинству.

Цифровизация позволяет осуществлять трудовую деятельность в удаленном формате, что оказывается очень выгодным работодателю, поскольку сокращает траты на аренду помещений и оплату коммунальных услуг. С другой стороны, работник может самостоятельно регулировать длительность своего рабочего времени, а порой – и порядок выполнения поставленных задач. Цифровая культура порождает такую категорию людей, как digital nomads (цифровые кочевники), отличительными характеристиками которых являются ведение мобильного образа жизни и использование в своей профессиональной деятельности компьютерных технологий. Местом выполнения своих трудовых задач для них, как правило, оказываются кафе, гостиницы или библиотеки, а не стационарные рабочие места в каком-то офисе. Среди этих людей наиболее популярными становятся профессии контент-менеджера, интернет-маркетолога, веб-дизайнера, журналиста или онлайн-преподавателя. Для них гостиницы являются не просто местами временной остановки и отдыха, а многофункциональными комплексами для жизни и трудовой деятельности. В международном гостиничном бизнесе эти представители молодого поколения получили название «тихие путешественники», поскольку они ведут себя крайне неприметно и спокойно (что не характерно для обычных туристов), проводя свои деловые встречи и даже время, отведенное на отдых, либо рядом с монитором ноутбука, либо с дисплеем смартфона.

Что касается сферы межличностных отношений, то оно в век цифровых технологий приобретает свои особенности. Живое и непосредственное

общение между людьми в значительной мере заменяется коммуникацией в социальных сетях, где в результате могут образовываться довольно закрытые сетевые сообщества, пользующиеся специфическим языком, мало понятным для посторонних. Здесь каждый может открыто высказать свое мнение по волнующим его собеседников вопросам и, более того, предстать перед другими не только под вымышленным именем, но как обладатель иного возраста, пола, социального статуса или профессии. Изменение способов идентификации и социализации заставляет исследователей говорить о появлении «сетевых мультиличностей». «Я-один перестает существовать, создаются многопользовательские миры и фэндомные сообщества»¹⁰. Одним словом, ценностные установки сетевой личности, оказываются крайне противоречивыми, причудливо сочетая в себе гипериндивидуализм с новым коллективизмом виртуального сообщества, свободу творчества с тотальным контролем.

Примером установления такого тотального контроля стала принятая китайским правительством «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)», основная идея которой состояла в том, чтобы на базе цифровых технологий получить возможность отслеживать в online режиме каждого жителя страны. На начальном этапе осуществления этой программы предполагалось выставление каждому ее участнику некоторого количества баллов в зависимости от того, сколько заслуг или нарушений он имел. Исходя из этого, на предоставление социальных льгот и иных благ могли рассчитывать только те граждане, которые оправдали доверие государства и имели высокий рейтинг, обладателям же низкого рейтинга грозили разного рода ограничения и санкции. Так у них могли возникнуть сложности при желании устроиться на работу, выехать за границу или получить кредит.

При этом контроль должен был осуществляться не только за реальной, но и за виртуальной жизнью индивидов, например, за тем, как они проявляют себя в соц. сетях. И если было зафиксировано, что кто-то посредством своих комментариев или репостов нарушает существующее законодательство или распространяет фейковую информацию, то может сработать автоматиче-

9 Галкин Д.В. Digital culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-culture-metodologicheskie-voprosy-issledovaniya-kulturnoy-dinamiki-ot-tsifrovyyh-avtomatov-do-tehno-bio-tvarey> (дата обращения: 12.04.2020)

10 Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Том 7. № 3. С. 217.

ская блокировка, предполагающая не только закрытие доступа в соц. сети, но и к собственным банковским счетам или к получению электронных гос. услуг. Перспектива тотального контроля за собственной деятельностью вряд ли оказалась приятной для граждан Китая, но, по мнению правительства Поднебесной, только такие радикальные и жесткие меры способствовали решению многих социальных проблем.

Всё это говорит о том, что социально-политические, ценностно-смысловые и этические аспекты цифровой культуры еще не в полной мере осмыслены и поэтому требуют к себе особого внимания.

Проведенное исследование показало, что цифровая культура в информационном обществе проникает во все аспекты человеческой жизни, коренным образом изменяя как сферу экономики, политики, социальную структуру, так и формы коммуникации, межличностного взаимодействия и в целом менталитет большого количества людей. Ее формирование было обусловлено рядом факторов, среди которых, наряду с созданием цифровых технологий, значительную роль сыграли идеи и подходы, получившие свое распространение в среде интеллектуалов, которые как представители контркультуры основывались на «альтернативных ценностях», ставя во главу угла мысль о саморазвитии индивида и использовании научных знаний и технологий в гуманных целях.

Было установлено, что цифровые технологии предъявляют новые требования к человеку, выводя на первый план его способность быстро ориентироваться в огромном потоке информации, умение находить нестандартные решения. Анализ ценностных и этических аспектов цифровой культуры показал ее противоречивый и даже порой антиномичный характер, благодаря которому гипериндивидуализм, дополненный нарциссизмом, причудливо сочетается со специфическим коллективизмом, свойственным «виртуальным общинам».

В то же время стремление к свободе творчества и самовыражения на необъятных просторах киберпространства, порождающее «сетевые мультиличности», парадоксально дополняется попытками установления тотального контроля посредством электронных средств слежения. Все это говорит об амбивалентности цифровизации, способной, с одной стороны, выступать в качестве объединяющего и инте-

грирующего начала, а с другой, – порождающей в современном обществе еще большие формы несправедливости и неравенства, вызывающие невиданные ранее конфликты и разломы. Это указывает на то, что развитие цифровой культуры должно осуществляться параллельно с усилением общественного контроля и своевременным изменением законодательства, чтобы воспрепятствовать проявлению негативных последствий данного процесса.

целю электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания // *Философские науки*. 2018. № 6. С. 83-99.

2. Галкин Д.В. Digital culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-culture-metodologicheskie-voprosy-issledovaniya-kulturnoy-dinamiki-ot-tsifrovyyh-avtomatov-do-tehno-bio-tvarey> (дата обращения: 12.04.2020).

3. Гир Ч. Цифровая контркультура // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kontrkultura> (дата обращения: 10.04.2020).

4. Карпова Д.Н. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // <https://mgimo.ru/about/news/departments/sotsiotekhnicheskii-povorot-v-issledovanii-tsifrovizatsii-obshchestva> (дата обращения: 25.03.2020).

5. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // *Российский гуманитарный журнал*. 2018. Том 7. № 3. С. 217-221.

6. Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-ili-kultura-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 12.03.2020).

7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

8. Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество // <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 19.03.2020).

9. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.

10. Barsook P. Cyberflesh. London: Reaktion Books, 2000. 185 p.

DIGITAL CULTURE IN THE INFORMATION SOCIETY

Gorlova Irina Ivanovna,

DSc (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Zorin Aleksandr L'vovich,

DSc in Philosophy, Prof., Leading researcher of the department
for learning of the cultural heritage and expert activity, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
e-mail: azor115@rambler.ru

Abstract

The article analyzes main factors of the genesis of digital culture and its impact on different spheres of social life. Positive and negative aspects of digitalization are considered. The accent is on the active role of the human in the process of digital technologies development as well as their using, that sometimes generates very negative consequences in the sphere of social relationships, and in personal aspect creates moral and psychological collisions.

Keywords

Digitization, digital culture, information society, counterculture, neo-liberalism, technological determinism, net multipersonality.

RAR

УДК 351.85

ББК 71

10.34685/НИ.2020.29.2.002

ГЕОКУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА КАК ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ИЗУЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Путрик Юрий Степанович,

доктор исторических наук,

Центр социокультурных и туристских программ, руководитель,
Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,

ул. Космонавтов, д.2, Москва, 129366,

e-mail: putrik@list.ru

Аннотация

Процессы цифровизации затронули и сферу деятельности по учету, сохранению, изучению, популяризации и использованию объектов культурного наследия. Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации представляет собой внушительный цифровой массив сведений, который становится всё более значимой предпосылкой для проведения не только мониторинга, но и более глубоких исследований о состоянии и тенденциях в деле охраны и использования объектов культурного и природного наследия на территории России.

Ключевые слова

Культурное наследие, цифровизация, историческая память.

О несметных богатствах историко-культурного наследия нашей страны мы все знаем, гордимся этим богатством, широко обращаемся к нему в культурно-познавательных, просветительских, образовательных, воспитательных, туристских и других общественно значимых целях. Однако, когда речь заходит о социально-экономической эффективности, то ограничиваемся как правило весьма общими оценками на качественном уровне. Более точно определить социально-экономический эффект от использования наследия, в т. ч. в количественных показателях станет возможным, когда мы научимся измерять материальную компоненту культурно-исторического и природного наследия. Для создания таких возможностей важно и актуально проводить

не только мониторинг состояния объектов культурного наследия, но более глубокие системные исследования по всему комплексу проблем выявления, сохранения, учета, изучения, популяризации и использования как объектов культурного, так и объектов природного наследия. Напомним, что к этому нас обязывает и Федеральный закон N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в котором указывается, что «...под государственной охраной объектов культурного наследия понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных ... мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение

их разрушения или причинения им вреда»¹. Как видим изучение объектов культурного наследия стоит в одном ряду с актуальными мерами, направленными на их сохранение и использование. Более того, в том же Федеральном законе N 73-ФЗ статья 12.1. предписывает включение в ежегодный государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации «...объективной систематизированной аналитической информация о состоянии и государственной охране объектов культурного наследия» (см. там же).

Сегодня изучение объектов наследия, как материальных носителей исторической памяти народа, требует применения новых методов и подходов, актуальность которых определяется новыми вызовами глобализующегося мира и геополитических реалий, детерминирующих усиление процесса системного противостояния региональных цивилизаций глобальной экспансии, направленной на размывание культурных цивилизационных ценностей России, материальной основой которых являются объекты культурного и природного наследия.

К объектам культурного наследия относятся, прежде всего, памятники истории, архитектуры, искусства, археологии, ансамбли, достопримечательные места, исторические города, музеи, музеи-заповедники и музеи-усадыбы и другие историко-культурные объекты, а к объектам природного наследия: национальные парки, природные парки, памятники природы, заповедники, заказники, т. е. особо охраняемые природные территории (ООПТ). Особое место в этом ряду занимают культурные ландшафты как комплексные объекты наследия² и поэтому объекты культуры и природы, с учетом сложившейся мировой практики, все чаще рассматриваются в едином методическом и правовом поле.

С 2016 года в рамках деятельности Министерства культуры активно и целенаправленно формируются новая информационная среда, в

которой органы власти раскрывают первичные данные, а пользователи могут получать эти данные без прямого обращения к министерствам и ведомствам. В частности, на официальном информационном Портале открытых данных Министерства культуры Российской Федерации³ доступны постоянно обновляемые данные об объектах культурного наследия, представляющие собой внушительный цифровой массив сведений о более чем 140 тыс. объектов по всем субъектам РФ⁴. Поэтому, говоря об измеряемости совокупного историко-культурного потенциала, получении неких количественных и интегральных показателей, в настоящий период можно отметить, что в решении задач выявления объемов и комплексной оценки региональных совокупностей материальных компонентов культурного и природного наследия появляются сегодня новые возможности. И это происходит во многом благодаря цифровизации, которая в сочетании с цивилизационно-ценностным подходом и с учетом Стратегии пространственного развития⁵ позволяет сегодня более содержательно и на новом уровне проводить комплексное исследование материального историко-культурного и природного цивилизационного потенциала страны и её отдельных регионов. Таким комплексным и эффективным инструментарием может стать многомерная геокультурная матрица Российской Федерации, посредством которой могут быть реализованы новые возможности повышения эффективности управления сохранением и использованием объектов культурного наследия⁶. Под геокультурной матрицей в контексте темы данной статьи следует понимать сетевую совокупность объектов куль-

1 Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция). См. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

2 Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

3 Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata>

4 Приказ Минкультуры России от 11 октября 2017 № 1716 «О реализации мероприятий в области открытых данных». См. Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata>.

5 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Официальный сайт Правительства Российской Федерации: <http://government.ru/docs/35733/>.

6 Путрик Ю.С. Геокультурная матрица российской цивилизации как ресурс пространственного развития России // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 95 – 101.

турного и природного наследия, представленную в территориальном разрезе (в сетке территориально-административного деления) в едином измерении как система материальных носителей коллективной исторической памяти являющейся, во взаимодействии с государственными и общественными гуманитарными институтами, неотъемлемым компонентом информационно-коммуникационного пространства и социокультурной среды современного российского общества в процессе обеспечения поддержания и устойчивой актуализации российской цивилизационной идентичности в меняющихся геополитических и геоэкологических условиях.

На первом этапе построения геокультурной матрицы важно создать цифровую платформу, состоящую из базовых количественных показателей, на основании которых можно будет производить все последующие расчеты в части выявления особенностей и эффективности использования объектов культурного и природного наследия как на федеральном, так и на региональном уровнях. Так, например, уже на первом этапе формирования базового массива количественных показателей составление базовой таблицы позволяет проследить статистические изменения в количестве объектов культурного наследия (ОКН) в разные периоды времени, а впоследствии – с учетом корреляционных зависимостей получать индикаторы эффективности использования ОКН и их воздействие не только на социокультурные, но и на социально-экономические процессы в российских регионах.

Рассмотрим эти изменения за 10-летний период (2011-2020 гг) по трём основным типам объектов: памятникам, ансамблям и достопримечательным местам, с учетом того, как эти объекты культурного наследия представлены в Федеральном Законе Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ⁷.

Памятники. Если смотреть на изменения количественного состава памятников истории и культуры в Российской Федерации, то их число,

согласно официальным данным Росстата в 2011 году составляло 185,1 тыс.⁸. По данным, приведенным в Первом ежегодном государственном докладе о состоянии объектов культурного наследия общее количество памятников истории и культуры составляло в 2011 году 126707⁹. Сравнение этого показателя с данными Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации показало, что к 2020 году общее число памятников в стране уменьшилось за 10 лет на 4711 объектов и составило 121996¹⁰ (- 3,7%). Из таблицы 1 видно, что даже их увеличение в четырех (из восьми) федеральных округах¹¹, не смогло перебороть тенденцию к их уменьшению, особенно проявившуюся в Северо-Кавказском (снижение на 20%) и Дальневосточном (снижение на 35 %) федеральных округах. Необходимо также отметить, что заметное увеличение числа памятников в Центральном Федеральном округе (ЦФО) произошло за счет двух субъектов РФ – Московской области и Москвы при подавляющем численном преимуществе последней. Так, прирост числа памятников в Москве превышает прирост общего числа памятников по ЦФО

7 Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция). См. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

8 Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./ Росстат. - P76 М., 2018. С. 227. См.: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения 19.11.2019).

9 Веденин Ю. А., Гусев С.В., Загоруйко А.В., Кулинская С.В., Максаковский Н.В., Штеле О.Е., Шульгин П.М. Первый ежегодный государственный доклад о состоянии объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Российской Федерации. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 20. М.: Институт Наследия, 2013. С. 1-53.

10 Официальный сайт Минкультуры России / Открытые данные / Данные. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/>

11 При использовании сетки деления территории России на федеральные округа было принято во внимание, что указом Президента России в ноябре 2018 Республика Бурятия и Забайкальский край переданы из состава Сибирского федерального округа в Дальневосточный федеральный округ. Однако, в целях соблюдения сопоставимости количественных характеристик ОКН по федеральным округам соответствующие количественные показатели рассматривались и сопоставлялись в сетке федеральных округов, действующей в период 2011–2018 гг.

и составляет 3381 объект против 3278 по округу в целом. В тот же период времени (с 2011 по 2020 гг) в 9 из 18 субъектов РФ ЦФО произошло уменьшение числа памятников, а в других 9-ти – незначительный прирост. Таким образом, если провести подсчёт изменений в количестве памятников в ЦФО без учета Москвы и Московской области, то нетрудно обнаружить, что в целом по округу за 10 лет произошло снижение этого показателя на 1195 единиц объектов культурного наследия данного типа (т.е. памятников).

Аналогичная картина наблюдается и в Северо-Западном федеральном округе, когда и так близкий к нулю (0,9%) прирост памятников произошел за счет Санкт-Петербурга, а в большинстве субъектов РФ этого округа (и даже в Ленинградской области) за этот период число памятников заметно снизилось¹². В чем заключается причина такого резкого скачка общего числа памятников в городах Москве и Санкт-Петербурге на фоне уменьшения их количества в других регионах ещё предстоит изучить.

Другой особенностью этой тенденции является то, что уменьшение общего количественного массива ОКН произошло за счет кардинального сокращения числа памятников регионального значения на 47339 ед., т.е. на 42,5% (!) в целом по стране во всех федеральных округах. Особенно заметно – в Сибирском (57,7%), Южном (56,8 %), Северо-Кавказском (44,4%), Приволжском (42,4%) и Уральском (40,3%) федеральных округах (табл. 1).

При этом можно отметить четырёхкратный прирост объектов федерального значения как в стране в целом, так и многократное их увеличение по федеральным округам, кроме Дальневосточного, в котором произошло снижение числа объектов данной категории на 20,5% (Таблица № 1). Наиболее ошутимое приращение памятников федерального значения, более чем в 10 раз, отмечается в Южном (в 15 раз) и Уральском (в 12 раз) федеральных округах. Не менее впечатляющее увеличение их числа (если не на порядок, то в разы) отмечается и

в других крупных регионах России. Так в Приволжском федеральном округе их число возросло в 5 с половиной раз и составило к 2020 году 7,4 тыс.; на Северном Кавказе – на 2,4 тыс. (от 0,7 тыс. до 3,1тыс), т.е. в 4,2 раза; в Северо-Западном федеральном округе количество памятников федерального значения за указанный период возросло от 2,3 тыс. до 8,7 тыс. (т.е. в 3,8 раза); в ЦФО – с 4,1 тыс. до 14,9 тыс. (в 3,6 раза), в Сибирском Федеральном округе – в три с половиной раза (от 2,9 до 10,2 тыс.) (см. там же).

Особенно разительные перемены можем наблюдать в конкретных субъектах Российской Федерации. В Таблице № 2 представлена первая десятка регионов по темпам прироста памятников.

В составе базового массива данных формируемой геокультурной матрицы имеется также полная картина приростов и убытий различных категорий памятников по всем 85 субъектам Российской Федерации.

Ансамбли. В отличие от ситуации с уменьшением числа памятников по стране в целом, количественные изменения состояния историко-культурных ансамблей за 10-летний период характеризуется противоположной тенденцией, т.е. тенденцией многократного (можно смело сказать – «зашкаливающего») увеличения их числа по всем, без исключения, федеральным округам. Действительно, общий прирост числа историко-культурных ансамблей за период в 2011 по 2020 гг. по стране в целом можно охарактеризовать семикратным увеличением – от 3084 до 21228 учётных единиц (т.е., собственно, ансамблей)¹³, а наиболее впечатляющие значения этого показателя мы наблюдаем в Южном федеральном округе (ЮФО). Здесь число историко-культурных ансамблей возросло за 10 лет в 91 раз (!) – от 89 до 8127. Если всмотреться в распределение этого показателя более детально, по внутриокружным регионам, то увидим, что в 2011 ансамбли были зафиксированы только в двух субъектах РФ данного федерального округа – Астраханской области (40 ансамблей) и Волгоградской области (49 ансамблей). За 10-летний период львиная доля прироста (а ес-

12 Так, если в Санкт-Петербурге общее число памятников за 10-летний период (с 2011 по 2020 гг.) выросло с 1506 до 4359 (т.е. на 2853 ед.), то за этот же период их число в Псковской области уменьшилось на 1108 (от 4297 до 3189), в Новгородской области – на 509 ед., в Республике Карелия – на 489 ед.

13 Данные о количестве культурно-исторических ансамблей (включая археологические) по каждому субъекту РФ, где один ансамбль принимается за единицу, приведены в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Таблица № 1.

Памятники истории и культуры по федеральным округам РФ в 2011-2019 гг.

Субъект РФ	Пам. Всего 2011	Пам. Всего 2019	Пам. Всего Прирост (убыток) %	Пам. Фел 2011	Пам. Фел 2019	Пам. Фел Прирост (убыток) %	Пам. Рег 2011	Пам. Рег 2019	Пам. Рег Прирост (убыток) %	Пам. мест 2011	Пам. мест 2019	Пам. мест Прирост (убыток) %
Центральный федеральный округ.	32216	35494	<u>+3278</u> <u>+10.2</u> <u>%</u>	4108	14897	<u>+10789</u> <u>+262.6%</u>	27470	20150	<u>-7320</u> <u>-26.6%</u>	638	447	-191
Северо-Зап. фед. округ	16887	18421	<u>+1534</u> <u>+0.9%</u>	2267	8654	<u>+6387</u> <u>+281.7%</u>	14352	9267	<u>-5085</u> <u>35.4%</u>	268	500	-29.9%
Южный федеральный округ	21664	16896	<u>-4768</u> <u>-0.2%</u>	492	7585	<u>+7093</u> <u>+1441.7</u> <u>%</u>	21147	9143	<u>-12004</u> <u>56.8%</u>	25	168	+232
Северо-Кавказский федеральный округ	11032	8772	<u>-2260</u> <u>-20.4%</u>	752	3144	<u>+2392</u> <u>+318.0%</u>	10080	5608	<u>-4472</u> <u>44.4%</u>	200	20	86.6%
Приволжск федеральный округ	16172	16393	<u>+221</u> <u>+0.1%</u>	1341	7382	<u>+6041</u> <u>+450.5%</u>	14366	8279	<u>-6087</u> <u>42.4%</u>	465	732	+143
Уральский федеральный округ	4651	5239	<u>+588</u> <u>+0.1%</u>	214	2554	<u>+2340</u> <u>+1093.5</u> <u>%</u>	4423	2641	<u>-1782</u> <u>40.3%</u>	14	44	85.1%
Сибирский федеральный округ	19145	17256	<u>-1889</u> <u>-0.1%</u>	2875	10206	<u>+7331</u> <u>+255.0%</u>	16107	6807	<u>-9300</u> <u>57.7%</u>	163	243	-180
Дальневосточ н. федеральн. округ	4940	3525	<u>-1415</u> <u>-34.6%</u>	1382	1098	<u>-284</u> <u>-20.5%</u>	3495	2206	<u>-1289</u> <u>36.9%</u>	63	221	-90.0%
Всего в РФ	126707	121996	<u>-4711</u> <u>-3.7%</u>	13431	55520	<u>+42089</u> <u>+313.4%</u>	111440	64101	<u>-47339</u> <u>42.5%</u>	1836	2375	+267

ли точнее – появления с нуля), числа ансамблей зафиксирована в Ростовской области (4,7 тыс.) и Краснодарском крае (2,9), – это в сумме более 90 % общего числа ансамблей Южного Федерального округа¹⁴. Появление такого количества ансамблей в статистической отчетности можно,

видимо, объяснить формальным переводом объектов наследия из одного типа в другой. В нашем случае – переводом типа ОКН «памятник» в тип ОКН «ансамбль». Действительно, если посмотреть динамику количественного состояния памятников за рассматриваемый период в двух названных субъектах (Таблица № 3), то увидим, что в Ростовской области Краснодарском крае число памятников сократилось на 4,5 тыс. и на 2,8 тыс. соответственно, т.е. адекватно числу появившихся в этих регионах ансамблей.

14 Любопытно, что при таком бурном росте историко-культурных ансамблей во всех регионах ЮФО, в Астраханской области их количество наоборот сократилось от 40 до 38.

Таблица № 2.

10 регионов-лидеров по темпам прироста количества памятников федерального значения за период с 2011 по 2020 гг

	С у б ъ е к т Р Ф	Кратность увеличения числа памятников (во сколько раз выросло)
1.	Республ. Тыва - рост числа памятников от 2 до 698	349
2.	Ханты-Мансийск. а.о. - рост числа памятников от 3 до 979	326
3.	Республ. Марий Эл- рост числа памятников от 4 до 475	95
4.	Республ. Хакассия - рост числа памятников от 15 до 998	68
5.	Ростовская обл. - рост числа памятников от 63 до 3644	58
6.	Оренбургская обл. - рост числа памятников от 25 до 1310	52
7.	Новосибирская обл. - рост числа памятников от 13 до 615	48
8.	Волгоградская обл. - рост числа памятников от 27 до 966	36
9.	Кемеровская обл. - рост числа памятников от 24 до 815	34
10.	Курганская обл. - рост числа памятников от 25 до 718	29

Если исходить из законодательного определения памятников, как отдельных построек, зданий и сооружений (т. е. точечных объектов), а ансамблей, как групп изолированных или объединенных памятников¹⁵, и, если рассуждать логично, используя эти нормативные понятия, то ансамблей, должно быть в этом случае в несколько раз меньше, чем памятников. Однако здесь мы имеем дело, видимо, с чисто формальным массовым переводом ОКН из одного вида в другой вид без учета математической логики, исходящей из определенного законодателем сущностного состава ансамблей как совокупности групп материальных объектов. Возможны, конечно, и другие

причины, связанные, например, с ведением учетных записей и отражением их в Государственном реестре, или неполнотой данных в использованных источниках и литературе. Во всяком случае, геокультурная матрица позволяет выявлять такие несоответствия, а при необходимости быстро и без больших затрат вносить соответствующие изменения в систематизированный цифровой контент и таким образом осуществлять мониторинг состояния учета ОКН. Аналогичную связь между уменьшением числа памятников и увеличением числа ансамблей на территориях субъектов РФ можно наблюдать и в других субъектах РФ по всем федеральным округам.

Рассмотрение структуры объектов культурного наследия по категориям показывает, что в целом по стране доля памятников федерального значения выросла за 10 лет более чем в 4 раза - от 11% в 2011 г. до 46% к 2020 г. при одновременном уменьшении удельного веса объектов регионального значения от 88% до 53%. Более 1/3 всех памятников скон-

15 Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция). См. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

Таблица № 3.

Количественные изменения числа памятников и ансамблей в субъектах РФ Южного федерального округа в сравнении (2011 и 2020 гг.)

Субъект РФ	Памятники истории и культуры (ед)		Культурно-исторические ансамбли (ед)		Изменение числа памятников (ед)	Изменение числа ансамблей (ед)
	2011	2020	2011	2020	2020	2020
Респ. Адыгея	346	266	0	3	-80	+3
Респ. Калмыкия	113	215	0	26	+102	+26
Республика Крым	-	1917	0	102	-	+102
Краснодарск. кр.	8642	5878	0	2918	-2764	+2918
Астраханская обл.	656	830	40	38	+174	-2
Волгоградская обл.	2513	2221	49	271	-292	+222
Ростовская обл.	9394	4899	0	4675	-4495	+4675
г. Севастополь	--	670	0	95	-	+95
Всего по округу	21664	16896	89	8127	-4768	+8038

центрировано в Центральном и Северо-Западном федеральном округах, а наименьшее их количество находится в Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Такие изменения в большей степени связаны с принятием Федерального закона от 23 июля 2013 г. N 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии"¹⁶, в рамках которого были конкретизированы условия отнесения всех археологических памятников к объектам культурного наследия федерального значения. Таким образом, объекты археологического наследия, ранее поставленные на государственную охрану, с этого момента были отнесены к объектам культурного наследия федерального значения. Этот факт был отмечен в Государственном докладе о состоянии

культуры в Российской Федерации в 2013 году¹⁷. Для субъектов РФ это было достаточно заметное и значимое событие. Так, 23.09.2013 г карельский «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» сообщил, что теперь на территории Республики Карелия 1634 объекта культурного наследия федерального значения, в числе которых 1562 памятника археологии и что ответственность за сохранение этих объектов теперь несут не только региональные, но и федеральные органы власти и что «...в первую очередь, это касается, конечно, вопросов финансирования, что немаловажно для нашей республики». Что касается ансамблей, то здесь также наблюдается увеличение доли ОКН федерального значения с соответствующим уменьшением удельного веса объектов регионального значения. При этом ОКН местного (муниципального) значения составляют всего 2% от их общего числа в России, т.е. они занимают более чем скромное место в Едином гос-

16 Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии" (с изменениями и дополнениями). Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70419172/#ixzz6KLeI2S9C>

17 Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. См.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70635190/#review>

реестре ОКН¹⁸ по своим количественным показателям, а в 50% субъектов РФ и вовсе отсутствуют и никакой внятной тенденции здесь не просматривается, т. к. при незначительном общем их увеличении, в одних регионах их число действительно выросло, а в других – уменьшилось. Так, например, в ЦФО число памятников местного значения в Брянской области увеличилось за исследуемый период на 55 ед. (самый высокий показатель по ЦФО), в то же время в соседней Орловской области их число снизилось на 79 ед., в Липецкой области памятники местного значения не выявлены, а в Московской области их число уменьшилось на 110 ед. и составило к 2020 г. 17 ед.

Достопримечательные места. Этот тип объектов культурного наследия по состоянию на 2020 г. насчитывает, согласно данным Единого государственного реестра, 2058 объектов¹⁹ и их число, по сравнению с 2011 г. выросло всего на 38 ед. Причем, если рассматривать эту картину в разрезе федеральных округов и территорий субъектов РФ, изменение их числа в ту или иную сторону резко отличается. Так наиболее существенный прирост числа достопримечательных мест произошёл в Южном (на 213 объектов) и Северо-Западном (на 171 объект) федеральных округах, в то же время значительное их сокращение произошло в Центральном (-376) и Дальневосточном (-227) федеральных округах, хотя ЦФО продолжает оставаться несомненным лидером по общему количеству достопримечательных мест (752 объекта, из которых 690 – регионального значения). Если рассматривать всю совокупность достопримечательных мест по категориям, то нетрудно обнаружить, что более 90% из них – это объекты регионального значения, 8,2% – федерального и, соответственно, достопримечательные места местного значения занимают менее 2% от общего их количества. Важно также отметить, что согласно Единому госреестру ОКН, в 17 регионах (субъектах РФ) достопримечательные места отсутствуют. Среди

них есть и регионы с богатейшей историей, в которых такие места вполне ожидаемы, но пока так и не были определены.

Таким образом, за период с 2011 по 2020 годы в структуре общего массива ОКН произошли заметные изменения в их количественных и качественно-категориальных характеристиках. Главными из них можно считать изменение за 10-летний период структуры общего массива объектов культурного наследия, произошедшее на фоне сокращения их общего числа на 3,7% и выражающееся в увеличении доли памятников федерального значения от 11% в 2011 г. до 46% к 2020 г. при одновременном уменьшении удельного веса объектов регионального значения от 88% до 53%. Категориальная структура достопримечательных мест, характеризуется кардинальным подавляющим преобладанием объектов регионального значения (90% от их общего количества) и, соответственно, невысокой долей ОКН этого типа федерального значения (8,2%). Не получают сколько-нибудь значимого распространения памятники местного (муниципального) значения, доля которых устойчиво не превышает 2%, также, как ансамблей и достопримечательных мест этой категории. Как видим, уже на первых этапах своего создания геокультурная матрица позволяет выявлять особенные характеристики и несоответствия и при необходимости быстро и без больших затрат вносить соответствующие изменения в систематизированный цифровой контент и таким образом осуществлять мониторинг состояния учета ОКН.

Таковы промежуточные результаты на пути построения геокультурной матрицы Российской Федерации в рамках I этапа формирования цифрового массива базовых показателей, систематизированных в формате Excel²⁰ и позволяющие

18 Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

19 Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения 12.02.2020)

20 На текущий момент базовый массив систематизированных показателей в формате Excel в сетке административно-территориального деления Российской Федерации, включает более 2,5 тыс ячеек с конкретными показателями количественных характеристик и производных эквивалентов, которые позволяют проводить самые разнообразные расчёты и сопоставления для последующего перехода к разработке специального программного обеспечения системной оптимизации мониторинга в области управления и координации деятельности по сохранению, изучению, популяризации и использованию объектов культурного наследия в Российской Федерации.

вести не только наблюдение за количественными изменениями в статистических показателях на федеральном уровне и в региональном разрезе, но оперативно выявлять в перспективе существенные взаимосвязи и корреляционные зависимости с широким спектром показателей социокультурного и социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция). См. Официальный сайт компании «Консультант-Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.
2. Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии" (с изменениями и дополнениями). Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70419172/#ixzz6KLeI2S9C>
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Официальный сайт Правительства Российской Федерации: <http://government.ru/docs/35733/>.
4. Веденин Ю. А., Гусев С.В., Загоруйко А.В., Кулинская С.В., Максаковский Н.В., Штеле О.Е., Шульгин П.М. Первый ежегодный государственный доклад о состоянии объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Российской Федерации. // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 20. М. : Институт Наследия, 2013. – 172 с. ISBN 978-5-86443-186-3.
5. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. См.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70635190/#review>
6. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е.Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
7. Официальный сайт Минкультуры России / Открытые данные / Данные. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/>
8. Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata>.
9. Приказ Минкультуры России от 11 октября 2017 № 1716 «О реализации мероприятий в области открытых данных». См. Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata>.
10. Путрик Ю.С. Геокультурная матрица российской цивилизации как ресурс пространственного развития России // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 95 – 101.
11. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./Росстат. – Р76 М., 2018. См.: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения 19.11.2019).

GEOCULTURAL MATRIX AS A DIGITAL PLATFORM FOR STUDYING OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Putrik Yuri Stepanovich,

DSc in History,

Head of the Center for Social and Cultural and Tourism Programs

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage D.S. Likhachev.

st. Cosmonauts, 2, Moscow, 129366,

e-mail: putrik@list.ru

Abstract

Digitalization processes have also affected the sphere of activity in recording, preserving, studying, popularizing and using objects of cultural heritage as a key component of Russian civilization. The Unified State Register of Cultural Heritage Objects of the Peoples of the Russian Federation is an impressive digital array of information, which is becoming an increasingly important prerequisite for not only monitoring, but also more in-depth research on the status and trends in the protection and use of cultural and natural heritage in Russia.

Keywords

Cultural Heritage, digitalization, historical memory.

RAR
УДК 008
ББК 79.0
10.34685/НИ.2020.29.2.0003

МОРСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Николаев Иван Романович,
преподаватель-исследователь, руководитель,
Отдел Морского, речного и подводного культурного наследия, Культурно-
исторический центр «Светоч»
Московская область, город Дубна, проспект Боголюбова, 45, пом. 20,
e-mail: i.nikolaev.phd@yandex.ru

Аннотация

Данная статья рассматривает существующие концепции морского культурного наследия, их структурное наполнение, тенденции в развитии. В ходе исследования автором выявлено девять вариантов применения и трактовки, из них три зарубежных.

Автором произведено сравнение выявленных концепций, описание их сходств и различий. Результаты анализа сформированного исследователями структурного наполнения объединены в табличном виде для применения в методической работе и перспективной образовательной деятельности.

Ключевые слова

Морское культурное наследие, морское наследие, речное наследие, подводное культурное наследие, культурное наследие, объекты культурного наследия.

Морское культурное наследие (далее – МКН) начиная с 1998 г. стало значимой частью наследиеведческого дискурса. Разработка теоретической базы позволила объединить и систематизировать ранее разрозненные представления об объектах наследия, связанных с взаимодействием человека и водных пространств, привела к возникновению научной дискуссии вокруг МКН как концепции.

Несмотря на общий «морской» лейтмотив всех исследований подходы к интерпретации МКН обладают узконаправленными деталями в зависимости от задач исследователя, а развивающаяся научная дискуссия умножает количество этих деталей.

Целью работы стало выявление и анализ современных научных концепций, определяющих

«морское культурное наследие» как категорию наследия. Цель обусловила выполнение задач:

- Анализ публикационной активности исследователей, упоминающих МКН;
- Выявление подходов к определению МКН, его структуры и содержания;
- Систематизация выявленной информации и выделение сходств, различий между подходами;
- Выделение современных тенденций и перспективных направлений в развитии теории и методологии изучения МКН.

Анализ отечественных концепций, определяющих ключевые аспекты МКН как особенной части всемирного наследия ранее не производился. Актуальность исследования вкупе с отсутствием единого взгляда на МКН позволяют утверждать о значимости работы для развития

теории музеологии и культурологии, о возможности практического применения результатов при формировании учебных дисциплин об истории и теории изучения морского наследия.

Основными методами работы стали историко-генетический, позволивший установить основные временные точки в становлении и развитии концепций МКН, контент-анализ, направленный на анализ научных работ, специализированных документов. Результаты систематизированы и соотнесены в форме таблиц, схем, выполненных автором исследования.

Попытки осмыслить МКН как особенную категорию наследия предпринимались европейскими исследователями в конце 90-х гг. XX века, начале XXI-го.¹ Во многом это связано с активным развитием подходов к изучению и сохранению подводного культурного наследия начиная с 60-70-х гг.² К концу 90-х исследователи морского и подводного культурного наследия выработали представления о комплексности наследия, необходимости рассматривать прибрежную зону и наземные объекты, связанные с морской культурой, в едином контексте с подводным наследием.³

В англоязычной среде для обозначения МКН чаще всего используют формулировку “Maritime heritage”. Слово “Maritime”, восходящее к латинскому “Maritimus” включает в себя значения “морской”, “мореходный” и “относящийся к морю”, в связи с чем к нему относят не только море, но и реки, озера.⁴

Одно из первых определений МКН прозвучало благодаря британскому политику Эдварду О’Хара на Парламентской ассамблее Совета Европы в 1998 году,⁵ а впоследствии – в докладе на

Совете Европы в 2000 году, отдельно отметившем важность изучения Речного наследия (Fluvial heritage).⁶ Следует назвать версию, выдвинутую в 2005 году французскими исследователями-этнологами Пьером Шмитом и Натали Лемаршан. Вариант трактовки во многом повторил вышеупомянутый подход, но углубил представления о нематериальном наследии.⁷

Российские исследователи не участвовали в вышеупомянутых международных дискуссиях, в связи с чем контекстуализация МКН началась позже, к первому десятилетию 2000-х, несмотря на многовековые традиции изучения морского наследия как такового. Значительный вклад в процесс внесла Межведомственная комиссия по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, ведущая активную деятельность с 2010 года.⁸

Второе десятилетие 2000-х характеризуется ростом внимания к морскому наследию. Данную динамику характеризует возрастающее число научных публикаций, упоминающих морское наследие среди ключевых слов или заголовков, в то время как публикации прошлых лет единичны. На рисунке 1 отражена динамика численности тематических научных публикаций, основываясь на данных научной электронной библиотеки elibrary.ru.

Первая концепция, посвященная непосредственно МКН, была разработана С.А. Мозговым и П.А. Филиным. Оба исследователя на момент разработки концепции работали в Институте Наследия. Значительный вклад в разработку понятия внес С.А. Мозговой, выступив инициатором но-

---

Strasbourg, 1999. p. 64.

1 О’Хара Э. Морское и речное культурное наследие, Доклад Совета Европы от 12 октября 2000 года №8867 // Техэксперт [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902018839> (дата обращения - 20.02.2020)

2 Bass, G. F. The Development of Maritime Archaeology.// The Oxford Handbook of Maritime Archaeology. New York, NY, 2011. pp. 6-7.

3 Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // The Oxford Handbook of Maritime Archaeology. New York, NY, 2011. pp. 745-747.

4 Muckelroy K. Maritime Archaeology. Cambridge, 1978. p.6.

5 Parliamentary Assembly Orders of the Day 1998 Session (Fourth part, September 1998) / Council of Europe.

6 О’Хара Э. Морское и речное культурное наследие, Доклад Совета Европы от 12 октября 2000 года №8867 // Техэксперт [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902018839> (дата обращения - 20.02.2020)

7 Schmit P., Lemarchand N. Le patrimoine maritime en Basse-Normandie : Réflexions sur deux décennies d’actions publiques et privées // Ministère de la Culture [Electronic Resource]. URL: <https://www.culture.gouv.fr/Media/Thematiques/Patrimoine-ethnologique/Files/Le-patrimoine-maritime-en-Basse-Normandie-reflexions-sur-deux-decennies-d-actions-publiques-et-privées> (дата обращения – 20.02.2020)

8 Мозговой С. А. Об отечественном и зарубежном опыте изучения и сохранения морского культурного наследия // Морской сборник. 2017. №10. С. 43.

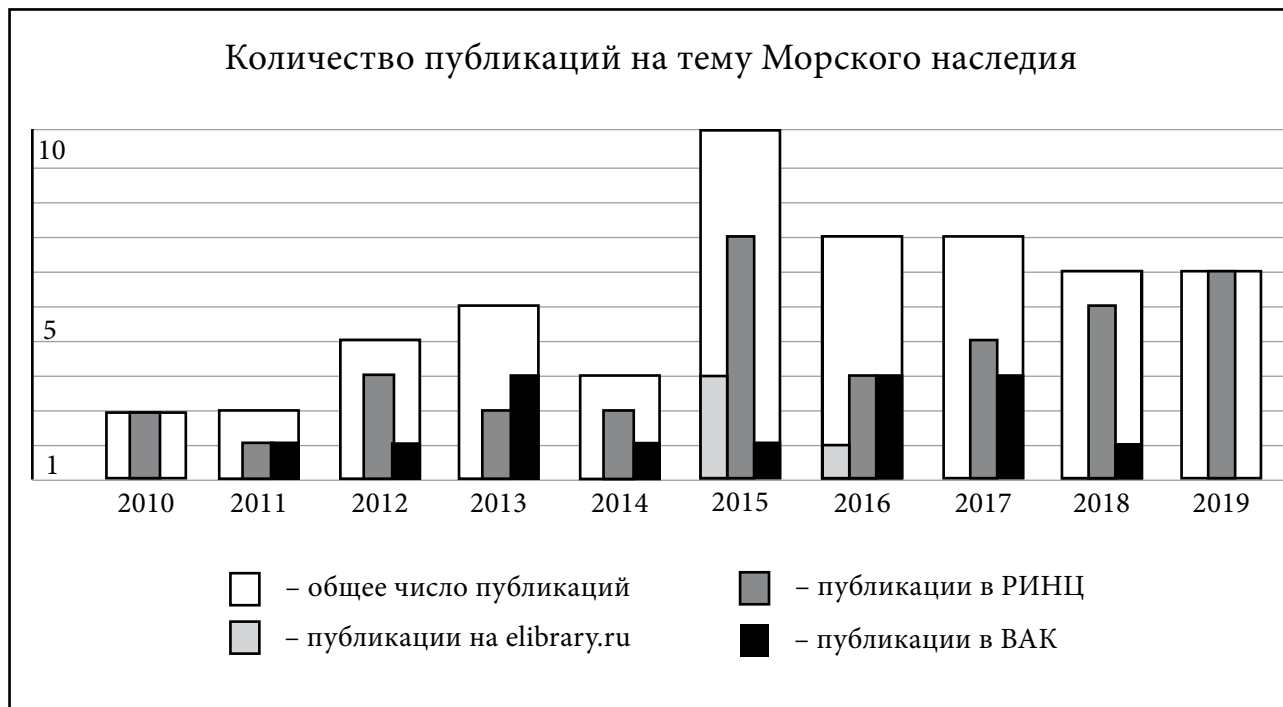

Рис1. Динамика численности публикаций на тему Морского наследия

менклатурного изложения понятия и включения широких нематериальных аспектов.

Первым версию концепции опубликовал П.А. Филин в 2010 г.,⁹ позднее С.А. Мозговой.¹⁰ Исследования имеют незначительные различия и во многом позиционируются как ответ на положения Морской доктрины РФ и Стратегии морского развития до 2030 года.

Проработанность вышеупомянутой концепции заложила фундамент для дальнейшей научной дискуссии в России. Стоит упомянуть концепции Звягина С.А. и Терещенко Е.Ю. Оба исследователя работают над вопросами наследия, связанного с Русским Севером. Подход Е. Ю. Терещенко опирается на концепцию, сформированную П.А. Филиным и С.А. Мозговым, но основное внимание уде-

ляет этническим и культурным факторам.¹¹ Звягин С.А. рассматривает МКН с точки зрения философии, его концепция не содержит точного структурного содержания, обращая особое внимание на духовную составляющую культурного наследия, связанного с мореходством и морем.¹²

Концепция МКН П. А. Филина и С. А. Мозгового заняла положение основной, наиболее употребляемой, однако фактическое ее применение можно подвергнуть критике. Концепция включает в структуру категории и морские, и речные, и подводные объекты культурного наследия.¹³ Основное внимание исследователей, тем не ме-

9 Филин П. А. Морское наследие как важнейший фактор развития морской деятельности России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Материалы Первой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27-30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С. 107-117.

10 Мозговой С. А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник. 2013. №9. С. 31-40.

11 Терещенко Е. Ю. Морское наследие в культурных индустриях Кольского севера // Культурное наследие России. 2016. №1. С. 74.

12 Звягин С. А. К вопросу об актуальности исследования морского наследия русского севера: о морском и парусном наследии Беломорья // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. №5-4. С. 20-22.

13 Филин П. А., Фоломеева-Вдовина Морское наследие России: перспективы сохранения и изучения // Современные производительные силы. 2013. №2. С. 147.

нее, привлечено к объектам, связанным с морем, в то время как внутренние воды в контексте МКН не рассматриваются. Это можно проследить в деятельности ассоциации «Морское наследие России: исследуем и сохраним» – большинство проектов и исследований направлены на морское и военно-морское наследие, нежели на объекты, расположенные у берегов или на дне внутренних вод.

Фактическая интерпретация МКН стала поводом к поиску подходов, способных объединить морское и речное культурное наследие или рассмотреть их как два самостоятельных направления. Фазлуллин С.М., предложил выделить «Речное историко-культурное наследие» как отдельное направление, включив его в концепцию, объединяющую морское, речное и подводное наследие – «Водное историко-культурное наследие».¹⁴ В дальнейшем название концепции трансформировалось в «Гидрокультурное наследие», идею которого исследователь развивает в настоящее время.¹⁵

Наглядное сравнение рассматриваемых концепций возможно через анализ их структурного наполнения. Концепция П.А. Филина и С.А. Мозгового выдвигает «номенклатурное» определение на первый план, уделяя, в первую очередь, внимание содержанию, а не его терминологической трактовке. Аналогичным образом представлены результаты работы Эдварда О'Хары и Парламентской ассамблеи совета Европы.

Разность, существующую в современных подходах, можно проследить по основным рассмотренным выше концепциям, включая морское, речное, водное и гидрокультурное наследие. Анализ структурного содержания концепций представлен в таблице 1.

Наиболее «инклюзивны» концепции П.А. Филина и С.А. Мозгового – они включают большую часть объектов наследия, отмеченных зарубежными авторами, расширяют понимание МКН.

14 Фазлуллин С.М. Речное историко-культурное наследие Русской равнины // Русский Север-2017: Сборник материалов межрегиональной научной конференции Тотемского музейного объединения (23-26 февраля 2017 года). Вологда, 2017. С. 177.

15 Фазлуллин С. М. Подводное культурное наследие России: проблемы музеефикации // Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей международной научной конференции. М., 2019. С. 363.

Большинство пунктов повторяют концепцию Эдварда О'Хары, дополняя ее мемориальными, техническими элементами. Концепция не включает в себя рыболовецкие станции, суда, художественные элементы в судостроении, палеонтологические останки.

Фазлуллин С.М. в структуре водного наследия включает меньшее число форм наследия, нежели П.А. Филин и С.А. Мозговой. Данная концепция также схожа с идеями Эдварда О'Хары, но включает объекты, не рассмотренные никем иным – морской фасад зданий, прибрежную архитектуру и специально затопленные пространства.

Отдельно стоит упомянуть концепцию «морского» наследия французских авторов Пьера Шмита и Натали Лемаршан. Их подход включает как объект МКН экс-вото – обет к святым или божественности как проявление благодарности или мольбы за что-либо.¹⁶

Суммировав основные элементы концепций возможно выделить ряд повторяющихся аспектов в концепциях МКН:

- Включение исторических объектов, построек и комплексов, находящихся в прибрежной зоне, на суше;
- Включение нематериального культурного наследия: традиций судоходства, судостроения, природопользования, фольклор и т.д.;
- Музейные коллекции, как и их коллекции – значимая часть МКН;
- Большинство исследователей включают культурный ландшафт в МКН, но не интерпретируют как комплексную форму культурного наследия;
- Формирование МКН благодаря хозяйственной деятельности человека и освоению водной среды.

Ряд аспектов присущ части концепций и редок:

- Исторические города и территории как отдельную форму МКН выделяют только отечественные исследователи;
- Рыболовецкие суда и платформы включают концепции, подчеркивающие важность речного наследия;
- Философский аспект интерпретации МКН;

16 Так, картина «Якопо Пезаро представляется Папой Александром VI в Сент-Питер» является экс-вото для венецианской морской победы.

Таблица № 1.

Структурное содержание концепций, связанных с морским наследием.

	Парламентская Ассамблея (1998) Морское	Эдвард О'Хара (2000) Морское и речное	Pierre Schmit et Nathalie Lemarchand (2005) Maritime	Мозговой (2013) Морское	Филин (2013) Морское	Фазлуллин (2017) Речное	Фазлуллин (2018) Гидрокультурное
Морские памятники и мемориальные комплексы	X	X	X	V	V	X	X
Исторические, традиционные суда и их реплики;	V	V	V	V	V	V	V
Исторические прибрежные фортификационные сооружения, порты, исторические маяки и гидротехнические сооружения;	V	V	V	V	V	V	V
Исторические поселения и города, исторические водные пути, места сражений и иные дост. места	X	X	X	V	V	V	V
Места кораблекрушений и объекты подводной археологии	V	V	X	V	V	V	V
Элементы прибрежного культурного ландшафта	X	V	X	V	V	V	V
Морские исследовательские станции с районами их исследований	X	X	X	V	V	X	X
Морские музеи, коллекции, архивные и библиотечные собрания	V	V	V	V	V	V	X
Традиции судостроения, мореплавания и природопользования	X	V	V	V	V	V	V
Историческая память и исторические исследования	X	V	V	V	V	V	V
Фольклор	X	V	V	V	V	V	V
Традиционные знания	X	V	V	V	V	V	V
Памятники археологии, связанные с историей морской деятельности	X	X	X	V	X	X	X
Рыболовецкие станции и суда	X	V	V	X	X	V	V
Художественные элементы (декор судов, оборудования)	X	V	X	X	X	V	X
Палеонтологические останки	X	V	X	X	X	X	X
Архитектура (морской фасад)	X	X	X	X	X	V	X
Специально затопленные пространства	X	X	X	X	X	V	X
Макеты	V	X	V	V	V	X	X
Экс-вото	X	X	V	X	X	X	X

- Эстетические компоненты, такие как художественные элементы, макеты, памятники;
- Включение наземных археологических памятников, относящихся к освоению водных ресурсов;
- Компоненты с выраженной научной ценностью только у сотрудников Института Наследия;
- Сакральные компоненты — мемориалы, включены только сотрудниками Института Наследия;
- Когнитивные компоненты МКН, такие как экс-вото, практически отсутствуют;
- Палеоархеологические находки отсутствуют в отечественном научном поле.

Анализ выявленных подходов позволяет выделить ряд перспективных направлений в формировании теории и методологии изучения, сохранения и актуализации МКН. В частности, среди «белых пятен» в отечественных исследованиях можно выделить тему затопленных палеоландшафтов, когнитивных категорий МКН, таких как выделяемое французскими исследователями экс-вото.

Необходимость выделения Подводного культурного наследия, как отдельной от морского и речного наследия категории, — предмет дискуссии. Дихотомия «земля—вода», разделяющая наземное и подводное наследие может препятствовать полноценному восприятию историко-культурного комплекса, в особенности не имеющего археологического характера и расположенного в прибрежной зоне. Разность сред исследования требует различных методов исследования, что технологически выделяет подводное наследие, но не разрывает его тесную связь с культурным контекстом, приведшим к его образованию. Особенно это актуально в контексте изучения прибрежных культурных ландшафтов, зачастую являющихся комплексами на границе суши и воды.

Наконец, логичным развитием видится выделение речного или флювиального культурного наследия как самостоятельного научного направления. Речное или флювиальное культурное наследие — это культурное наследие, сконцентрированное вокруг внутренних водных путей, охватывающее реки, озера, болота, пруды и иные водоемы. Флювиальность как свойство предполагает продолжительное влияние течения, потока и обуславливает протяженность и вытянутость связанных комплексов. Данное направление особенно актуально для

изучения наследия России ввиду многовековой связи исторических событий и процессов с внутренними водами.

Список литературы

1. Звягин С. А. К вопросу об актуальности исследования морского наследия русского севера: о морском и парусном наследии Беломорья // *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2015. №5-4. С. 18-24.
2. Мозговой С. А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // *Морской сборник*. 2013. №9. С. 31-40.
3. Мозговой С. А. Об отечественном и зарубежном опыте изучения и сохранения морского культурного наследия // *Морской сборник*. 2017. №10. С. 40-45.
4. О'Хара Э. Морское и речное культурное наследие, Доклад Совета Европы от 12 октября 2000 года №8867 // *Техэксперт* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902018839> (дата обращения - 20.02.2020).
5. Терещенко Е. Ю. Морское наследие в культурных индустриях Кольского севера // *Культурное наследие России*. 2016. №1. С. 74-78.
6. Фазлуллин С. М. Подводное культурное наследие России: проблемы музеефикации // *Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей международной научной конференции*. М., 2019. С. 358-370.
7. Он же. Речное историко-культурное наследие Русской равнины // *Русский Север-2017: Сборник материалов межрегиональной научной конференции Тотемского музейного объединения (23-26 февраля 2017 года)*. Вологда, 2017. С. 176-182.
8. Филин П. А. Морское наследие как важнейший фактор развития морской деятельности России // *Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Материалы Первой международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург, 27-30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С. 107-117.
9. Филин П. А., Фоломеева-Вдовина Морское наследие России: перспективы сохранения и изучения // *Современные производительные силы*. 2013. №2. С. 145-155.
10. Bass, G. F. *The Development of Maritime Archaeology* // *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology* / edited by Alexis Catsambis, Ben Ford, Donny L. Hamilton. New York, NY, 2011. pp. 3-22.

11. Muckelroy K. Maritime Archaeology. Cambridge, 1978. 284 p.

12. Parliamentary Assembly Orders of the Day 1998 Session (Fourth part, September 1998) / Council of Europe. Strasbourg, 1999. 97 p.

13. Schmit P., Lemarchand N. Le patrimoine maritime en Basse-Normandie : Réflexions sur deux décennies d'actions publiques et privées // Ministère de la Culture [Electronic Resource]. URL: [https://](https://www.culture.gouv.fr/Media/Thematiques/Patrimoine-ethnologique/Files/Le-patrimoine-maritime-en-Basse-Normandie-reflexions-sur-deux-decennies-d-actions-publiques-et-privées)

www.culture.gouv.fr/Media/Thematiques/Patrimoine-ethnologique/Files/Le-patrimoine-maritime-en-Basse-Normandie-reflexions-sur-deux-decennies-d-actions-publiques-et-privées (дата обращения - 20.02.2020]

14. Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // The Oxford Handbook of Maritime Archaeology / edited by Alexis Catsambis, Ben Ford, Donny L. Hamilton. New York, NY, 2011. pp. 773–762.

MARITIME CULTURAL HERITAGE: BASIC CONCEPTS IN RUSSIAN CULTURAL STUDIES

Nikolaev Ivan Romanovich,
lecturer-researcher,

Head of Maritime, Fluvial and Underwater
Cultural Heritage Department of
Cultural and historical center «Svetoch»
e-mail: i.nikolaev.phd@yandex.ru

Abstract

This article considers the existing concepts of marine cultural heritage, their structural content, development trends. In the course of the study, the author identified nine applications and interpretations of the term, of which three are foreign. The author compares the identified concepts, a description of their similarities and differences. The results of the analysis of the structures formed by the researchers are combined in a tabular form for use in methodological work and promising educational activities.

Keywords

Maritime cultural heritage, maritime heritage, fluvial heritage, underwater cultural heritage, cultural heritage, object of cultural heritage.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR

УДК 008

ББК 63.3

10.34685/НИ.2020.29.2.004

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ Н.Н. СТРАХОВА О ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Кокшенева Капиталина Антоновна,

Главный научный сотрудник, доктор филологических наук,
руководитель Центра наследования русской культуры
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачева
Берсеневская набережная, д. 18-20-22, строение 3, Москва, Россия, 119072,
e-mail: omega125@yandex.ru

Аннотация

Творчество Н.Н. Страхова (1828-1896) – критика, публициста, философа – сегодня требует актуализации, так как XX-тый век оказался к нему равнодушен. Внимание Страхова - критика к творчеству И.С. Тургенева (1818-1883) было устойчивым на протяжении двадцати лет – взгляд его опирался на его культурфилософию, позволяющую увидеть противоречия и особенности творчества писателя с позиций национальной культуры (не западническая и не славянофильская точки зрения, которые наиболее изучены).

Ключевые слова

Страхов, Тургенев, русская литература, век классиков, Базаров, «Дым», Россия, Европа.

В 1895 году вышла третьим изданием книга Николая Николаевича Страхова «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом».¹ Бо-

лее двадцати лет Страхов был внимательным читателем Ивана Сергеевича (он был моложе писателя ровно на десять лет). За эти годы его отношение к некоторым идеям и героям Тургенева менялось, что сам Страхов отразил в своих трех предисловиях к книге (он всегда писал новое предисловие к очередному изданию, сохраняя и старое, в которых как бы со стороны смотрел на свое отношение к разбираемым произведениям). В ситуации, когда «межеумочная литература имеет

1 В нее вошли статьи, написанные в 1862-1885 годы: «Отцы и дети» (впервые была опубликована во «Времени», 1862, № 4); «Дым» (впервые напечатана в «Отечественных Записках», 1867, № 5); а также «Два письма Н. Косицы» (За Тургенева, и Еще за Тургенева); «Последние произведения Тургенева» (1871); «Поминки по Тургеневе» (1883).

огромный успех»,² когда издаются сборники, энциклопедии, биографии, не столько уясняющие суть дела, сколько способствующие «рассеянию мыслей», Страхов-критик полагал своей задачей «сознательно и строго уяснить хотя бы не многие главные предметы»,³ чтобы и читатель мог «отличать существенное от побочного и неважного».⁴ Тургенев и нигилизм, Тургенев и Европа – это все важнейшие темы критики Страхова.

В ту пору, когда появился роман «Отцы и дети»⁵, полагает Страхов, «нигилизм проходил лучшую пору своего развития»⁶. В начале шестидесятых годов (1860-1862) «освобождение крестьян как будто подало лозунг ко всяческому освобождению умов». Страхов, сам умеющий всегда держать свой ум в состоянии обновления и поиска истины, не мог первоначально не приветствовать этого стремление к новым поискам в эстетике и педагогике, в истории и философии. Но отрицатели «старого» не умели остановиться. Дело стало доходить до того, что было выдвинуто положение о необходимости сочинять «новую религию». Логика нигилизма не могла не занимать Страхова: «Мне казалось, что это огромное возбуждение умов не может не принести каких-нибудь хороших плодов. Отрицание, сомнение, пытливость – неизбежное условие свободной работы мысли. А затем второй шаг будет уже – выход из отрицания, положительная мысль, подъем на более высокую степень понимания»⁷. Именно в таком настроении Страхов писал статью о романе «Отцы и дети». Но следует учесть и взгляд Страхова на суть творчества: «Роль художества состоит именно в том, что оно выводит “на всенародные очи” самую глубину и ширину жизни, почему оно

сильнее и правдивее всяких умствований»⁸. Нигилизм Базарова Страхов показал с сильной стороны, то есть как чистое отрицание, как идеализированный порыв освобожденной мысли, «как последовательное искание нового пути для жизни и деятельности ума»⁹. Однако, как стал видеть критик, сам нигилизм (в лице адептов) не выдержал первоначальных своих притязаний и надежд.

Страхов встречался с Тургеневым в 1862 и 1864 году. В эти годы демократическая критика вообще судила писателей очень строго, впрочем, и не только Тургенева: «Это было время литературного террора, когда писателей казнили, лишая их, так сказать, гражданской чести. Но я по вольнодумству, которое не прошло мне даром, никак не мог, даже в самый разгар этого террора, принять его за серьезное дело, Тургенев, более опытный и близко знакомый с литературными кружками, очевидно, лучше понимал опасность и не совсем напрасно тревожился»¹⁰. В творчестве это настроение писателя вылилось в тоску и мысль, что «все русское – дым», тем самым он словно защищался от осуждающих мнений. «На мое имя легла тень. Я себя не обманываю; я знаю, эта тень с моего имени не сойдет!»¹¹ – высказал он в 1869 году.

Роман вызвал бурную литературную полемику и общественную дискуссию: одна сторона настаивала на том, что автор оскорбил молодое поколение (вывод М. Антоновича, журнал «Современник»), а противники их с гневом бросают в лицо писателю упреки в «низкопоклонстве», в «заискиванье» перед тем же самым молодым поколением.¹² Автор, настаивают третьи, высмеял и опозорил отцов, молодое же поколение непомерно вознес (отчасти, точка зрения Д. Писарева, журнал «Русское слово»). Но была и еще одна «из-

2 Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом: 1862-1885. Изд. 3-е. СПб., 1895. С. I.

3 Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. СПб, 1890. С II.

4 Страхов Н.Н. Указ соч. С. II.

5 Романы Тургенева «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859) были опубликованы в некрасовском «Современнике»; после конфликта с редакцией, «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862) напечатаны в «Русском вестнике» М. Н. Каткова.

6 Страхов Н.Н. Указ соч. С. IV.

7 Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом: 1862-1885. Изд. 3-е. СПб, 1895. С. VI.

8 Там же. С. VI.

9 Там же. С. VII.

10 Там же. С. IX.

11 Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей». Литературные и житейские воспоминания. URL: <http://http://turgenev-lit.ru/turgenev/vospominaniya/literaturnye-vospominaniya/po-povodu-otcov-i-detey.htm>

12 «Помнится, один критик, в сильных и красноречивых выражениях, прямо ко мне обращенных, представил меня вместе с г-м Катковым в виде двух заговорщиков, в тишине уединенного кабинета замышляющих свой гнусный ков, свою клевету на молодые русские силы... Картина вышла эффектная!». Там же.

вестная партия» – «спасителей отечества», превратившая слово «нигилист», запущенное в мир самим Тургеневым, в «клеймо позора». Базаров стал «яблоком раздора». Противостояние критиков социал-демократического толка и эстетиков (сторонников «чистого искусства») было жесточайшим, о чем кратко сказал В.В. Розанов: «Орудие (литературного. – К.К.) террора – лишение чести, опозорение ... "кислота в лицо"»¹³. Страхов как раз и писал свою критику, пытаясь разобраться по существу – поверх всех этих скорых мнений. Его критика отражала национальный взгляд на новые процессы.

Для Страхова Базаров – «лицо новое, которое резкие черты мы увидели в первый раз»¹⁴. Тургенев не искажал его умышленно, – просто, как чуткий художник, он увидел в образе то, что разбросано в самой жизни в качестве отдельных зародышей. Два журнала – «Современник» и «Русское слово» – как раз представляли и «круг мыслей», и систему убеждений, которые с достаточной силой явились образе Базарова. «Плоть и кровь» обрели теоретические идеи и схемы демократического направления. Но главная проблема, пожалуй, в том, что «взгляд на вещи» названных журналов, претендовал на полное господство в «умственном движении» своего времени. Тургенев же как художник проявил чуткость к новому ходу жизни в лице Базарова.¹⁵

Но ход самой литературы был уже иным, что критик увидит довольно скоро.

Размышления Страхова о Тургеневе происходили в трагических общественно-государственных пределах: в 1865 году он издает свою

книгу «Из истории литературного нигилизма», а в 1866 году прогремел выстрел Каракозова. Вместо литературного террора пришла пора террора политического. Этот выстрел «поставил точку» в окончательном понимании Страховым смысла нигилистического движения умов: «Это был не умственный поворот, а бесплодное шатание мыслей, не умеющих и не стремящихся во что-нибудь сложиться. Это шатание быстро пошло по давно пробитым колеям революционаризма и анархизма, то есть пошло в отрицательную сторону, как самую легкую и всегда открытую. Но оно не дало нам никакого положительного плода»¹⁶. А 19 марта 1881 года произошло убийство террористами императора Александра II. Н.Н. Страхов напишет свои умные «Письма о нигилизме», а в 1883 году опубликует последнюю свою статью о Тургеневе.

Между этими двумя выстрелами лежит «эпоха великих реформ», обратную сторону которой далеко не все современники видели так ясно и глубоко, как это смог сделать Н.Н. Страхов.

Если в «Отцах и детях» Тургенев вывел «новых людей», то в «Дыме» – «умных людей». О повести Тургенева «Дым» критик пишет в 1867 году (статья помещена в «Русском вестнике», № 3), то есть она увидела свет уже после выстрела Каракозова. В главном герое повествования Литвинове, в сущности, «нет образа» (какими были Рудин и Базаров).¹⁷ Но герой тоже демонстрирует читателю некое умственное состояние. Страхов цитирует Тургенева: «И все вдруг ему показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь, все людское, особенно все русское». Однако, критик считает, что в повести нет ничего, что заставило бы героя так думать и чувствовать. Мало того, Страхов находит, что «ни одного из прежних своих героев он не наделял счастьем так легко и так надолго, как Литвинова»¹⁸. Следовательно, есть основания предположить, что это состояние («все русское – дым») есть состояние и мысль самого Тургенева, а не его героя. Не случайно центральным местом повести Страхов считал беседу героев Потугина и Литвинова о Европе и отноше-

13 В.В. Розанов. Литературный террор.

14 Страхов Н.Н. Литературная критика. М., 1984. По этому изданию цитируется статья Страхова «И. С. Тургенев. «Отцы и дети. Дым». С 183.

15 Тургенев в романе пишет: «Нигилистом называется тот, который ничего не признает, который ничего не уважает, который ко всему относится с критической точки зрения; который не склоняется ни перед какими авторитетами; который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип. Прежде без принципов, принятых на веру, шагу ступить не могли; теперь же не признают никаких принципов. Не признают искусства, не верят в науку и говорят даже, что наука вообще не существует. Теперь все отрицают, а строить не хотят; говорят, это не наше дело, сперва нужно место расчистить». См. текст произведения: URL:<https://ilibrary.ru/text/96/p.5/index.html>

16 Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом: 1862-1885. Изд. 3-е. СПб, 1895. С. IX.

17 Страхов Н.Н. И. С. Тургенев. Отцы и дети. Дым. / Литературная критика. М., 1984. С. 211.

18 Там же. С. 222.

нии к ней. Потугин резко отзывается о славянофилах и смеется над Кохановской¹⁹; он предан её (Европы) началам «до чрезвычайности», Россию же он страстно любит и страстно ненавидит. Анализируя диалоги тургеневских «умных людей», Страхов приходит к выводу, что «умные люди не столько пылают любовью к цивилизации, сколько нерасположением к славянофильской теории»²⁰. Он уверен, что помимо «западного ветра» цивилизации, ощутимого в России, есть и другое веяние, который сам же Тургенев называл «черноземною силою». Именно их столкновение позволяют критику утверждать, что все русское далеко не дым: «...Кто живет среди борьбы этих направлений, для кого она составляет насущную задачу, радость и горе, для того должны показаться дымом слова и рассуждения, отрицающие серьезность нашей жизни»²¹.

В 1869 году вышли в свет «Литературные и житейские воспоминания» Тургенева, помещенные во главе Полного собрания, где он объявляет себя западником, а учение славянофилов признает ложным и бесплодным. Но Страхов находит слишком много противоречий в заявлениях писателя, несмотря «на все желание г. Тургенева выставить себя нигилистом»²². Критик отказывает писателю в его притязаниях.

Страхов принимается защищать Тургенева «против него самого», полагая, что смысл его творческой деятельности и его заслуги в литературе гораздо выше той оценки, которые им дает он сам. Опровержением чистого западничества Тургенева для Страхова является роман «Дворянское гнездо», смысл которого (наиболее теплого и поэтического среди сочинений писателя) «вполне славянофильский». Страхов видит, как поэт и мыслитель пришли в противоречие в Тургеневе. Мало того, всеми своими лишними людьми (Гамлетами, Рудинскими, Базаровыми) Тургенев достиг прямо противоположного относительно своего западничества

результата – он, в сущности, казнил и развенчал его через своих героев: «Изображая жизнь нашего образованного класса, он видит в ее волнениях и представителях нечто великое и важное <...>. Вдруг оказывается, что это мир фальшивый, чуждый настоящей, здоровой жизни <...>»²³.

В своих статьях Страхов вел упорную борьбу за Тургенева. Он – скептик, а не нигилист. Он «не нажил никаких убеждений и умеет лишь ко всему относиться отрицательно»²⁴.

В своих статьях Страхов вел упорную борьбу за Тургенева. Он – скептик, а не нигилист. Он «не нажил никаких убеждений и умеет лишь ко всему относиться отрицательно»²⁵.

В статье «Последние произведения Тургенева» (1871), критик пытается объяснить те толки об упадке творчества писателя, которые ведутся после «Отцов и детей», то есть почти десять лет. Да, в писателе крепко сидит вера в прогресс (и это влияние Запада). Да, Тургенев, весьма ошибался, прилагая к русской жизни формы европейского развития и вообще рассчитывая, что европейская цивилизация привьётся на нашей почве. Его собственный пример и опыт доказывают, что она не прививается: «Базаров есть лучший плод европейского прогресса на русской почве. Что же вышло? За исключением наивных писаревцев никто в нем не видит у нас ни серьезного врага, ни серьезного друга»²⁶. Если западничество писатель «разобидел неумышленно», то уже «совершенно умышленно не остался в долгу и перед славянофильством»²⁷. И само по себе внимание чуткого, пронизательного Тургенева к славянофильству, доказывает критик, становится свидетельством того, что именно славянофильство стало значительным и влиятельным направлением общественной мысли. Собственно, в романах Тургенева нет западной жизни, которой следовало бы подражать. В то же самое время у него достаточно много таких героев, в которых вообще нет ничего западного, и, тем не менее, выписаны они с симпатией – Лиза из «Дворянского гнезда», Маша «Затишья», героиня «Аси», Хорь и Калиныч, Касьян из Красивой Мечи и другие.

19 Кохановская (наст имя Софановская) С.П. (1823-1884) поддерживалась славянофилами за ее изображение «народной старины» и акцентацию на «смирении» как свойстве русского характера.

20 Страхов Н.Н. И. С.Тургенев. Отцы и дети. Дым / Литературная критика. М.,1984. С. 230.

21 Там же. С. 232

22 Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом: 1862-1885. Изд. 3-е. СПб., 1895. С. 109.

23 Там же. С. 123.

24 Там же. С. 123.

25 Там же. С. 123.

26 Там же. С. 137.

27 Там же. С. 138.

На живом опыте Тургенева мы можем убедиться, что Запад «не дает веры» русскому человеку, что он производит в нем некий скептицизм». Европа, оторвав его от родного, тем не менее не позволила ему «всей душой примкнуть к чужому», но только и дала возможность в этом «чужом» усвоить элементы отрицания и неверия.

На живом опыте Тургенева мы можем убедиться, что Запад «не дает веры» русскому человеку, что он производит в нем некий скептицизм»²⁸. Европа, оторвав его от родного, тем не менее не позволила ему «всей душой примкнуть к чужому», но только и дала возможность в этом «чужом» усвоить элементы отрицания и неверия.

В последней статье критика «Поминки по Тургеневу», написанной после смерти писателя, в 1883 году, подводятся некоторые итоги. Тургенев, двадцать пять лет привлекающий к себе внимание читающей публики, был сам теснейшим образом связан с этой публикой – он не мог и не хотел от нее отъединиться, он не хотел расходиться с её вкусами и её мыслями, а потому писатель «никогда не впадал в противоречие с духом того общественно-го слоя, которому служил»²⁹. Как этот слой, так и писатель, не был увлечен религиозностью, патриотизмом, славянской идеей. Как этот слой, так и писатель, не был расположен к идее народности, а, напротив, был расположен «ко всеядности мнений и вкусов, и всегда инстинктивно уклоняется от строгой и решительной постановки вопросов»³⁰.

Русский писатель Тургенев поставил себя в неверное отношение к Европе. Страхов считает, что Тургенев до конца духовно так и не вернулся к своей родине: те внутренние силы, которыми живет Россия были ему достаточно чужды, «и он с каким-то отчаянием хватался за одно лишь понятное ему проявление народной души – за наш язык»³¹. И все же, Страхов видит в его писательской личности черты родственности России: «Его симпатии в отношении к людям были чисто русские. Простота, хрустальная ясность души, золотое сердце – вот что добрый и мягкий Тургенев ставит, очевидно, выше всяких других

достоинств»³². Что же еще русского сохранялось в нем, несмотря на духовное «невозвращение»? Критик видит тут и его способность к отражению религиозной жизни народа в ряде рассказов; и его бесконечно любовное отношение к русской природе. Но все же, считает Страхов, Тургенев не был выразителем глубинно-национальной сущности народа, не был великим народным писателем, оставаясь «певцом» общества – культурного слоя своего времени.

Список литературы

1. Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. Г. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. (Философская культурология второй половины XIX века). М. : МГУ, 1992.
2. Антонович М. А. Воспоминания. / Шестидесятые годы. М. : Academia, 1933.
3. Антонович М. А. Асмодей нашего времени. / Критика 60-х годов XIX века. М., 2003.
4. Грот Н.Я. Памяти Н. Н. Страхова. // Вопросы философии и психологии. Кн.32. 1896.
5. Елисеев Г. З. Воспоминания. / Шестидесятые годы. М. : Academia, 1933.
6. Ильин Н.П. Два этюда о Н. Н. Страхове (1828-1896). // Русское самосознание (философско-исторический журнал). СПб., 1996, № 3.
7. Ильин Н. П. Трагедия русской философии. Часть I. От личины к лицу. СПб., 2003.
8. Катков М. Н. Роман Тургенева и его критики. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева. / Критика 60-х годов XIX века. М., 2003.
9. Лебедев Ю.В. Тургенев. М, Молодая гвардия (серия ЖЗЛ). 1990. – URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/bio/lebedev/turgenev-1.htm>
10. Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. М. : Современник, 1984.
11. Страхов Н.Н. Герцен. Милль. Парижская коммуна. Ренан. Историки без принципов. / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. I. Изд. 3-е. Киев, 1897.
12. Страхов Н.Н. Письма о нигилизме. / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн.2. Изд. 3. Киев, 1897.
13. Страхов Н.Н. Литературная критика. М.,1984.

28 Там же. С. 157

29 Там же. С. 171.

30 Там же. С. 172.

31 Там же. С. 174.

32 Там же. С. 174.

14. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. СПб., 1890.

15. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом: 1862-1885. Изд. 3-е. СПб., 1895.

16. Тургенев А.С. По поводу «Отцов и детей». Литературные и житейские воспоминания. / Сочинения. 1880. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/vospominaniya/literaturnye-vozpominaniya/po-povodu-otcov-i-detej.htm>.

CRITICAL ARTICLES BY N. N. STRAKHOV ABOUT THE WORC OF I. S. TURGENEV

Koksheneva Kapitalina Antonovna,

DSc in Philology,

head of The center for inheritance of Russian culture

Institute for Cultural and Natural Heritage (Institute of Heritage – Likhachev Institute),

Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3, Moscow, Russia,

e-mail: omega125@yandex.ru

Abstract

The work of N. N. Strakhov (1828-1896) – a critic, publicist, philosopher-today requires updating, since the XX-th century was indifferent to it. Strakhov's critic's attention to the work of I. S. Turgenev (1818-1883) was steady for twenty years – his view was based on egoist philosophy, which allows us to see the contradictions and features of the writer's work from the standpoint of national culture (this is not a westernist or Slavophile point of view, which are the most studied).

Keywords

Strakhov, Turgenev, Russian literature, the age of classics, Bazarov, "Smoke", Russia, Europe.

RAR
УДК 341.9
ББК 67:79.0
10.34685/НН.2020.29.2.005

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1917-1920 гг.

Ипполитов Сергей Сергеевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
НИИ природного и культурного наследия им.Д.С. Лихачева,
проректор по развитию Московского государственного института культуры,
декан факультета Государственной культурной политики,
ул. Космонавтов, 2. Москва, Россия,
e-mail: nivistnik@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению ситуации с охраной культурного, природного, исторического, научного наследия России в условиях Гражданской войны в 1917-1920 гг. на территориях Сибири и Юга России, подконтрольных антибольшевистским режимам. Исследуется гуманитарная ситуация в области сохранения национального наследия, а также политика антибольшевистских режимов в этой области.

Ключевые слова

Культурное наследие, Гражданская война, национальное достояние, архивы, Сибирь, Крым.

Одной из гуманитарных функций общества и государства является сохранение национально-исторического и культурного наследия. Гражданская война в России нанесла национальному наследию катастрофический урон. Гражданское противостояние имело своим следствием безвозвратную утерю огромного массива исторических и культурных памятников.

В настоящее время предметом научного интереса являются факты гуманитарной деятельности по сохранению объектов культурного и исторического наследия в условиях Гражданской войны. Это была работа подвижников, в условиях гуманитарной катастрофы и всеобщего одичания пытавшихся сохранить национальное наследие народа. Еще более значимой является преемственность политики местных антибольшевистских и советских властей в вопросах сохранения культурного и исторического наследия. Факты такого рода единичны, и вовсе не они определяли общую

ситуацию в стране. Однако существование такой преемственности свидетельствует о глубоко укоренённой традиции, которой следовали представители научного сообщества России вне зависимости от политического режима в конкретный момент истории.

Источниковая база изучения гуманитарной деятельности по сохранению объектов исторического и культурного наследия на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, крайне ограничена. Причин тому несколько. Во-первых, сохранность документов местных учреждений – архивов, библиотек, природных заповедников, музеев – на территориях, охваченных военными действиями, была крайне низкой. Их делопроизводственная документация не считалась ценной, и не подлежала первоочередному учету и сохранению. Во-вторых, само делопроизводство в этих учреждениях в период Гражданской войны было крайне упрощенным и

ограниченным, если было вообще. Это объяснялось материальными причинами: скудные финансы; нехватка самых элементарных ресурсов, включая бумагу и чернила; разрушение управленческих цепочек – все это не способствовало накоплению источниковой базы.

По названным причинам специальных трудов, посвященных сохранению наследия в период Гражданской войны, немного. Основными научными центрами, которые занимаются данной проблематикой, стали Южный филиал НИИ природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева и Томский государственный университет, ведущие исследования Юга и Востока России соответственно.

Революционные события в России 1917 г. породили в сфере науки и культуры неожиданный эффект: в регионы страны перемещались тысячи работников интеллектуального труда в попытке найти убежище и пропитание в охваченной войной и экономическим кризисом стране. Происходил и отток лиц духовного звания из центра страны на периферию.¹ Этот процесс, при всей драматичности, послужил мощным фактором повышения научного и культурного уровня провинциальных учреждений, занимавшихся сохранением исторического и культурного наследия. Так, пополнила свой штат столичными профессионалами Екатеринодарская картинная галерея, где получили работу архитекторы А. Вайтенс и Н. Лансере, художник А. Мочалов.²

Лансере, художник А. Мочалов .

В Государственном архиве Республики Крым сохранилось «представление» академика Б.Д. Грекова на имя назначенного А.И. Деникиным Таврического губернатора Н.А. Татищева о создании Таврического центрального архива: «Его превосходительству господину Таврическому губернатору. [От] Профессора Таврического университета, заведующего Таврическим центральным архивом Б.Д. Грекова.

Имею честь представить Вашему превосходительству копию с докладной записки и проект

сметы Таврического центрального архива при Таврическом университете, извлеченную из общего доклада о Таврическом университете с каковым докладом отправлено Таврического Университета специальная делегация к главнокомандующему Южнорусскими армиями генералу Деникину.

При этом имею честь просить о следующем:

Разрешить продолжать начатую перевозку архивов, для чего необходимо иметь Центральному архиву соответствующее удостоверение.

Заведующий архивом профессор Б. Греков Симферополь 25 июня 1919 г.»³.

В прилагавшемся к документу Обосновании академик Греков напоминал, что:

«Мысль о центральных архивах по всей России – старая мысль, но осуществить ее по тем или иным причинам до сих пор не приходилось. Ученые архивные комиссии, учрежденные далеко не во всех губернских городах, должны были иметь общее наблюдение за состоянием архивов, но они не могли выполнять даже своей сравнительно скромной задачи, так как бюджет их не превышал обычно несколько сот рублей в год. Российская Академия Наук давно лелеяла план устройства в различных местах России центральных архивов; представители специально архивного дела, как например, покойный профессор Самоквасов, очень много писали о необходимости подобных учреждений, а в последнее время академик А.С. Лаппо-Данилевский, который специально ведал губернскими архивными комиссиями, высказывался самым определенным образом за устройство центральных архивов и, между прочим, указывал на Таврическую губернию, с которой, по его мнению, удобнее всего было бы начать это дело, так как архивы этого края сравнительно молодые, их легче свести в одно место, легче справиться с описанием документов и т.п.»⁴.

И далее Б.Д. Греков описывал катастрофическую ситуацию, сложившуюся в Крыму и на юге России с архивными хранилищами и массивами исторических документов. Академик упоминал в записке о распаде профессиональных коллективов, острой нехватке квалифициро-

1 Косых В.И. Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №1. С. 86.

2 Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60.

3 Государственный архив Республики Крым. http://museum.cfuv.ru/history/photochronicle/univ_1918/

4 Государственный архив Республики Крым. http://museum.cfuv.ru/history/photochronicle/univ_1918/

ванных архивистов, помещений оборудования. Рассказывал об уничтожении архивов толпой, гибнущих под открытым небом уникальных собраниях, разгромленных в Симферополе военных архивах, похищении уходившими из Крыма немцами архива Черноморского флота. Сам академик Греков покупал на рынке части полицейского симферопольского архива на вес, по два рубля за фунт документов, продававшихся для самокруток. Был разгромлен ценный исторический архив в Васильевке Мелитопольского уезда и архив наследников Ю.В. Попова⁵.

Схожая ситуация в годы Гражданской войны складывалась и с музейными собраниями. Проблемы в этой области у всех гуманитарных учреждений были едиными: нехватка финансирования, помещений, квалифицированных кадров, невозможность защитить научное и культурное наследие от мародерства и вандализма. В мае 1920 г. академик В.И. Вернадский обращался к П.Н. Врангелю с просьбой оказать поддержку в сохранении Ялтинского Естественно-исторического музея, оказавшегося под угрозой выселения и потери уникальных экспонатов. Вернадский обращал внимание Врангеля не только на ценность музея для науки, но и писал о постоянном интересе жителей к экспозиции музея, которая оказалась востребованной у посетителей даже в самое тяжелое военное время. В докладной записке на имя П.Н. Врангеля, подписанной В.И. Вернадским и В.А. Обручевым, в числе прочего, говорилось следующее: «По поручению правления Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба мы просим Ваше высокопревосходительство, как главного начальника Крыма, обратить внимание на безвыходное положение ялтинского Естественно-исторического музея, имеющего большую культурную ценность... Мы считаем долгом указать, что этот музей представляет единственное научное учреждение в Ялте и одно из немногих в Крыму. В музее собраны большие коллекции по естествознанию, археологии и этнографии Крыма, и все коллекции отделения противотуберкулезной лиги, накопленные за много лет; при нем имеется единственная для Ялты научная библиотека. В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших еще культурных очагов является особенно важной

задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесет большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительной работе в Ялте.

Ввиду важности дела мы просим вас обратиться на него свое просвещенное внимание и сделать распоряжение о возврате музею отнятых у него помещений, а также об оказании ему необходимой материальной поддержки»⁶.

В конце этого письма академик Вернадский написал очень интересную фразу, подтверждающую тезис о существовании ситуативной преемственности советских и антибольшевистских властей в деле сохранения национального наследия: «Такую поддержку музею оказывала даже советская власть, и было бы чрезвычайно тяжело, если бы русское правительство ему в этом отказало».⁷ Конечно, такие слова Владимира Ивановича Вернадского отражали его знаменитое бесстрашие в отстаивании принципов, проявлявшееся на всем его жизненном пути, без оглядки на возможные последствия от власти предрержащих. И надо отдать должное П.Н. Врангелю: он не обратил внимания на провокативный тон именитого ученого и принял участие в сохранении ялтинского Естественноисторического музея⁸.

В период Гражданской войны продолжилась работа Керченского музея, не только сохранявшего памятники истории и культуры, но и проводившего археологические изыскания и каталогизацию музейных фондов. Его директор В.В. Шкорпил на собственные средства приобретал экспонаты для музея, препятствуя вывозу артефактов за границу. Велась в музее и публикаторская деятельность: в декабре 1919 г. вышел в свет «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей»; в том же году был подготовлен «Историко-археологический путеводитель по Ставропольской губернии».

Продолжалась работа и по модернизации существовавших и созданию новых музеев. Решением Ростовской городской думы был учрежден в Ростове-на-Дону Музей промышленности и сельского хозяйства. Мотивировалась необхо-

5 Крымский архив. 2003. № 9. С. 158-159.

6 В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров и др. 2-е изд., перераб. К.: Лыбидь, 2012. 248 с.

7 В.И. Вернадский и Крым. С. 128.

8 Цит. по: Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Указ. соч. С. 61.

димось создания нового музея не в самое благоприятное время следующим образом: «В богатом и оригинальном крае Юго-Востока России, промышленность и сельское хозяйство которого после войны должны занять в жизни края, но и всей страны выдающееся значение — создание музея промышленности и сельского хозяйства, как культурно-просветительного центра, безусловно, необходимо»⁹. Понимая, что «своевременность организации музея с первого взгляда может вызвать сомнения и возражения в условиях переживаемого момента»¹⁰, общественность Ростова-на-Дону, тем не менее, считала «немедленную организацию музея целесообразной». Открытие музея состоялось в мае 1918 г.

Такой же логики придерживались и власти Кубани. Ведомство торговли и промышленности планировало создание музея «всех производств краевой промышленности»¹¹. Обсуждалась возможность создания сельскохозяйственного музея.

Реалии военного времени налагали свой отпечаток на деятельность местных просветительских учреждений. С одной стороны, сохраняя собственные традиции, музеи занимались выставочной деятельностью по актуальным и волнующим граждан проблемам. Ставропольский земско-городской музей устраивал в 1919 г. прикладные выставки по санитарному положению в стране в связи с эпидемиями тифа и холеры; сельскому хозяйству и различным областям знания.

Постоянная смена властей, военные действия, нехватка материальных ресурсов создавали критическую ситуацию в области охраны природного наследия Юга России. Руководители государственных и гуманитарных общественных организаций пытались привлечь внимание всех властей, в то или иное время распоряжавшихся в Крыму, и сподвигнуть их на осуществление природоохранных мероприятий. Руководитель Крымского национального заповедника М.П. Розанов в начале 1918 г. обращался в большевистский Военно-революционный комитет в Симферополе: «Я вынужден был

покинуть вверенное мне дело на том основании, что разбежавшиеся после военных столкновений на Альме и под Ялтой банды вооруженных людей ходят по лесу и ежедневно приходят к нам с угрозами, требованиями и просьбами о пище и приюте, что ставит нас в крайне тяжелое положение. Прошу Военно-революционный комитет принять со своей стороны меры к тому, чтобы редкостные породы животных (олений, зубров, косуль и др.), которых, кроме Национального Заповедника нигде в мире нет, не были бы совершенно истреблены»¹².

Тяжелые испытания выпали на долю Аскании-Нова. Эта страница истории уникального степного заповедника до сих пор редко становится предметом исследования. На сегодня имеется лишь несколько работ профессиональных историков, затрагивающих период Гражданской войны в истории заповедника¹³.

Традиционно в судьбе заповедника активное участие принимали ученые и общественные деятели Крыма, в частности, Таврическая Ученая Архивная Комиссия. 11 марта 1919 года, в протоколе заседания ТУАК появилась запись о катастрофическом положении Аскании-Нова. В ней говорилось о «беспомощном положении зоопарка, после того как чины Добровольческой Армии были обезоружены, а грабительские шайки начали опустошать хозяйство Аскании-Новой и предназначенные для корма животных и птиц запасы сена, зерна, муки»¹⁴.

9 Цит. по: Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60. doi:10.24411/2308-2062-2017-00020

10 Цит. по: Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Указ.соч. С. 61.

11 Цит. по: Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Указ.соч. С. 63.

12 Цит. по: Шарипов О.А. Крым – часть русского мира. Период революции и Гражданской войны // Крымский архив. 2016. №3 (22). С. 114-111.

13 Безбражная Е.А. Роль крымских ученых в восстановлении заповедно-исследовательского комплекса Аскании-Нова (1918-1930 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2008. №1. С. 88-96; Безбражная А.Е. К вопросу о начале государственно-правового регулирования заповедного дела в Аскании-Нова (1919-1929 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2009. №2. С. 321-327; Еремеева А.Н. «Для сохранения на вечные времена»: природоохранные инициативы на Юге России в 1914-1920 гг. // Наследие веков. 2017. №3 (11). С. 15-23; Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60.

14 Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК., 1920., № 57. С. 1-82. Цит. по: Без-

К этому же периоду относятся сведения об уничтожении уникального зоопарка Аскания-Нова: «Около сорока снарядов трехдюймового орудия легло в области зоопарка... Всего погибло более трех четвертей населения зоопарка. Бывали дни, когда весь парк положительно кишел непрошеными посетителями. Всюду раздавалась стрельба; неслись крики, хохот и ругань»¹⁵.

Михаил Михайлович Завадовский, выдающийся российский биолог и будущий академик, находившийся в 1919 г. в экспедиции в Аскания-Нова, вспоминал о значительном сокращении количества птиц из-за передвижения войск: «Причиной тому – сокращение числа выводков и яйцекладки, что стоит в зависимости от передвижения в степях Аскании воинских частей в 1919, 1920 и 1921 годах. Что касается рыб, то большая часть из них погибла вследствие безобразий проходящих воинских частей и недостатка воды в каналах и прудах; последнее находит себе объяснение в сокращении деятельности водонапорной станции, из-за недостатка топлива. Зоотехническая лаборатория наиболее пострадала: увезены и украдены микроскопы, уничтожена часть реактивов, погибли опытные животные, весь инвентарь лаборатории приведен в хаотическое состояние, вольеры разобраны. Музей сильно пострадал в течение последнего года: совершенно уничтожены коллекции яиц, собиравшихся в течение 25-ти лет, бабочек и насекомых. Совершенно сожжен гербарий, увезена коллекция старинного оружия, сорваны этикетки с большинства шкурок птиц, уничтожены этикетки на археологической коллекции... Библиотека в значительной своей части уничтожена: часть увезена офицерами добровольческой армии при отступлении, часть разобрана и сожжена советскими частями. Общий итог: Аскания продолжает в своем израненном виде сохранять свою мировую ценность и требует к себе прежнего концентрированного внимания»¹⁶.

В июне 1919 г. Управлением земледелия и землеустройства Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России основан Комитет по устройству Черноморского побережья. Первым проектом созданного учреждения стало создание ботанического сада в Новороссийском районе. Планировалось устройство заповедников в Астраханском крае¹⁷.

Свои особенности имела гуманитарная деятельность по сохранению культурного и исторического наследия в Сибири в исследуемый период. В отличие от юга России, где эта работа критическим образом зависела от участия центральных властей, общественность Сибири взяла на себя значительную долю ответственности за сохранение национального достояния. Меценатство и благотворительность в Сибири в период Гражданской войны, в условиях острого экономического кризиса и частой смены властей, сыграли определяющую роль не только в деле оказания помощи раненым и больным, но и в деле сохранения памятников культуры и нематериального наследия страны и региона.

Так, меценат П.И. Макушин пожертвовал Институту исследования Сибири пять тысяч рублей; назначал премии за литературные произведения о Сибири, передал сто пятьдесят тысяч на строительство Дома искусств в Томске. А.В. Колчак своим указом присвоил П.И. Макушину звание почетного гражданина Сибири¹⁸.

В период Гражданской войны Томск становится одним из центров интеллектуальной жизни Сибири, куда стекаются представители творческой и научной интеллигенции в надежде укрыться от разворачивавшегося гражданского противостояния. Одним из центров гуманитарной деятельности по сохранению научного и исторического наследия становится Томский университет. В годы Гражданской войны здесь нашли убежище и работу преподаватели и ученые Пермского и Казанского университетов. В 1918 г. в университетском Обществе этнографии, истории и археологии была создана комиссия, целью

бражная Е.А. Роль крымских ученых в восстановлении заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова (1918-1930 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2008. №1. С. 88-96.

15 Козлова Е.В. Аскания-Нова: зоопарк в южно-русских степях. - Петроград: «Начатки знаний», 1923. 136 с. Цит. по: Безбражная Е.А. С. 88-96.

16 Завадовский М.М. Страницы жизни. М.: МГУ, 1991. С. 234.

17 Еремеева А.Н. «Для сохранения на вечные времена»: природоохранные инициативы на Юге России в 1914-1920 гг. // Наследие веков. 2017. №3 (11). С. 15-23.

18 Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 222-228.

которой стало «прекращение существующего архивного нестроения»¹⁹. Общее понимание катастрофических последствий, которые могли иметь происходившие в стране события для сохранности архивных фондов, стремление сохранить в условиях войны историческое наследие оформилось в решение создать в Томске Центральный исторический архив Западной Сибири: соответствующий проект был направлен в Министерство народного просвещения Правительства Колчака в конце 1928 г. Несколько месяцев спустя появился проект Постановления Совета министров правительства Колчака «Об охране памятников истории, старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений». Следует отметить, что еще до момента появления этого документа, когда летом 1918 г. в Томске установилась власть Временного сибирского правительства, один из первых его циркуляров был посвящен охране исторического наследия. Он предписывал «сдать в местные архивные комиссии все, что имеет художественный или исторический интерес, произвести регистрацию этих предметов и озаботиться о дальнейшей судьбе их, для чего войти в сношение с местными археологическими и художественно-просветительными обществами»²⁰.

Тогда же, в конце 1918 г., в Омске создается Книжная палата, взявшая на себя функции спасения архивного наследия Сибири. Поиском бесхозных и гибнущих архивных собраний занималось Русское географическое общество, сотрудники архивов, музеев, университетов. В декабре 1918 г. в Совет министров правительства Колчака был представлен доклад о сохранности культурных ценностей. В документе отмечалось, что, «являясь формально представительницей государственных книгохранилищ России, Книжная палата могла бы, а за отсутствием надлежащих учреждений и должна была принять на себя представительство их интересов в отношении архивов вообще. Архивы сейчас буквально гибнут, по сообщениям газет в Селенгинске архив съеден свиньями, в Кабанске – продан на обертку, в Гусино-Озерском дацане – то же, в Верхне-Удинске – то же»²¹.

19 Цит. по: Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. С. 225.

20 Цит. по: Костанов А.И. Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 13–26.

21 Цит. по: Костанов А.И. С. 24.

Проблема сохранения культурного наследия широко обсуждалась сибирским научным сообществом. Планировалось организовать работы по собиранию фольклора и диалектов русского населения Сибири, собирание и публикацию фольклорных материалов; изучение «предметов художественной старины» и открытие художественных музеев, составление археологической карты Сибири²².

Активную деятельность проводил Институт исследования Сибири, при котором был сформирована библиотека библиографическим бюро. Особое значение в этот период институтская библиотека уделяла собиранию личных фондов и архивов²³.

Российская гуманитарная деятельность по сохранению национального наследия в период Гражданской войны позволяет сделать целый ряд выводов.

Во-первых, в годы гражданского противостояния в России проявилась неожиданная тенденция: интеллигенция, профессиональные ученые и деятели культуры, принадлежавшие порой к противоположным сторонам конфликта, на определенном этапе проводили политику преемственности в вопросах сохранения природного и культурного наследия страны. Власти регионов России, за годы противостояния неоднократно переходивших из рук в руки, старались не разрушать наработки предшественников в этой области. Более того, очень часто профессиональные работники сферы науки и культуры оставались на своих должностях при смене политических режимов, имея возможность продолжать охранительную или научную деятельность. Подобные факты не были повсеместным явлением, однако их наличие свидетельствует о глубоко укоренной традиции сохранения национального наследия в том слое российской интеллигенции, который принято называть «образованным классом».

Во-вторых, становится очевидным, что природное, историческое, культурное и научное наследие народа при конфликтах любого происхождения является самой уязвимой и ранимой сферой общественного достояния. Военные действия,

22 Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917–1920 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 181–190.

23 Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. С. 182.

вандализм, экономический кризис, разрушение управленческой логистики и хозяйственной инфраструктуры самым тяжелым образом сказываются на объектах материального и нематериального наследия. Архивы и библиотеки, памятники архитектуры и природные заповедники, художественные галереи и усадебные комплексы – все эти гуманитарные богатства общества утрачиваются одними из первых.

Наконец, при изучении российской гуманитарной деятельности по сохранению национального наследия в условиях гражданского конфликта трудно не заметить системную роль, которую сыграли в этом процессе высшие учебные заведения страны. Университеты стали местом прибежища многих тысяч преподавателей и научных работников, которые своими знаниями и творческой энергией сохраняли наследие страны в самых отдаленных её регионах.

Список литературы

1. Безбражная Е.А. Роль крымских ученых в восстановлении заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова (1918-1930 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
2. Она же. К вопросу о начале государственно-правового регулирования заповедного дела в Аскании-Нова (1919-1929 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2009. №2. С. 321-327.
3. В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров и др. 2-е изд., перераб. К.: Лыбидь, 2012. 248 с.
4. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. №30. С. 222-228.
5. Еремеева А.Н. «Для сохранения на вечные времена»: природоохранные инициативы на Юге России в 1914-1920 гг. // Наследие веков. 2017. №3 (11). С. 15-23
6. Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60.
7. Завадовский М.М. Страницы жизни. М.: МГУ, 1991. С. 234.
8. Косых В.И. Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №1. С. 86.
9. Козлова Е.В. Аскания-Нова: зоопарк в южно-русских степях. - Петроград: «Начатки знаний», 1923.- 136 с.
10. Крымский архив. 2003. № 9. С. 158-159.
11. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК., 1920., № 57. С. 1-82.
12. Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917-1920 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. №422. С. 181-190.

PRESERVING NATIONAL HERITAGE IN THE CIVIL WAR. 1917-1920 gg.

Ippolitov Sergey Sergeevich,

PhD in History, Leading researcher at the Institute of natural and cultural heritage. D.S. Likhachev, Vice rector or development of Moscow State Institute of Culture
St. Astronauts, 2. Moscow, Russia,
e-mail: nivestnik@yandex.ru

Abstract

the Article is devoted to the study of the situation with protection of cultural, natural, historical, and scientific heritage of the Russian Civil war in 1917-1920 on the territory of Siberia and Southern Russia, controlled by anti-Bolshevik regimes. The article examines the humanitarian situation in the field of national heritage preservation, as well as the policy of the anti-Bolshevik regimes in this area.

Keywords

Cultural heritage, Civil war, national heritage, archives, Siberia, Crimea.

RAR
УДК 7.03
ББК 71
10.34685/НИ.2020.29.2.006

ДУХОВНЫЕ КОНЦЕРТЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: МОЛИТВА В КОНТЕКСТЕ ЗРЕЛИЩА

Цветкова Галина Александровна,
кандидат культурологии, доцент,
ведущий научный сотрудник, Институт Наследия,
ул. Космонавтов, 2. Москва, Россия,
e-mail: galinatsvet@rambler.ru

Аннотация

Феномен духовных концертов рассматривается как результат секуляризации российского общества и катализатор погружения богослужебных песнопений в мейнстрим развлекательности и потребительскую прагматику. Затрагиваются психологические аспекты восприятия духовной музыки в контексте зрелища..

Ключевые слова

Духовный концерт, запричастный концерт, церковные песнопения, молитва, зрелище, русская православная церковь.

В данной статье духовные концерты рубежа XIX - XX веков реконструируются как уникальный феномен русской культуры и анализируются с точки зрения научных представлений о причинах трансформации культуры, когда смыслы исследуемых событий абстрагируются до масштаба исторических закономерностей.

Состоявшаяся в русском обществе в конце XIX века проблематизация богослужебного песнопения, как бы ни казалась специфической, внутрицерковной темой, стала показательна с точки зрения демонстрации амбивалентности тектонических сдвигов в традиции, лоббированных целями социального прогресса.

Рубеж XIX и XX веков для России был временем противоречивым. Социально-политические пертурбации, культурные разрывы, обусловленные латентными историческими процессами, происходили на фоне «блестящего» периода «русского национального Ренессанса», характеризо-

вавшегося расцветом промышленности и образования, когда «университеты Москвы и Петербурга не уступали лучшим европейским университетам, Церковь собирала вокруг себя оригинальные передовые умы, пробудился интерес к России во всем цивилизационном мире»¹.

Но знаковым для России этого периода стал духовный надлом в общественном сознании, явственно сказывавшийся крушением иллюзий в связи с новыми, казавшимися перспективными, формами самореализации. Так, безоглядная

---

1 Такowym характеризовал период (2006-2016) современник – Г.П. Федотов. Федотов Георгий Петрович (1886-1951) – русский историк, философ, литературовед, религиозный мыслитель и публицист. Он покинул советскую Россию в середине двадцатых годов. См.: Волкогонова О.Д. Г.П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 4. С. 247-257.

вера в позитивное научное знание, сменялась отрицанием науки, «витание в сфере «космического чувства» и блуждание в поисках «богоискательства» сопровождалось распространением в образованной среде полного разочарования в жизни². У современников было впечатление, что «страшной болезнью заболели тогда тысячи русских людей. Болезнь называлась опошление, загнивание души»³, симптомом которой считалось декадентство⁴. Это «болезненное» умственное состояние русского общества без натяжки можно связывать с процессом секуляризации⁵, переосмыслением религиозной жизни. Своеобразной оглаской этой связи была вспышка полемики по поводу церковного пения, шумно разразившаяся в узком, но определяющем век-

тор культурного мейнстрима интеллектуальном сегменте русского общества.

В публичную дискуссию были вовлечены представители священства, регенты, композиторы, меломаны. Формально предметом разногласий были светские представления о развитии музыкальной культуры, требование удовлетворения мирских потребностей имманентной церкви музыкой. Негласно, по сути, эта активность на поле духовной музыки была сопряжена с актуализированным в условиях вышеупомянутой «душевной болезни» культом развлекательности⁶, поиском нетривиальных форм переживания реальности, в данном случае, наслаждения музыкой. Представляется, что именно так, в заботе о развлечениях, для секуляризованного общества стал возможен новый формат массовых публичных музыкальных представлений, - так называемые, духовные концерты. Однако, в общей массе развлечений их нужно понимать стоящими особняком, на что, отчасти, указывает факт их невероятной популярности по всей России⁷.

2 Современники отмечали, что «молодые умы России переходили от одного пути на другой... Они кинулись в политическую борьбу в ложном убеждении, что Россия покажет миру новые пути общественного устройства, способного ошастливать всех и каждого... Они вызвали упорную и бурную реакцию, которая крушит всё направо и налево, тоже, видимо, не отдавая себе отчета в том до чего это может довести... То, что ранее казалось незбытым, подверглось самому полному разрушению. При таких условиях воспрянуло всё, что в туманных иллюзиях надеялось найти более прочную опору для поведения. Отсюда искание новых религиозных и философских учений, попытки посредством непроверенной интуиции найти истину. Ряд поспешных и полных энтузиазма исканий в области политики, философии и религии привел, по-видимому, к полному разочарованию... Отсюда небывалое прежде в России отрицание жизни... Среди лиц, находящихся на более высокой ступени развития в России появилось усиленное стремление топить горести будничной жизни в вине... Не находя «смысла» и «цели» жизни немалое число таких представителей высшего слоя, умственно развитых людей решили лучше покончить с жизнью». Самоубийства «сделались бытовым, заурядным явлением, ежедневной рубрикой газет. Смерть оказалась излюбленной темой тогдашних повестей и романов, её воспевали в торжественных гимнах, из неё создавали культ»./ Мечников И.И. Этюды оптимизма. М. : Наука, 1988. С. 15-16; К.И. Чуковский. Саша Черный / Цит. по И.И.Мечников. Этюды оптимизма. М. : Наука, 1988. С.315.

3 К.И. Чуковский. Саша Черный / Цит. по И.И.Мечников. Этюды оптимизма. М. : Наука, 1988. С.315.

4 Н. Бердяев считал декадентство «симптомом «душевной болезни» времени. / Бердяев Н. Декадентство и мистический реализм // Русская мысль. 1907. № 6. С. 115.

5 Формы, средства и результаты секуляризации ярко описаны архиепископом Никоном в его «Дневниках» 1910-1916 гг. См. Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России./ Сост. свящ. Я. Шипов. М. : Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. «Новая книга», 1994 . 494 с.

6 В этот период наблюдался расцвет развлекательной культуры, которая достигла высот «не сравнимых ни с каким другим временем по оригинальности и разнообразию форм». Появились оперетта, театр «буфф», водевиль, фарс, появился жанр сатирических куплетов, театр миниатюр, кино и т.д. Модной была «демонизация развлечений», популярными «советы гадалок и ведьм», развлекательность проникла в женские, детские журналы, салонные развлечения. См.: Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908-1918. М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. 463 с.

7 По всей стране проходило множество концертов. Е. Левашёв приводит «неполный список периферийных городов Российской империи, в которых установилась традиция духовно-хоровых концертов. В перечне зафиксированы только музыкальные собрания, нашедшие отображение в столичной прессе за период 1895-1917 годов. Цифры около некоторых из городов обозначают число концертов, удостоенных развернутых рецензий в "Русской музыкальной газете" и журнале "Хоровое и регентское дело": "Александровск; Архангельск; Астрахань; Барнаул Томской губ.; Бендеры; Большие Соли Костромской губ.; Велобицы Новгородской губ.; Верхотурье Пермской губ.; Владимир; Воронеж; Выборг; Вятка; Екатеринбург; Екатеринодар; Елисаветград; завод Березники Пермской губ.; Замостье (Холмщина); Иваново-Вознесенск; Иркутск; Казань; Калиш; Киев - 9; Козлов; Коломна; Люблин; Могилев; Моршанск; Нарва; Гунгенбург; Нижегородск; Нижний Новгород - 23; Новгород - 13; Новочеркасск; Одесса - 7; Омск; Оренбург; село Павлово Нижегородской губ.; Пенза - 7; Пермь - 8; Перовск Сыр-Дарьинской губ.; Петергоф; Петрозаводск; Полтава; Псков; Ржев; село Рож-

Содержание этого досугового времяпрепровождения – духовного концерта – было для российского общества особенно интригующим: на светскую сцену выносились музыка, принадлежавшая сфере религии. Впервые за тысячелетнюю историю православия в России массовым досуговым развлечением стало «потребление» сугубо церковной музыки. Суть прецедента заключалась в легализации альтернативного церковному взгляда на богослужбное песнопение как на артефакт⁸.

Спротивление транспонированию церковных песнопений в музыкальную культуру было сопряжено не столько с музыкальной сферой, сколько с их социальной функцией. А именно, с интуицией фундаментального пересмотра традиционной ценностной системы, деконструкцией смыслообразующих социальных институтов,

---

ново Нижегородской губ.; Ростов-на-Дону; Рыбинск; Самара; Саратов - 9; Слободской Вятской губ.; Смоленск; Сувалхи; Тамбов - 14; Ташкент; Тифлис - 8; Томск; Троицк Оренбургской губ.; Тула; Уразово Воронежской губ.; Харьков - 9; Херсон; Шлиссельбург; Юго-Камский завод Пермской губ.; Юрьев; Ялта.» / Левашёв Е. Традиционные жанры древнерусского певческого искусства от Глинки до Рахманинова. Открытый текст Электронное периодическое издание. Размещено: 25.07.2015.

- 8 «Церковное пение – одна из форм самого богослужения, вследствие чего, оно в первую очередь зависит от общих литургических законов. Это означает, что формирующими факторами церковного пения являются богослужбный канонический текст, богослужбный чин и музыкальный элемент. Оторванный от слова, музыкальный элемент теряет ту логическую значимость, которая присуща ему в богослужении, оставляя только эмоциональную окраску. Кроме того, обязательность симметричного ритма вообще в музыке чаще всего не применима в церковном пении, где нет правильности чередования ударных и безударных слогов (как в поэтическом тексте) и т.д. Отсюда следует, что церковное пение есть автономная (т.е. имеющая свои собственные, только церковному пению свойственные художественные законы) богослужбно-музыкальная область, отличная от общей музыки. Таким образом, «церковное пение» и «церковная музыка» являются сущностным взаимопроявлением, а значит, эти два термина идентичны: они не могут означать нечто разное, в каком бы значении их не применяли»./Семенюк А.А. Автореф. Дисс. «Духовно-музыкальные сочинения в отечественном нотоиздании и библиографии конца XVIII- нач. XXI в.»: Интернет-ресурс:<http://tekhnosfera.com/duhovno-muzykalnye-sochineniya-v-otechestvennom-notoizdanii-i-bibliografii-kontsa-xviii-nachexxi-v#ixzz3RN5wJjO3>

в составе инструментария одного из каковых – Церкви, – было церковное песнопение⁹.

Церковное песнопение в течение многовековой истории России, начиная с X века, после принятия христианства в статусе государственной религии, составляло неотъемлемую часть повседневности населения, строившего свой жизненный уклад по православному канону и церковному календарю. При обязательном посещении церкви, песнопения были на слуху, усваивались изустно и осваивались как необходимое умение каждым крещеным, в частности, с XI века в приходских школах¹⁰. Словесно-мелодический комплекс, благодаря своей эмоционально-чувственной природе, обладал значительной культуuroобразующей эффективностью. Церковное песнопение преподавало наглядный опыт богообщения, оседало в языке стереотипами религиозного дискурса, образцами мелоса и абстрагировалось в религиозно ориентированное категориальное мышление. В совокупности со всем церковным организмом церковное песнопение действовало как механизм культурных навыков. Оно задавало нравственную тональность житейской нормы, резонировало в умах припоминанием Бога, коррелировалось с этическим цензором образа мыслей¹¹. В этом плане церковное песнопение в исторической ретроспективе может быть осмыслено как мощный фактор ментальных структур русского этоса. Конечно, определяющей эту мировоззренческую значимость церковного песнопения была его первопричина – регулярная форма богообщения – молитва.

Церковное песнопение, будучи средством восхождения к божественному созерцанию¹², для пра-

-
- 9 В данной статье термин «церковное песнопение» употребляется в двух смыслах. В одном – как содержательный комплекс для исполнения певчими, а в другом, – как объект-субъектное единство исполняемого исполняющим, присущая практикующему православному христианину совокупность знания и понимания содержания песнопений (слов и мелодии) и навыков их исполнения (навыков певчего).
- 10 Практически все прихожане могли при необходимости послужить в качестве певчих, пели на клиросе царственные особы, и Иоанн Грозный, и Петр Первый и др.
- 11 Ороли языка в процессе формирования сознания см., например, Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
- 12 О чувственных средствах восхождения к Богу учил Дионисий Ареопагит: «Иерархия, имеющая место в отно-

вославно, так или иначе, было всегда сопряжено с молитвой, действием сакрального типа, материализованным контактом с Богом. В акте молитвы трансцендентные связи выступали для человека в осязаемой форме. В этом смысле комплекс церковного песнопения обладал для верующего изоморфной функцией священнодействия. Имманентность Церкви табуировала профанацию церковной музыки, исключала прагматику церковного песнопения как упрощенной механики контакта с Богом. Предписанием песнопений в компетенцию клира соблюдалась охранительная дистанция. Церковное вето и стало первым объектом бунта музыкального сообщества, осознавшего в XIX веке духовную музыку субъектно, как право на личное творчество в обращении к Богу.

Повод для разномыслия создала ранее сама Церковь допущением в XVII веке новых форм богослужебного пения¹³. Тенденция к переменам была зафиксирована терминологически, обозначением в связи с пением, как бы, нового типа богослужения. Стали говорить о Литургии - «обедня с музыкой», имея в виду вокальное исполнение богослужебных песнопений отличное от традиционного¹⁴.

Явлением этого термина состоялась акцентуация музыки, из совокупности богослужения выделялся комплекс песнопений. Наглядным примером сдвига во взглядах стал неуставной элемент – духовный концерт, вмонтированный в богослужение¹⁵. Этот элемент обновлял представления о церковном певческом искусстве на разных уровнях: каноническом, эстетическом и этическом. Закреплялись ожидания разнообразий мелодических форм и требования к квалификации певчих по критериям профессионального вокально-музыкального искусства. Духовный концерт и объемом вокальной вставки, и исполнительскими формами, и профессиональными художественными критериями, т. е. в комплексе, диссонировал с целями богослужения, усложняя для прихожан возможность приобщения к пению.

Отслеженная тогда тенденция акцентуации музыки в богослужении была определена священноначалием как несуразность. Последовавшие ограничения, а затем и запреты на исполнение во время богослужения жанровой авторской музыки – духовных концертов¹⁶ – сделали запретный

пении к нам изобилует сообразно с нашей собственной способностью понимания, разнообразием чувственных знаков, которыми мы иерархически возводимся единому образу соединению с Богом в соответствующей нам мере, и к Богу, и к божественной добродетели» / цит. по: Прп. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра : РФМ, 1993. С. 118.

- 13 Имеются в виду известные события середины XVII века, когда в русском церковно-певческом искусстве утверждается новый стиль хорового многоголосия – «партес». В период расцвета многоголосия в России, появляются новые музыкальные жанры и формы духовного хорового пения а саррелла, создаются партесные многоголосные композиции, нормой становятся службы на двенадцать голосов.
- 14 «Обедня с музыкой» впервые стали говорить во времена Екатерины Великой, что означало пение за богослужением организованным хором авторских песнопений, написанных по правилам композиции./ Семенюк А.А. Автореф. дисс. «Духовно-музыкальные сочинения в отечественном нотоиздании и библиографии конца XVIII- нач. XXI в.»: Интернет-ресурс:<http://tekhnosfera.com/duhovno-muzykalnye-sochineniya-v-otechestvennom-notoizdanii-i-bibliografii-kontsa-xviii-nachale-xxi-v#ixzz3RN5wJjO3>

- 15 «Духовным концертом» именовалось музыкальное произведение, написанное в форме концерта. Термин «концерт» в русском просвещенном сознании ассоциировался с XVIII века именно с церковной музыкой, по своему изначальному определению как жанр музыкального произведения, построенного по принципу сопоставления и состязания («концерт» в переводе с латинского «состязание»), предназначенного для исполнения в богослужении. В структуре богослужения полный духовный концерт имел четко определенное место и время своего исполнения: в воскресной и праздничной Литургии вслед за провозглашением причастных стихов. Причастный стих - причастен (греч. приобщение) – стих псалма, соответствующий характеру праздника, поется на Литургии перед причащением верующих во время причащения священнослужителей. Духовный концерт, имевший элементом, выходящий за пределы богослужебной традиции – авторство, относили к паралитургическим жанрам, т.е. к не предусмотренным Уставом, но допущенным высшими церковными властями для исполнения в храме. См.: Гарднер И.А. Богослужебное пение Русской Православной Церкви. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. Т.1, С. 120, 137.

- 16 Духовный концерт в определенном смысле разрушал структуру конкретного богослужения. Церковное начальство сопротивлялось пению концертов, установив постановлением Святейшего Синода от 10 мая 1797 г.: «...концертов вместо причастна не употреблять, но петь киноник или псалом». / Гарднер И.А. Указ. соч. С. 279.

плод более желанным, разделив и клир, и мирян на отстаивавших право украшения богослужений музыкальными и вокальными формами и охранителей традиции. Это разделение означало, что в общественном сознании был запущен процесс осмысления церковного песнопения с точки зрения музыкальных вкусов, который к середине XIX века получил новое развитие.

В сопряжении с церковным песнопением стали муссироваться уже ценности социального и культурного прогресса: развитие музыкальной культуры и эстетического вкуса, музыкальное просвещение, доступность музыкальных достижений всем слоям населения и т.п. Интенсивное распространение и продвижение идей самоценности искусства церковных песнопений, прикладного их использования происходило на волне небывалой активности музыкальной общест-венности¹⁷.

17 Это было в русле развития музыкальной культуры второй половины XIX в., когда в Россия становится одним из центров европейского музыкального искусства. В это время музыканты и композиторы поставили перед собой задачу музыкального просвещения слушателей, развития музыкального образования и профессиональной музыкальной культуры в России. Эту задачу поддержали Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО), Петербургское филармоническое общество, а также композиторы, входившие в состав содружества «Могучая кучка». ИРМО – одна из старейших общественных организаций России, основанная в 1859 г. в результате сотрудничества Великой Княгини Елены Павловны и знаменитого композитора А.Г. Рубинштейна. ИРМО ставило своей целью популяризацию музыкального образования в стране, «развитие всех отраслей музыкального искусства, поощрение способных русских художников и содействие развитию «вкуса к музыке в России» (Валитов А.А. Тобольское отделение Императорского музыкального общества: страницы истории // Культурное наследие России. 2017. N 1 (17). С. 55). ИРМО открыло свои отделения в большинстве крупных российских городов: Москве (1860), Киеве (1863), Казани (1864), Нижнем Новгороде (1873), Саратове (1873), Пскове (1873), Тобольске (1978). Их работа привела к активизации музыкального образования в России и способствовала созданию музыкальных образовательных учреждений: бесплатной музыкальной школы М. Балакирева и Г. Ломакина (1862-1917), Петербургской (8 сентября 1862 г.) и Московской консерваторий (1 сентября 1866 г.). Музыкальному просвещению способствовало чтение публичных лекций или «объяснительные чтения» (1860-1870), лекторами которых стали музыкальный критик А. Серов и писатель, музыковед Н. Финдейзен. / Наземцева К. Н. Культурно-образовательная дея-

Компромиссным способом удовлетворения светского интереса к церковному пению и, как казалось, удачное разрешение спорной проблемы стало разделение церковного и мирского форматов исполнения духовной музыки. Возникли два организационных «концертных» формата: во время богослужения – «запричастный концерт»¹⁸ и на светской сцене – «духовный концерт».

Введение последнего формата означало, что песнопения, которые раньше можно было услышать только в церкви во время богослужения, теперь исполнялись и на светской сцене. Песнопения из специфического элемента православного богослужения транспонировались в концертный номер. Это сценическое исполнение церковной музыки и стало называться «духовным концертом». Так секуляризированным декадентствующим российским обществом был организован феномен светских духовных концертов, расцвет которых пришелся на рубеж веков.

И в церковном запричастном, и в светском духовном концертах богослужбное хоровое пение демонстрировало русскую музыкальную культуру, занимая достойное место в многообразии достижений искусства Серебряного века¹⁹.

Достигшее вершины (непревзойденное до сих пор ни по каким параметрам музыкального творчества и исполнительского искусства) церковное хоровое пение позиционировалось в общественном сознании хранителем кода русской культуры. Но полюбившиеся неканонические форматы трансляции духовной музыки, на наш взгляд, катализировали процесс размывания границы в отношениях со священным, перемещая богослужбные песнопения в систему потребительской культуры.

тельность музыкальных музеев в России. // Культурное наследие России. 2018. N 3.

18 Название «запричастный» произведено от места исполнения в структуре богослужения - вслед за провозглашением запричастных стихов, т.е. то место, которое прежде было определено исполнению жанрового духовного концерта. Название «концерт», т.е. «запричастный концерт», возникло по аналогии с музыкальным жанром - духовным концертом. К концу XIX - началу XX века в запричастном концерте в отличие от жанрового духовного концерта исполнялось не авторское произведение, а отдельные, разнообразные песнопения.

19 Следует отметить, что духовные концерты как часть культуры Серебряного века пока остаются неисследованными в отечественной науке.

К концу XIX века запричастные концерты во время богослужений стали ярко демонстрировать черты тенденции, потенциальную опасность в которой увидел святитель Игнатий Брянчанинов (1807-1867 гг.), считая, что духовные концерты приучали сознание и слух к восприятию церковной музыки с точки зрения светского человека. Священники отмечали возрастающую аффектацию в ходе богослужения в связи с запричастным концертом²⁰. К началу запричастного концерта, т.е. к финальной части богослужения, меломаны съезжались в церковь толпами, переполняя её, мешая верующим молиться²¹. Благо-

чинные²² докладывали, что в результате «концертной наклонности», «увлечения декоративной стороной... служб» наносился «ущерб для сохранения богослужения», поскольку происходило «затемнение празднично-воспитательной части – концертною»²³. По мнению священников, в церквях наблюдалось буквально превращение богослужения в «простое зрелище», «мало имеющее молитвенный характер» и служащее «в очень сильной степени для удовлетворения эстетического чувства слушателей, но не для поднятия их молитвенного состояния»²⁴.

20 В запричастных концертах эстетическая составляющая песнопений получала энергичное развитие. Эта паралитургическая вставка транспонировалась в эмоционально впечатляющее вокальное действо в ходе богослужения. Реализация чувственности в церковном пении достигалась соответствующими постановочными и художественными средствами, владением богатой звуковой палитрой голоса, умением продемонстрировать наиболее выразительные вокальные интонации возглашаемого богослужебного текста. Появились нацеленные на вокальный эффект богослужебных песнопений частные наемные хоры, приглашавшиеся в разные церкви для пения во время богослужения. Ярким примером пения светских хоров в храме служит хор певчих князя Ю.Н. Голицына, который пользовался популярностью во второй половине XIX века в Москве. Князь был содержанием и регентом огромного хора, «обслуживавшего, разбивая на отдельные части, всю Москву. Голицынские певчие пели прекрасно, и в то время было принято в «обществе» приглашать на домашние богослужения и на свадьбы хор Голицына. Певчие являлись без хозяина своего, но ко времени исполнения какого-либо выдающегося песнопения в церковь или в частный дом являлся сам Голицын и лично дирижировал этот номер» / Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия. /Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С.81-82.

21 Церковное пение стало восприниматься как событие культурной жизни, которая аккумулировалась теперь, в том числе, вокруг приходов, составлявших структуру поселения, имевших свои яркие проповеднические и певческие отличия. Прихожане ходили в «свои» церкви и гордились «своими» слаженными хорами и голосистыми дьяконами. Пение в церкви становилось событием «подлинно всенародным», породив вид многочисленного «паломничества» на особенно торжественные богослужения. Например, Московские Кремлевские соборы приходов не имели, и москвичи, как и многие приезжие, посещали их многолюдно, и особенно в воскресенье и праздничные дни, где могли слушать образцы высокого искусства пения. Здесь пел Синодальный хор, доступный для бесплатного слушания. Синодаль-

ный хор наряду с Художественным и Большим театрами и Третьяковской галереей считался одной из четырех достопримечательностей Москвы. Если образованная публика преклонялась перед Шаляпиным и Качаловым, искусство которых было недоступным простым людям, то всеобщим любимцем был архидиакон Константин Васильевич Розов, который по красоте и силе голоса был равен Шаляпину, но значительно превосходил его по доступности и популярности среди народа. Все знали его «прекрасный, необыкновенный по тембру бас-профундо бельканто исключительного звучания» и ценили его искусство «благоговения к службе Божией». Даже те, кто не любил бывать в церкви, как вспоминал о себе маршал К.Г. Жуков, в Успенский Собор ходили с удовольствием «слушать Синодальный хор и специально протодиакона Розова, голос которого был как иерихонская труба» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т.1. С.27). Молящиеся съезжались иногда из разных и далеких мест России, чтобы послушать знаменитые голоса. Так бывало в Успенском Соборе Кремля в Неделю Православия, когда совершалась торжественная служба «Чин Православия», во время которой соборным протодиаконом К. Розовым, кроме «вечной памяти», «многолетий», провозглашается «анафема» отлученным от Православной Церкви. Многие из любителей «принесли с собой камертоны и, затаив дыхание, следили, не понизил ли протоиерей при том или другом из известных провозглашений» / Газета «Время» от 28 февраля 1916 г. / Розова Л.К. Великий архидиакон. М.: Три века, 1997. С.23.

22 Благочинный – административная должность священника, помощник епископа в части надзора за порядком в определенном церковном округе в составе епархии, называемом благочинием.

23 Церковно-приходская жизнь Москвы в нач. 1920-х гг. По донесениям московских благочинных архиепископу Крутицкому Никандру (Феноменову). 1922 г. // Церковь и время. № 50.

24 По сообщению московских благочинных в церквях приглашают «знаменитых певчих, солистов их театра и все это с ширококвещательными плакатами (аналог театральной афиши – Г.Ц.), ... тратят на певчих громадные суммы,

Так, самими священниками было констатировано превращение запричастного концерта в действо «без всякой духовной пользы», содержание которого, они теперь определяли в категориях: концерт-представление-зрелище, где термин «концерт» употреблялся уже не как музыкальный жанр, а как публичное мероприятие развлекательного характера. Смысловая последовательность этого категориального ряда фиксировала удаление исполнительского формата церковного песнопения в запричастном концерте от богослужебного предназначения.

Не менее противоречивым было семантическое поле светского духовного концерта.

Светский духовный концерт, который по определению был зрелищем, развлекательным мероприятием был признан священноначалием несовместимым с исполнением богослужебных песнопений²⁵, но для российских любителей духовной музыки концерт представлял интерес именно в связи с религиозной ипостасью его содержания. Стремление к удержанию этой связи наглядно подчеркивалось церковно маркированной организацией концертов.

Если, как сообщалось в афише, «имеет место быть Духовный концерт» или «имеет быть исполнено Духовное песнопение», то требованиями благочестия определялись время и место концертов, поведение публики.

Были установлены запреты на аплодисменты, бисирование, на смешивание в программе концертов духовных песнопений со светскими произведениями, проведение духовных концертов в театрах, цирках, кинематографах и т. п. помещениях, предназначенных для сценических представлений.

Предписывалось начинать и оканчивать концерт общей молитвой, которую присутствующие должны были выслушивать стоя, открытие и закрытие концерта сопровождать пением гимна-молитвы «Боже, царя храни!». Требовалось согласование программы каждого концерта с епархиальным начальством²⁶. Сезоны духовных концертов вписывались в богослужебный календарный круг: считалось уместным практиковать их в дни Великого поста, когда светские развлечения запрещались и увеселительные заведения закрывались. Но все эти требования и предписания, были в последние десятилетия царской России уже беспомощным средством, ещё возможным в условиях государственного статуса православия удержания в общественном сознании представлений о ценностном смысле духовной музыки.

Как бы жестко ни охраняли Церковь и государство статус кво, духовный концерт, даже сконструированный как миметическое эхо богослужения, был, по сути, развлекательным мероприятием и не мог не отправлять в широкий мир «сообщение», содержанием которого, согласно Маклюэну, было средство сообщения – зрелище²⁷. Это означало, что комплекс зрелища изменял психологическую структуру восприятия молитвенных песнопений.

Как бы жестко ни охраняли Церковь и государство статус кво, духовный концерт, даже сконструированный как миметическое эхо богослужения, был, по сути, развлекательным мероприятием и не мог не отправлять в широкий мир «сообщение», содержанием которого, согласно Маклюэну, было средство сообщения – зрелище²⁸

но пение не носит церковного характера». / Докладная записка благочинного Сретенского сорока, 2 отделения протоиерея Сергия Глаголевского / Церковно-приходская жизнь Москвы в нач. 1920-х гг. По донесениям московских благочинных архиепископу Крутицкому Никандру (Феноменову). 1922 г. // Церковь и время. № 50.

25 Канцелярия Святейшего Синода неоднократно напоминала о запретах. В программы светских духовных концертов запрещалось включать песнопения Литургии верных (как то "Иже херувимы", "Милость мира", "Тебе поем", "Да исправится молитва моя") и песнопения из Литургии Преждеосвященных Даров. /Цит. по: Левашёв Е. Традиционные жанры древнерусского певческого искусства от Глинки до Рахманинова. Открытый текст Электронное периодическое издание. Размещено: 25.07.2015

26 Согласно указаниям ст. 148 уст. о представлениях, программы духовных концертов представлялись на предварительный просмотр епархиальных преосвященных или лиц, особо от них уполномоченных» /Распоряжения Святейшего Синода о духовных концертах // Русская музыкальная газета. 1915. № 43; Новые правила устройства духовных концертов // Хоровое и регентское дело. 1915. № 10. /Цит. по: Левашёв Е. Традиционные жанры древнерусского певческого искусства от Глинки до Рахманинова. Открытый текст Электронное периодическое издание. Размещено: 25.07.2015

27 Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. 2-е изд. М. : Гиперборей, Кучково воле, 2007. 464 с.

28 Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. 2-е изд. М. : Гиперборей, Кучково воле, 2007. 464 с.

. Это означало, что комплекс зрелища изменял психологическую структуру восприятия молитвенных песнопений.

Художественные законы, игровые свойства и прагматические цели зрелища формировали восприятие духовной музыки, отвечая потребителю запросу слушателей, и разрушали с помощью эффекта остранения привычные, православным вероисповеданием организованные, стандарты понимания и оценки церковного хорового пения.

Молитвенное использование песнопений как волевого акта богообщения заменялось наслаждением непроизвольно всплывающими ассоциациями, аффективными состояниями, обусловленными зрелищным форматом²⁹. Если богослужением устанавливалось единство связей звуковых, ситуационных, категориальных, то зрелищем расставлялись доминанты звуковые и смысловые, изменялись категориальные связи, акцентировались ситуационные значения. Погружение в богослужебный хронотоп, аскетическое психосоматическое напряжение молитвы, вмняемые в сообразной мере практикующему православному – всё это нивелировались атмосферой комфорта в ходе светского духовного концерта, культивируя переживание эстетического опыта, кипение чувственных страстей, гедонистического свойства. Аудитория объединялась на основе мелодических предпочтений потребителей рынка музыкальной продукции. Публика, увлекаемая новизной и необычностью, приносила собственные, субъективные образы в богослужебные песнопения. Деятели искусства, организаторы концертов, действуя по законам сценического жанра, реализовали право на известную свободу изменять связи между изображаемым (церковным пением, молитвой) и его изображением (концертным номером). Программы духовных концертов становились всё более изощренными³⁰.

29 Об изменении семантических полей посредством контекста, управление системой семантических связей с помощью контекста см., например, Лурия А.Р. Указ. соч.

30 На рубеже XIX-XX веков «сложились определенные модели духовных концертов, в основе которых лежали тематический и организационный критерии... Богослужебно-певческий репертуар большинства церковных хоров того времени представлял собой конгломерат самых различных стилей: от песнопений Обихода и сочинений композиторов XVIII века до современных

В программы, вместе с песнопениями Литургии³¹, Всенощного бдения, включались произведения Баха и Бетховена, исполнение сочинений под рояль, струнный оркестр, аккомпанемент органа³². Становились дозволенными исполнительские эффекты, включение актерского мастерства,

композиторов. То, что пелось в церкви, выносилось и на концертную эстраду./ Дабаева И.П. О формировании моделей духовных концертов в русской культуре XIX - начала XX веков. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Выпуск № 2(140). 2014. Исполнителями были разнообразные хоры (например, «соединенные», свыше 500 человек, о.о. диаконы и солисты Императорских театров). Произведения звучали под аккомпанемент органа и в сопровождении оркестра. Концерт духовно-хоровой музыки разделялся, как правило, на три части. В первом отделении исполнялись древние распевы, лучшие образцы эпохи Бортнянского, Сартти, Веделя и Дегтярева; во втором - оригинальные произведения и обработки старинных мелодий Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и других классиков; третье - было представлено обычно опусами новейших мастеров / Левашёв Е. Традиционные жанры древнерусского певческого искусства от Глинки до Рахманинова. Открытый текст Электронное периодическое издание. Размещено: 25.07.2015

31 13 декабря 1914 года в Пензе соединенным хором в количестве 100 человек была исполнена Литургия А. Никольского (под управлением автора). Организатором данного мероприятия был председатель Пензенского Церковно-певческого благотворительного общества А. Касторский. / Дабаева И.П. О формировании моделей духовных концертов в русской культуре XIX - начала XX веков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Выпуск № 2(140) 2014.

32 В одной концертной программе противопоставлялись школы (московская и петербургская), сопоставлялись песнопения «общеевропейского западного склада и национального», «знакомились с композициями Лотти, Анерио, Палестрины, Пероззе и др.», первое отделение «впервые представлена Месса Иосифа Рейнберга и Гимн «Ave verum corpus» (на 8 голосов) В. Руста, а второе «полностью состояло из песнопений русских композиторов», первое отделение «посвящено духовно-музыкальным сочинениям латинской церкви (Палестрины, Роберти, Руто и др.), а второе – песнопениям русских композиторов новейшего времени (Балакирев, Римский-Корсаков, Чайковский, Гречанинов и др.), первое отделение «Lacrymosa» из Реквиема Моцарта, «Ave Maria» Блейхмана, «Noel» Адама русских авторов (Бортнянский, Архангельский, Аллеманов), во втором музыка различных религиозных направлений». / Дабаева И.П. О формировании моделей духовных концертов в русской культуре XIX - начала XX веков. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. 2014. Выпуск № 2(140).

оценка вокала с использованием камертона и партитуры, аплодисменты и т.п.

Процесс профанации в результате раздвоения в восприятии духовной музыки оставался в сознании образованных кругов российского общества недооцененными. Напротив, процесс подогревался настойчивым продвижением в публичном пространстве идеи культурно-просветительской значимости церковной музыки, поддерживаемой частью священства³³. Манипуляцией общественным мнением, в духе «прогрессивных» тенденций развития музыкальной культуры³⁴, занималась массовая пресса, популяризируя культуртрегерские программы духовных концертов. Использование церковных песнопений в качестве культурно-просветительского средства восторженно приветствовалась музыкальной общественностью.

Но конечно, популярность духовных концертов в этот период не может быть объяснена исключительно их ролью «постного» развлечения или успешной культуртрегерской активностью. Обращение российского общества в кризисный период к церковной музыке связано было с традицией русской духовной жизни.

Семантическое поле церковного песнопения имело глубинные ассоциативные связи, проистекавшие из референтного их значения – религиозного. В полисемии духовных концертов – и прогрессистские, и бунтарские³⁵

смыслы, будучи данью игре революционными настроениями в условиях фрустрации русского самосознания, имели религиозную подоплёку.

Модная форма проведения досуга «образованным меньшинством», была своеобразным модусом духовной активности, интенцией которой усматривается самопознание русского общества, укорененного в православной духовности. Для значительной части русской интеллигенции религиозная практика в это время была простым соблюдением условностей, демонстрацией лояльности, но мыслили они в религиозных категориях. Интеллигенция металась между верой и стремлением к освобождению от церковных условностей, при этом многие видели преображение России на христианских основаниях³⁶. Небывалый интерес к духовному концерту можно понять в русле этих исканий. Предпочтение концерта посещению церкви было связано с православной природой русской духовности и сложными взаимоотношениями общества и Церкви³⁷.

Духовные концерты русскому обществу были привлекательны именно их связью с Церковью как мистическим Телом Христовым. Рецепция идеи трансцендентной природы духовной музыки образовала культурный модус её потребления. Но при этом оставалось неотрафлексированным, что главный источник притягатель-

33 Так, «духовное начальство отнеслось очень сочувственно к идее, чтобы в связи с многонациональным составом жителей региона» в концерте приняли участие «хоры православного, римско-католического, лютеранского, армяно-григорианского, еврейского вероисповеданий» / Дабаева И.П. О формировании моделей духовных концертов в русской культуре XIX – начала XX веков. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. 2014. Выпуск № 2(140).

34 Современные исследователи также видят историческое значение духовных концертов в их культурно-просветительской деятельности: «Они выполняли важнейшие функции в культуре России: нравственно-религиозную, просветительскую, воспитательную, дидактическую, эстетическую, адаптационную. Это способствовало повышению культурного уровня населения, воспитанию патриотических и нравственных качеств, а в свете секуляризации церковной жизни и укрепления сектантства – подъему религиозности. / Дабаева И.П. Указ. соч.

35 В России с середины XIX века развернулось целое общественное движение за духовно-хоровые концерты, которые были официально под запретом. Открыто воз-

обновившись с 1880 года, движение приняло к середине девяностых годов особенно широкий размах и привело к общественному признанию и легализации светских духовных концертов. / Левашёв Е. Традиционные жанры древнерусского певческого искусства от Глинки до Рахманинова. Открытый текст Электронное периодическое издание. Размещено: 25.07.2015

36 Сложные взаимоотношения с церковью не мешали упованию на православие как на источник благоденствия России. Например, С.Булгаков видел в интеллигенции огромный религиозный потенциал, экономическое возрождение «на путях православия», необходимость «встречи» интеллигенции и церкви / Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Институт русской цивилизации, 2009.

37 Явлением второй половины XIX века стали православные, которые отделяли духовную музыку, церковное пение от веры, где «не было религиозной жизни, они не молились, не говели, не причащались», ходили в церковь прямо ради удовольствия, ходили «послушать хорошее пение, постоять в темном уголке при тёмном мерцании лампадок». / Прт. Сергей Четвериков. Бог в русской душе. Крутицкое патриаршее подворье Общества любителей церковной истории. М., 1998. С. 210.

ности и понимания духовной музыки заключен в религиозном сознании, сформированном не музыкой, а православным словом³⁸.

Образно-символические коннотации речевого постижения Священного Писания, заданная им ценностная система мировосприятия, личный мистический опыт практикующего христианина составляли латентную структуру светского «потребления» церковных песнопений. Музыкальная составляющая церковных песнопений для воспринимающего сознания православного человека была вторичной и имела значение как интерпретация известных, интерпретированных религиозных смыслов. Для русской публики музыка была ценна не независимо, не сама по себе, а как форма значимых религиозных образов, проецированных «словесной службой», богодухновенным словом.

С этой точки зрения популярность духовных концертов была демонстрацией православного этоса. Истинным источником духовного наслаждения были смыслы и образы, селектированные православным вероисповеданием, ими вдохновлялись и композиторы, и меломаны. Публика шла на концерт с определенной готовностью, мотивированная известными ожиданиями. Светский концерт в этом смысле был способом удовлетворения духовных потребностей религиозного характера. Но исполнение молитвы как концертного номера не содержало в себе акта богообщения и давало повод для мнений о конвенциональности этической границы дозволенного/недозволенного в связи церковным песнопением. Художественное переживание уязвляло молитвенную сущность церковных песнопений, что делало условной и их социальную функциональность³⁹, и предопределяло введение церков-

ных песнопений в зону этического релятивизма. С утратой непосредственно молитвенного действия, т. е. доминанты на слове, – связь церковных песнопений с категориями нравственности становилась зоной человеческого установления, понималась в зависимости от субъективной ценностной системы.

В последние десятилетия дореволюционной России использование духовных концертов для решения обыденных конкретно-прагматических задач становилось нормой жизни⁴⁰.

очередь социальным, внешним для индивида существованием в сфере установленной, религиозной конвенции... Каждый человек ... может создать свою молитву, но она от этого не перестает быть социальным институтом». Марсель Мосс. Молитва / Социальные функции священного. Избр. произв. СПб.: Евразия, 2000. С. 254-255.

40 Следует отметить, что и запричастные концерты также стали использоваться церковными деятелями для решения проблем, не связанных непосредственно с богослужбной практикой. Духовными концертами предреволюционных лет был создан прецедент коммерческой эффективности церковных песнопений. В это время в России проходила этап становления юридическая система защиты авторского права, созданы были специальные органы для сбора гонорара в пользу композиторов с каждого концерта. В 1920-е гг. в советском государстве была осуществлена попытка распространить сбор авторского гонорара за исполнение авторских музыкальных произведений на церкви. Повод для этой акции давали отчасти сами церкви, устраивая яркое «концертное» (как докладывали благочинные) пение во время богослужения. См.: Цветкова Г.А. История сбора авторского гонорара с церковью: грехопадение Драмсоюза // Культурное наследие России. 2017. № 4.

Федотов Георгий Петрович – блестящий медиевист, пришедший к православию в результате многолетней эволюции. Во многих своих работах Г.П. Федотов исследовал национальную религиозность, духовную жизнь русского народа, различные проявления «народного духа». См. Волкогонова О. Г.П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 4. С. 251.

В начале 1905 г. семья Федотовых переехала в Саратов, где восемнадцатилетний Г.П. Федотов познакомился с Т.Ю.Дмитриевой (1884-1971?). Она ввела его в круг местных социал-демократов, и, увлеченный пропагандистской деятельностью среди рабочих, он попал в поле зрения полиции. В марте 1906 г. Г.П.Федотов был вынужден уехать в г. Вольск, где скрывался от полиции под чужим именем. / Послесловие / Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. 12. М.: Издательство «Тетис Паблицшн», 2008. С. 240-243. 504 с., илл.

38 Имеется в виду, что слово - единственный доступный человеку инструмент регуляции сознательной деятельности человека. О слове, речи, связи речевой деятельности с процессом регуляции сознательной деятельности человека. См., например, Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2002. 384 с.; Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

39 Молитва как социальный институт «сцеплена со всей системой морального поведения... В общественной жизни нет ни одной сферы, где молитва не играла бы какой-нибудь роли. Она затрагивает организацию семьи..., в юридической жизни... она смыкается с моралью. Молитва, хоть она и осуществляется в сознании отдельного человека, обладает все же в первую

Здесь приводится пример расхожего, утилитарного применения духовного концерта в общественном быту: в данном конкретном случае - образец «служения» церковных песнопений суррогатной добродетели – духовный концерт, описанный Г.П. Федотовым, упомянутым в начале статьи в качестве добросовестного свидетеля эпохи.

Двадцатилетний молодой человек Г.П. Федотов⁴¹, увлеченный революционными идеями⁴² в письме (приводится ниже полностью) любимой девушке сообщает:

«Я расскажу тебе что-нибудь из нашей вольской жизни. Ты, вероятно, удивишься, если я тебе скажу, что на днях здесь был концерт в пользу с[оциал]-д[емократической] группы. Есть здесь одна необыкновенная попадья, предмет ужаса всех блюстителей старого благочестия. Её дом – приют для всякой рев[олюционной] публики. Она и меня здесь устроила – нашла мне квартиру. Из-за своей «матушки» её муж подвергся даже опале: архиерей перевел его из города в село. И вот она-то вздумала устроить духовный (!) концерт. (Восклицательный знак поставлен самим Федотовым.- Г.П.). На афише значилось: в пользу общества пособия бедным. Но это общество вошло в соглашение и тоже участвовало в заговоре. Билеты на духовный концерт расовывали самой почтенной публике: даже гр[аф] Орлов-Ден[исов] разорился на с[оциал]-д[емократов]. Хор был неважный, вечер вообще скучный. Но цель достигнута. Великопостные песнопения: «Разбойника

благоразумного», «Слава в Выш[них] Б[огу]»⁴³ и т[ак] д[алее] обогатили кассу на 90 рублей. Не правда ли, совершенно иезуитский обман? Не знаю, как отнесешься ты к таким средствам. У тебя чуткая совесть; твоя совесть часто заражала и мою. Но, признаюсь, сейчас я не чувствую никаких угрызений, - а одно только удовольствие»⁴⁴.

Письмо это, как эго-документ, по определению, - субъективный взгляд на события, но имеет преимущество исторической достоверности в откровенности, интимности повествования.

Молодой человек представляет духовный концерт как игру, вроде бы весёлую, рассказывает как анекдот, с желанием развлечь подругу. Но утверждение, что автор испытывает от неё удовольствие и «не чувствует никаких угрызений» совести интонируется им как лукавство, скрывающее горечь соучастия в фарсе в духе вышеупомянутой болезни «опошления» души. Его духовный концерт – это очень серьезная игра с видимым присутствием inferнального (ведь шёл Великий пост), соединившего революционеров, матушку, общество пособия бедным и почтенную публику в искушении фарисейской добродетелью на распродажу абсолютных ценностей.

Реакция участников, их оценочная стратификация по поводу духовного концерта, с одной стороны, иллюстрирует аффектированное революцией блуждающее сознание русского общества, а с другой, – фиксирует трагедию русской души в результате слома миропорядка, утраты этической нормы, выработанной русской религиозной традицией.

Для Г.П. Федотова письмо – это самоанализ, в данном случае – диалог с духовной традицией и попытка самооправдания.

Условно положительно оценивая акцию по сбору денег в пользу революционеров, Федотов явно смущается, ожиданием возможной негативной реакции подруги на способ их получения. Этот способ, однозначно для него самого, является безнравственным, что считается в характерной номинации событий. Федотов называет их: «заговор», «сговор», «соглашение», «иезуитский

41 Федотов Георгий Петрович - блестящий медиевист, пришедший к православию в результате многолетней эволюции. Во многих своих работах Г.П. Федотов исследовал национальную религиозность, духовную жизнь русского народа, различные проявления «народного духа». См. Волкогонова О. Г.П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 4. С. 251.

42 В начале 1905 г. семья Федотовых переехала в Саратов, где восемнадцатилетний Г.П. Федотов познакомился с Т.Ю.Дмитриевой (1884-1971?). Она ввела его в круг местных социал-демократов, и, увлеченный пропагандистской деятельностью среди рабочих, он попал в поле зрения полиции. В марте 1906 г. Г.П.Федотов был вынужден уехать в г. Вольск, где скрывался от полиции под чужим именем. / Послесловие / Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. 12. М. : Издательство «Тэтис Паблишн», 2008. С. 240-243. 504 с., илл.

43 Имеются в виду богослужебные песнопения Великого поста, запрещенные Святейшим Синодом для исполнения на сцене.

44 Письмо к Т.Ю.Дмитриевой. 7. 21 март[а. 1906 г.] / Федотов Г. П. Письма. Указ. соч. С. 20.

обман». Федотова коробит ситуация лжи – все «вошли в соглашение и тоже участвовали в заговоре», обман сопрягается с теми, кто в традиции был блюстителем нравственной нормы. Предметом спекуляции стали не запрещенные или разрешенные песнопения, а духовные ценности, кодированные церковными песнопениями. Критерием участия в сговоре стали представления о «новом» благочестии.

Федотов-революционер разводит участников не по идейно-классовому принципу, а по выбору совести: «чуткая совесть», «угрызения совести». Для него налицо сделка с совестью: милосердие в пользу бедных стало иезуитским средством - обманом. Парадоксальным образом, именно традиционная приверженность православным ценностям сделала возможным обман, когда билеты можно было «рассовывать» и «самая почтенная публика» безотказно «разорялась» на концерт. А конкретная презентация духовных ценностей в описанном духовном концерте показательна степенью их утраты.

Состоявшийся духовный концерт был мезальянсом покаянию, тому состоянию, которое вмнялось православному в дни Великого поста. «Великопостные» песнопения были инициированы под христианской вывеской помощи бедным, но с ожиданиями развлечения (именно на эти ожидания реагирует Федотов, говоря, что «Хор был неважный, вечер вообще скучный»). Масштаб покаянной молитвы «разбойника благоразумного» о спасении души «актуализировали» до доступных размеров спасения добрыми делами («На афише значилось: в пользу общества пособия бедным»). Но эти уровни исповедания христианства в духовном концерте были лишь «упаковкой» для преступления против христианства, поскольку целью было – «спасение» (материальная помощь) революционерам – разрушителям православного государства, предательства православных ценностей. Так, духовный концерт Федотова прочитывается в логике предательства – предательства христианства как такового и в конкретном изводе православных духовных ценностей. Неосознанно сам Федотов фиксирует акт предательства, упоминая о девяноста рублях, полученных с духовного концерта в пользу революционеров и этим, создавая ассоциацию с Иудинами тридцатью серебряниками.

Духовный концерт в рефлексии будущего исследователя русской святости и критика русской интеллигенции знаменует фатальность деформа-

ции религиозной природы нравственности русского общества.

Духовный концерт как событие культурной жизни был контрапунктом богослужению, квазимолитвой, средством обесценивания церковных песнопений для моделирования этической нормативности и опытом их погружением в прагматические отношения общества потребления⁴⁵.

В данной статье церковное песнопение увидено не только как объект музыкального искусства, а многозначнее – как органический компонент отечественной традиционной культуры. Его роль в формировании традиции русской жизни исторически проявилась в событиях религиозного раскола XVII в. и на наш взгляд, в феномене духовных концертов рубежа XIX – XX веков. Проблематизация церковного песнопения, сначала вписанная в религиозное сознание, а затем в секуляризованное, и в первом, и втором случаях отразила повороты в духовной жизни России. Но, если в первом случае церковное песнопение осмыслялось современниками как стремление к укреплению традиции, то во втором – в духовном концерте – как её разрушение.

Список литературы

1. Владышевская Т.Ф. Музыка Древней Руси / Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. М. : Искусство, 1993.
2. Гарднер И.А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви. Том I. Сущность, система и история. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. 498 с. Том II. История. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. 530 с.
3. Семенюк А.А. Духовно-музыкальные сочинения в отечественном нотоиздании и библиографии конца XVIII – нач. XXI в. Автореф. дисс. / Интернет-ресурс. [http://tekhnosfera.com/duhovnomuzykalnye-sochineniya-v-otechestvennom-](http://tekhnosfera.com/duhovnomuzykalnye-sochineniya-v-otechestvennom)

45 Духовными концертами предреволюционных лет был создан прецедент коммерческой эффективности церковных песнопений. В это время в России активно развивалась законодательная система защиты авторского права, созданы были специальные органы для сбора гонорара в пользу композиторов с концерта, а в советском государстве была осуществлена попытка распространить сбор и на церкви, осмысленные в атеистической юрисдикции как зрелищные предприятия. См.: Цветкова Г.А. История сбора авторского гонорара с церкви: грехопадение Драмсоюза. // Культурное наследие России. 2017. № 3.

notoizdanii-i-bibliografii-kontsa-xviii-nachale-xxi-v#ixzz3RN5wJjO3

5. Дабаева И.П. О формировании моделей духовных концертов в русской культуре XIX века / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусство. 2014. № 2(140).

6. Хватова С.И. Запричастное пение в русской православной церкви // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2007. № 2.

7. Левашёв Е. Традиционные жанры древнерусского певческого искусства от Глинки до Рахманинова. Открытый текст Электронное периодическое издание. Размещено: 25.07.2015

8. Марсель Мосс. Социальные функции священного / Избр. произв. СПб. : «Евразия», 2000.

9. Наземцева К. Н. Культурно-образовательная деятельность музыкальных музеев в России // Культурное наследие России. 2018. N 3.

SPIRITUAL CONCERT IN RUSSIA AT THE TURN XIX–XX CENTURIES: PRAYER IN THE CONTEXT SPECTACLE

Tsvetkova Galina Alexandrovna,

PhD, Associate professor,
Lead Researcher, Heritage Institute,
St. Astronauts, 2. Moscow, Russia,
e-mail: galinatsvet@rambler.ru

Abstract

The phenomenon of spiritual concerts is considered as a catalyst for the sociocultural results of Russia's secularization, immersion of the tradition of liturgical chants into the entertainment mainstream, the psychological aspects of the perception of prayer in the context of the spectacle are affected.

Keywords

Spiritual concert, sacrament concert, church chants, prayer, Spectacle, Russian Orthodox Church.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

CNF

УДК 7.067

ББК 85.125

10.34685/НИ.2020.29.2.007

ЯНТАРНОЕ ИСКУССТВО: СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ И РАЗВИТИЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Никифорова Анастасия Александровна,

кандидат философских наук,

доцент кафедры эстетики и этики,

РГПУ им. А.И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург,

Набережная реки Мойки, д.48

e-mail: zuru-s@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется современное состояние янтарного дела не только как промысла, но и как искусства, исследуются исторические предпосылки и экономическая составляющие сложившегося янтарного дела в северо-западном регионе: Калининградской области и Санкт-Петербурге. Короткий экскурс в историю обработки янтаря и развития янтарных мануфактур, формирования музейных коллекций Государственного Эрмитажа и Оружейной Палаты Московского Кремля, позволяет лучше понять современное искусство.

Ключевые слова

Янтарь, янтарное искусство, Янтарная комната, камнерезное искусство, реставрация, сохранение культурного наследия, художественный промысел, ремесло.

Северо-запад России географически расположен в регионе, где находятся самые большие в мире запасы сукцинита – балтийского янтаря. Исторически страны восточной и центральной Европы, имевшие доступ к месторождениям, с древнейших времен развивали и совершенствовали методы добычи и обработки этого камня. До конца XIX века пальма первенства в искусстве обработки янтаря принадлежала европейцам.

Славянским племенам, и, впоследствии, жителям России янтарь тоже был известен, однако из него изготавливались, судя по имеющимся находкам, простые бусы, иные женские украшения и небольшие обереги. Более сложные изделия из янтаря, относящиеся к новому времени и имеющиеся в коллекциях Оружейной Палаты Московского Кремля и Государственного Эрмитажа, как правило, были изготовлены в Западной Европе.

Высокое качество европейского ювелирного и камнерезного искусства позволяло создавать интереснейшие декоративно-прикладные изделия – чайники, штофы, кружки, табакерки, настольные распятия и даже шахматы¹. Баснословная цена камня ограничивала широкое распространение таких предметов: его стоимость всегда была высока, а продажа и хранение строго регламентированы. В западноевропейских музеях хранятся старинные образцы мебели из янтаря², России же повезло заполучить уникальную по масштабу и исполнению Янтарную комнату³.

После технологической революции конца XIX века в моду вошел прессованный янтарь, так называемый амброид, а механизированные методы его изготовления и массовое производство изделий сделали янтарь достаточно доступным по цене и широко распространенным. Именно к этому периоду относится появления янтарных мундштуков, шкатулок, пресс-папье, часов и подсвечников с простыми угловатыми формами, но прочными и практичными в употреблении.

После Второй мировой войны Россия получила доступ к запасам янтаря, но широкого художественного развития янтарного ремесла практически не было до 70-х годов. Отечественные мастера были ограничены в ресурсах, не имели хороших инструментов, а также рынка сбыта, где можно было бы продавать изделия как независимые художники. Новые образцы декоративно-прикладных изделий разрабатывались в цехах янтарного комбината в г. Калининграде и носили массовый характер. Необычайный творческий и технологический всплеск развития янтарной отрасли произошел в 80-е гг., когда был разработан и начал свое воплощение проект научной реконструкции Янтарной комнаты. К проекту были привлечены художники, архитекторы, камнерезы, была создана реставрационная янтарная мастерская, из стен которой вышло немало замечательных мастеров.

Сегодня изделия из янтаря популярны как в России, так и за ее пределами. За Россией, к сожалению, прочно закрепился статус поставщика янтарного сырья в Европу, хотя массовая художественная обработка камня в регионе получила достаточно сильное развитие. В перспективе Россия должна стать полноправным членом сообщества янтарообработывающих стран, таких как Литва и Польша, практически не имеющих своих запасов этого камня, но славящихся мастерством в его обработке и неординарным художественным вкусом в создании ювелирных украшений и художественных произведений.

Тем не менее, научно-просветительская работа ведется недостаточно активно. За последние годы большая часть публикаций, связанных с историей отрасли, аналитикой рынка, комментированием художественных тенденций принадлежит одним и тем же специалистам, коих в России единицы. Популяризация знаний о янтарном искусстве, его истории в научных кругах, в среде музейных работников, реставраторов, мастеров-ремесленников могла бы помочь отрасли выйти на новый уровень развития.

В частности, проблемы истории и теоретического изучения петербургского стиля в обработке янтаря и его наследия практически не освящаются, хотя исторической части янтарного дела в целом посвящено немало исследований. Классическими работами являются изданные еще в 80-х гг. фундаментальные исследования Э.Фракей, С.С. Савкевича, М. Г. Воронова и А. М. Кучумова, информацию из которых в разной степени цитирования можно найти во всех последующих публикациях. Раритетный альбом А.Роде, публикации И.Н.Ухановой, каталоги выставок Государственного Эрмитажа и Оружейной Палаты – посвящены существующим и утраченным музейным коллекциям. Об истории янтарных изделий в России еще в 2000-е гг. писали Н.С. Григорович, Л.А. Яковлева, О.А. Кондратьева, Л.В. Бардовская. Значительная часть альбомов и каталогов выставок и биеннале издается в янтарном крае – Калининграде – по инициативе Музея янтаря. Существуют исследования, посвященные калининградской кам-нерезной школе и ее отдельным мастерам. О современной Петербургской традиции художественной обработки камня и реставрации янтаря публикаций крайне мало.

- 1 Балтийский янтарь в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Государственный Эрмитаж, 2002.
- 2 Mierzwińska, Elżbieta Wielka księga bursztynu. Wydanie jubileuszowe 40 let museum zamkowego w malborku.- Muzeum Zamkowe w Malborku 2001.
- 3 Воронов М.Г., Янтарная комната. Шедевры декоративно-прикладного искусства из янтаря в собрании Екатерининского дворца-музея / Воронов М.Г., Кучумов А.М. Ленинград : Художник РСФСР, 1989.

В настоящее время многие усилия затрачиваются на то, чтобы создать и укрепить бренд российского янтаря на мировой арене. К примеру, на ежегодном экономическом форуме янтарной отрасли «Амберфорум» в 2016 году зазвучала идея признать янтарь национальным достоянием России. В этой связи тем более важно изучить творческий вклад как калининградских, так и петербургских художников по янтарю в формирование отечественной художественной школы обработки камня.

Сегодня стало очевидно, что понимание сути и возможностей камня изменилось. Оно переросло чисто прикладной характер, когда этот материал использовался для бус и мелких ювелирных изделий. Не ограничено оно также изготовлением копий или реконструкций давно утраченных предметов, интересных с точки зрения сохранения культурного наследия, но потерявших свою актуальность для современного общества: сегодня не в ходу янтарные распятия, подарочные кубки или настольные обелиски из солнечного камня.

Анализ творческой деятельности мастеров-янтарщиков демонстрирует не только чисто региональное разделение (Санкт-Петербург и Калининград), но и наличие двух главных подходов к обработке камня, из чего можно условно выделить «Петербургский» и «Калининградский» стили в художественной обработке солнечного камня, что позволяет выйти на новый уровень осмысления идеи «Янтарь – национальный бренд России»⁴.

Для Польши и стран Балтии, пожалуй, вопрос о формировании современного стиля в изготовлении янтарных предметов не стоит так остро – развитие янтарного дела в этих регионах шло эволюционным путем, стиль работы янтарщиков менялся постепенно, следуя веяниям времени и моде. У российского потребителя нет понимания сути и ценности этого материала: до сих пор можно услышат удивленные возгласы – мол, янтарь на пляже лопатой можно накопать, а обработать и того проще. За исключением работ петербургских мастеров и калининградских, мало кто в России может

Фото 1. Блокноты и ежедневники с янтарем производства @amber.two, г. Калининград.

похвастать новаторскими приемами и интересными художественными решениями в обработке солнечного камня: профессионалами ведутся разработки новых техник и технологий обработки камня, фирменных приемов и новых дизайнерских решений. (Фото 1)

В г. Пушкине, после завершения работ по воссозданию Янтарной Комнаты, реставрационная мастерская была перепрофилирована на изготовление элитных эксклюзивных изделий современного декоративно-прикладного искусства, от кулонов и брошек до икон и панелей из янтаря. Подготовка кадров в этой мастерской в 80-90-е гг. происходила путем непосредственной передачи навыка от одного мастера другому. Современная художественная работа с янтарем развивается по нескольким направлениям: украшения (ювелирные изделия), мелкая пластика, иконы, декоративная мозаика. (Фото 2).

Традиционными украшениями, такими как бусы, сережки, колечки, браслеты из точеных или необработанных камней, уже никого не удивить. В 80-90е годы новацией была работа с янтарем в технике камеи и инталии, раскрывающая не только красоту камня, но и мастерство резчика. До этого инталии и камеи встречались в основном в составе крупных изделий (шкафчики, рамы, распятия) или как эксклюзивные образцы

4 Ковалевский А. Бренд российского янтаря [Электронный ресурс]. Точка. Журнал для деловых людей. 28 июня 2017. URL: <http://tochka39.ru/persona/brend-rossijskogo-yantarya/>

Фото 2. Валерий Лагун. Девушка в белом. Янтарь. Размер 30х45 см. Галерея янтарных картин, г. Калининград.

портретного творчества 18-19 вв. (камеи с изображением европейских монархов). Масштабная добыча янтаря сделала этот материал доступным для широкой публики и предоставили современным мастерам возможность работать в новых жанрах, соединяя янтарь с другими материалами, создавая небывалые, причудливые образы. (Фото 3,4).

В Санкт-Петербурге развивали и развивают эти направления несколько индивидуальных мастеров, выходцев из Царскосельской янтарной мастерской, начавших свое собственное дело. Среди них особо выделяется фигура Александра Журавлёва, разработавшего свой уникальный стиль создания масштабных панно из янтаря, совмещающий живописные приемы и технику флорентийской мозаики. Работы А.Журавлева находятся в частных коллекциях и музеях по всему миру, самое большое собрание – Калининградском музее янтаря. Уникальные портреты исторических лиц и самое большое в мире панно «Русь», собранные из тонких пластин камня, продолжают удивлять сложностью и живостью исполнения не только по-

Фото 3. Лариса Трубецкая. Колье. Янтарь, керамические бусины. Калининград.

Фото 4. Ольга Облезина. Броши из серии украшений «Что выросло, то выросло». Янтарь, дерево, кусочки немецкой керамики и оловянных деталей начала XX века. Калининград.

сетителей музея, но и профессиональных резчиков по камню. К счастью, коллекция его работ, – национальное достояние, – осталось в России (Фото 5).

С расширением деятельности всемирной паутины виртуальная активность мастеров значительно увеличилась, практически все имеют свои сайты, страницы в Инстаграм, участвуют в разнообразных интернет-проектах. Появилась возмож-

Фото 5. Александр Журавлев. Портрет Александра II. Янтарь. Размер 57х44 см, 2009 г. Фото Н.Шалякин, Санкт-Петербург.

ность в электронной форме обмениваться опытом, «людей посмотреть и себя показать», цифровые способы общения оказывают влияние на современные технологии и в области самопрезентации художников⁵.

В частности, в Петербурге за последние годы увеличилось количество площадок и ярмарок, где янтарщики могли бы представить свои изделия. Имелся положительный опыт деятельности частной галереи «Янтарный дом», выставок изделий из цветного камня и янтаря в Ризнице Исаакиевского Собора, двух мемориальных выставок, посвященных творчеству А.А. Журавлева в музее Эрарта и музее-усадьбе Г.Р. Державина. Все эти проекты не являлись коммерческими, но пользовались неподдельным интересом у Петербургской публики и гостей города. К сожалению, подобные мероприятия требуют значительных финансовых вложений и дорогостоящей рекламы. В этом пла-

не самой доступной площадке для экспозиции и рекламы остается интернет. Однако разрозненность и конкуренция среди мастеров не позволяет им выставляться на едином ресурсе, а многие так и остаются «за кадром» в силу возраста и отсутствия возможности самостоятельно продвигать себя и свои работы. Здесь встает еще один вопрос – отсутствие кураторов, которые бы занимались продвижением не просто художников, а художников по янтарю, резчиков и мастеров. Сегодня этот особый вид искусства, как и двести лет назад, нуждается в поддержке государства, и не только информационной. К счастью, сырьевой кризис последних лет, убивавший ремесленное производство в Калининградской области, стал постепенно ослабевать, но и сейчас мастера страдают от нехватки качественного сырья.

Список литературы

1. Балтийский янтарь в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Государственный Эрмитаж, 2002.

2. Воронов М.Г., Янтарная комната. Шедевры декоративно-прикладного искусства из янтаря в собрании Екатерининского дворца-музея / Воронов М.Г., Кучумов А.М. Ленинград : Художник РСФСР, 1989.

3. Воронова Н.И. Влияние цифровых технологий на искусство: сотрудничество и противостояние. // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека Сб. научных ст. и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой. Коломна, 2018. С. 90-95.

4. Ковалевский А. Бренд российского янтаря [Электронный ресурс]. Точка. Журнал для деловых людей. 28 июня 2017. URL: <http://tochka39.ru/persona/brend-rossijskogo-yanarya/>

5. Mierzwińska, Elżbieta Wielka księga bursztynu. Wydanie jubileuszowe 40 let museum zamkowego w malborku. – Muzeum Zamkowe w Malborku 2001.

6. Никифорова А.А. История и практика сохранения культурных ценностей в России (на примере реставрационной школы янтаря в Санкт-Петербурге) // Философия и методология истории Сб. научных ст. VI Всероссийской научной конференции. Коломна, 2015. С. 347-355.

7. Преимущество традиций художественной обработки янтаря. Проблема подготовки кадров. Материалы международной научно-практической конференции 21 октября 2005 года. Калининград, 2006.

5 Воронова Н.И. Влияние цифровых технологий на искусство: сотрудничество и противостояние. // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека Сб. научных ст. и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой. 2018. С. 90-95.

AMBER ART: PRESERVING HERITAGE AND DEVELOPING NEW OPPORTUNITIES

Nikiforova Anastasiia Aleksandrovna,

PhD, Associate Professor of Aesthetics and Ethics

Herzen State University, St. Petersburg,

e-mail: zuru-s@yandex.ru

Abstract

The article analyses the modern state of amber business not only as fishing, but also as art, explores the historical prerequisites and economic components of the established amber business in the north-western region: Kaliningrad Appeal and St. Petersburg. A short excursion in the history of amber processing and development of amber manufacturers, formation of museum collections of the State Hermitage and the Armory Chamber of the Moscow Kremlin, allows to better understand modern art.

Keywords

Amber, amber art, Amber room, stone-cutting art, restoration, preservation of cultural heritage, art trade, craft.

RAR
УДК 792.7+792.071
ББК 85.36 + 85.33
10.34685/НН.2020.29.2.008

АНЕКДОТЫ И БЫВАЛЬЩИНЫ М. С. ЩЕПКИНА: СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА «ИМПРОВИЗАЦИОННОГО» РАССКАЗА НА КОНЦЕРТНОЙ ЭСТРАДЕ

Сариева Елена Анатольевна,
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник
ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания» (ГИИ),
Россия, Москва, 125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5,
доцент кафедры Эстрадного искусства
ФГБОУ ВО «Российский институт театрального искусства – ГИТИС»,
Россия, Москва, 125009, Малый Кисловский переулок, д. 6,
e-mail: easarieva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается устное творчество ведущего артиста Малого театра М. С. Щепкина, исполнение им в дружеских кругах, а также в антрактах и дивертисментах императорских театров анекдотов и рассказов. Следы рассказов и анекдотов М. С. Щепкина можно встретить в литературе и драматургии XIX века. В статье прослеживаются также процессы, идущие от фольклорных форм устного творчества к формированию и становлению «импровизационного» рассказа на концертной эстраде.

Ключевые слова

Театр, эстрада, «импровизационный» рассказ, М.С. Щепкин, бывальщина, анекдот, литературные чтения, разговорный жанр, литература.

Анекдот как литературный жанр стал утверждаться в России в середине XVIII века с усвоением европейской светской культуры общения. Анекдот – короткий, часто нравоучительный рассказ о событии или происшествии из жизни исторического, известного лица отличался от новеллы исключительно комическим содержанием. Пересказ друг другу сюжетов, почерпнутых из европейских сборников анекдотов, оставался одним из популярных развлечений в дворянской среде вплоть до середины XIX века.

Развитие в это же время анекдота в городской бытовой среде как произведения устной речи восходит к русскому фольклору. Еще одним жанровым предшественником устного анекдота можно считать бывальщину (быль) – устный рассказ о достоверных событиях, в который рассказчик обязательно добавлял что-то свое, фантазируя

и импровизируя. Одни и те же сюжеты бывальщин могли повторяться в разных вариантах и появляться в любой среде. Помимо фантастических бывальщин (страшилок) всегда существовали бывальщины, построенные на бытовом материале и основанные на реальных событиях или жизненных наблюдениях. Их достоверность подкреплялась свидетельством либо самого рассказчика, либо знакомых ему людей.

В начале XIX века анекдот уже получил распространение в городском фольклоре, как краткий устный шуточный рассказ, имеющий остроумную концовку и шутивную окраску. Анекдот легко приспособивался к злободневному содержанию, некоторые анекдоты отличались сатирическим характером. Поскольку в анекдоте преобладала тенденция к сжатию, к максимальному обобщению, его штриховой характер не требовал

словесного прописывания деталей. Тем не менее, по желанию рассказчика анекдот мог обрасти деталями и превратиться в короткий рассказ. То есть короткий рассказ был тесно связан с устным народным творчеством, искусством живого слова и при известной доле импровизации оживал только в процессе исполнения. Анекдоты ценились не за придуманный сюжет, а за пересказанную быль, где действительный факт соединяется с фактом вроде бы действительным или претендующим на таковой.

Артисты императорской сцены рассказывали анекдоты не только в бытовой среде, но и в дивертисментах, антрактах, в концертах. В исполнении артистов анекдоты преподносились как бывальщины – странные, нелепые случаи, подлинные происшествия. Первостепенную роль здесь играла интонация рассказчика, его мимика, жесты, исполнение анекдота «в лицах». За неимением других отличий (грим, костюм, походка) персонажи в анекдоте различались исключительно речевой характерностью. Поэтому таким успехом пользовались анекдоты, где речевую характерность можно было проявить в полной мере – анекдоты на национальные темы, в которых изначально предполагается имитация «неправильной» русской речи и акцент на особенности характера, стереотипы поведения, анекдоты с участием различных социальных типов и т. д. По нашему мнению, именно в исполнении анекдотов артистами оттачивалось искусство исполнения «импровизационного» рассказа (или «живописного сказывания»).

По воспоминаниям современников ведущий артист Малого театра М.С. Щепкин (1788–1863) был непревзойденным исполнителем малороссийских и греческих анекдотов. Большинство из них действительно были жизненными наблюдениями или историями из богатой событиями жизни самого М.С. Щепкина. 8 декабря 1839 года А.И. Герцен писал из Москвы жене: «у Кетчера провел время хорошо; там познакомился с известным актером Щепкиным и хохотал, как безумный, от его дара рассказывать анекдоты»¹.

Слушатели всегда поражались способности М.С. Щепкина мгновенно перевоплощаться в «неподходящую» по возрасту, телосложению, национальности личность. Полжизни М.С. Щеп-

кина прошли в Малороссии, поэтому он не просто имитировал украинскую речь. В его устах украинская речь не воспринималась, как некое нарочитое «искажение русского языка», а акцент переносился именно на характеристику персонажа, обладающего присущими украинцам чертам характера и манере поведения. Несколько малороссийских анекдотов М.С. Щепкина остались в воспоминаниях, но судить об их происхождении довольно трудно – настолько они похожи на реально описанные события. Подчас сохранились от них только намеки, с трудом поддающиеся расшифровке. Современники записывали, видимо, анекдоты, имеющие познавательную ценность. Педагог и публицист Н. В. Соколов вспоминал, что М.С. Щепкин рассказывал «анекдот о хохле», который вез какого-то господина: «Этот, желая ехать скорее, бил ямщика-хохла. Последний, не смотря на удары, не только не погонял лошадей, но даже не оглядывался назад. Лишь версты за полторы до станции он пустил коней во весь опор. Господин устыдился, что бесчеловечно поступал с таким бесчувственным человеком. На станции, когда ямщики спросили хохла, каков проезжий, он спустил с плеч рубашку и, показывая синяки от ударов, сказал: "Бачьте який!" Проезжий спросил его, отчего ж он не ехал скорее. Ямщик добродушно отвечал: "Да ни хотилось", – и получил целковый на водку»².

Писатель М.П. Погодин записал в дневнике 12 марта 1829 года еще один малороссийский анекдот М.С. Щепкина: «Дядя убил племянника, жену его, гостей: рука размахалась. Пригревсь. Лошадей крадут: лень поворотиться»³. Краткое изложение анекдотов и рассказов М. С. Щепкина лишней раз доказывает их невоспроизводимость в письменном варианте. Анекдоты М.С. Щепкина – это даже не анекдотические рассказы, в них нет юмора в нашем понимании, а острота анекдотов соседствует с жестокостью нравов в тогдашней России. Видимо, в исполнении М.С. Щепкина, который сам был до 33 лет «господским человеком», крылось глубоко личностное отношение, горечь, сострадание к несчастным. Материал импровизируемых

1 Печ. по: Гриц Т.С. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 269.

2 Соколов Н.В. Заметки о М.С. Щепкине. Выдержки из дневника// Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 324.

3 Из дневников М.П. Погодина. Печ. по: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 107.

Фото 1. Щепкин А.С. Краткий очерк жизни М. С. Щепкина и артистической его деятельности на сценическом поприще. Печ. по: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 265–266.

анекдотов близок по темам и по исполнительским принципам к фольклору. (Фото 1).

М.С. Щепкин часто возвращался в своих анекдотах к характеристике типов чиновников, бюрократов, помещиков, которых ему приходилось встречать в жизни. К общему удовольствию слушателей артист нередко рассказывал анекдот, который пересказывает А.С. Щепкин: «В одном селе, называемом Смелое, крестьяне подали гражданскому губернатору просьбу, чтобы избавить их от податей или от исправников и прочих членов земского суда, ...потому что то и другое превышает все их средства к жизни. Эта просьба принята была губернатором как доказательство несомненного и открытого бунта. Поэтому губернатор, не медля, несколько, потребовал от военного начальства роту солдат и тотчас же в сопровождении жандармов и других полицейских властей, исправника, заседателей, прокурора, стряпчего и прочее отправился немедленно в село Смелое для разыскания виновных. По прибытии на место тотчас обратился он к толпе, окружившей его, и закричал: "Кто это у вас писал на мое имя просьбу? Говорите тотчас,

не то худо будет". Тотчас вышел из толпы крестьянин лет девяносто и подойдя к г. губернатору сказал: "Я писал просьбу, ваше превосходительство". – "Ты? – вскричал губернатор. – "Как ты смел это сделать?" Крестьянин спокойно отвечал: "Изволите видеть, ваше превосходительство, наше село называется Смелое, и волость наша прозывается Смелая, и речка в нашем селе называется Смелою, и прозвища наших крестьян по большей части Смелые, да и мое настоящее прозвище Смелый: так все это до купы сошлось, оттого и просьба написана к вашему превосходительству, а я ничего в ней не прибавлял и не выдумывал, а рассказал просто как дело было". По спокойному, решительному виду всех крестьян губернатор тотчас догадался, что принудительные и насильственные меры в этом случае не принесут совершенно никакой пользы...»⁴.

Следы одного из анекдотов М. С. Щепкина встречаются в дневниковых записях А. И. Герцена (запись от 19 марта 1844 года), где А. И. Герцен серьезно размышляет о русском чиновничестве, бюрократизме и взяточничестве, вспоминая городничего города Покрова Владимирской губернии. В «Былом и думах» (ч. II, гл. XIII) А. И. Герцен пишет, что этот городничий напомнил ему секретаря уездного суда, о котором рассказывал М.С. Щепкин. Далее А.И. Герцен приводит и сам этот щепкинский рассказ. «Девять исправников сменились, а секретарь оставался и управлял по – прежнему уездом. "Как это вы ладите со всеми?" – интересовался М. С. Щепкин. "Ничего–с, с божией помощью обходимся кой–как. Иной, точно, сначала такой сердитый, бьет передними и задними ногами, кричит, ругается, и в отставку, говорит, выгоню, и в губернию, говорит, отпишу... Ну, знаете, наше дело подчиненное, смолчишь и думаешь: дай срок, надорвется еще! Так это, – еще первая упряжка. И действительно, глядишь, – куда потом в езде хорош"».

М.С. Щепкин неоднократно пытался записывать свои жизненные наблюдения. Под влиянием друзей, и в первую очередь А.С. Пушкина, он начал работу над «Записками актера Щепкина». Сегодня мемуары М.С. Щепкина – настоящий памятник мировой театральной литературы. Но очевидно, что рассказы М.С. Щепкина в записи сильно проигрывают живому исполнению, в малой степени

4 Щепкин А.С. Краткий очерк жизни М. С. Щепкина и артистической его деятельности на сценическом поприще. Печ. по: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 265–266.

отражают все богатство жизненных впечатлений. М.С. Щепкин описывал лишь ранние годы своей жизни и сценической деятельности. Более того, процесс работы над «Записками» затянулся на четверть века и первоначальный замысел в процессе работы корректировался. Из книги воспоминаний о событиях, встречах и лицах, «Записки» превратились в размышления о драматическом искусстве и описание сценической системы актера. Когда «Записки» вышли в 1864 году друзья и поклонники таланта великого артиста были разочарованы тем, что М.С. Щепкин записал только несколько эпизодов из своей жизни. Большинство анекдотов и рассказов так и остались только в воспоминаниях слышавших его. Правда, в приложении к изданию «Записок» 1914 года была сделана попытка дать записи его рассказов, но сделано это было не полно и без комментариев. (Фото 2).

Конечно, настаивая на записи устных рассказов М.С. Щепкина, современники имели в виду не только их временный, проходящий интерес как забавных анекдотов или трогательных историй, но и как документы жизни и нравов эпохи. За долгую прожитую жизнь М.С. Щепкин переиграл сотни ролей, объездил с гастролями всю Россию, собрал огромный материал впечатлений и наблюдений. На своем жизненном пути он сталкивался и дружил со многими славными представителями тогдашней литературы и критики: А.С. Грибоедов толковал с ним о понимании роли Фамусова, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко считали М.С. Щепкина своим другом, общеизвестны также дружеские отношения с В.Г. Белинским, семейством С.Т. Аксакова, А.И. Герцена и его кружком, И.С. Тургеневым и др. Богатство жизненных наблюдений, память, врожденная литературность и актерское дарование – все это придавало рассказам М.С. Щепкина непередаваемое обаяние и выразительность.

Щепкин не принадлежал к тому типу актеров-рассказчиков, которых современники позже увидят в лице П.М. Садовского и братьев И.Ф. и О.Ф. Горбуновых. У него не было «маски-рассказчика», он не исполнял «монологи в образах». Рассказы не были им придуманы, обычно он рассказывал то, «чему свидетель в жизни был». А.Д. Галахов, вспоминая знаменитую литературную кофейню Печкина в Москве, где часто бывал и рассказывал М.С. Щепкин, с восторгом описывал виденное: «... сильнейшей приманкой для нас служили рассказы Щепкина из его богатой опытностью жизни. Они

Фото 2. Лебедев Б.Н. А.С. Пушкин и М.С. Щепкин, 1960-е гг. Бумага, уголь.

и по своему содержанию, и по мастерству рассказчика, были в своем роде интереснейшими повестями. Положенные на бумагу, они наполовину теряли свое значение. Даже беллетристическая обработка... далеко уступала оригиналу, т. е. живой, устной речи. Она не производила на читателей такого душевного впечатления, какое испытывали мы, слушатели в небольшой комнате, вокруг стола, не спускавшие глаз с нашего рапсода. Причина обаяния заключалась в том, что каждый рассказ Щепкина был собственно не рассказом, не повествованием, а живым представлением, воскресением былого. Он как бы играл пьесу – один за всех действующих в ней лиц. Что трудно, даже невозможно, передать на бумаге словами, он легко и живо давал о том знать интонацией голоса, мимикой, жестами слезами, – если сцена выходила трогательной, смехом – если сцена становилась забавной И у нас, слушавших, вслед за ним то выступали слезы, то раздавался смех»⁵.

Записей рассказов М.С. Щепкина или ссылок на них сохранилось не много, около двух десятков. Исследователь рассказов М.С. Щепкина предлагает их разделять на две группы – сатирико-бытовые и историко-литературные и указывает, что эти две группы «в совокупности своей почти совершенно исчерпывают основную часть сохранившихся записей».⁶ До настоящего времени не было по-

5 Галахов А.Д. Литературная кофейня в Москве//Русская старина. 1886. Том L. С. 697–698.

6 Железнов Н. Рассказы Щепкина//Театр. 1938. № 8. С. 49.

пытки собрать щепкинские рассказы воедино, они разбросаны по мемуарам, воспоминаниям, ссылки на сюжеты имеются в художественной литературе или комментариях литературоведов.

Правду и простоту щепкинских рассказов ценил Н.В. Гоголь. М.С. Щепкин был находкой для писателя, глубоко сознававшего необходимость широкого реального изображения русской жизни и русских людей в нашей литературе. Н.В. Гоголь проявлял потребность в результатах чужих наблюдений, так как постоянно испытывал недостаток собственных, использовал извне получаемые сюжеты. Во все концы летели просьбы Н.В. Гоголя, адресуемые друзьям и знакомым, присылать ему материалы наблюдений, песни, словечки, анекдоты. Их посылал ему и М.С. Щепкин. Биографам Н.В. Гоголя хорошо известно, что множеству сценок, эпизодов, драгоценных черт своих героев Н.В. Гоголь был в прямом смысле слова обязан устным рассказам М.С. Щепкина. М.С. Щепкин сбрасывал обманчивую пелену значительности с ряда явлений русской жизни, делая их смешными и нелепыми в глазах слушателей, и это была своего рода школа юмора, школа познания быта и нравов дореформенной России.

Случай, рассказанный в «Старосветских помещиках» Н.В. Гоголя, о том, как Пульхерия Ивановна приняла появление одичалой кошки за предвестие своей близкой кончины взят из действительности. Подобное происшествие произошло с бабкой самого М.С. Щепкина. В 1832 году М.С. Щепкин поделился этой историей с Н.В. Гоголем. Рассказ из второго тома «Мертвых душ» «полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», который Чичиков рассказывает генералу Бетрищеву, Н.В. Гоголь также слышал от М.С. Щепкина. Рассказ этот передает действительно случившееся происшествие, но по замечанию фольклориста А.Н. Афанасьева «рассказ этот в устах Щепкина имел несравненно больше живости, чем в поэме Гоголя»⁷. М.С. Щепкин передал Н.В. Гоголю рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающем в полный желудок. Оказал влияние М.С. Щепкин и на драматургическую деятельность Н.В. Гоголя, который прямо оставляет в черновиках «Женитьбы» пропуск с пометкой: «здесь Коч-

Фото 3. Данилова В., Дмитриев О. Гоголь читает комедию «Ревизор» на Суворовском бульваре 5 ноября 1851 года в кругу литераторов. Офорт.

карев со свахой пикируются острыми словами; каким образом пикируются, я уж не помню, об этом следует узнать у Щепкина и Сосницкого, так же, как и об обрядах какие при этом употребляются у купцов».⁸ (Фото 3).

М.С. Щепкин с трудом брался за перо, но всегда радовался, когда его рассказами пользовались другие. Поэтому особый интерес представляют рассказы М.С. Щепкина, получившие литературную обработку с попытками не только сохранить смысл рассказываемого, но и передать тон рассказа. До нас дошло несколько художественных пересказов щепкинских повествований. Широкую известность получила «Сорока-воровка» А.И. Герцена, где художественно обработан цикл рассказов М.С. Щепкина об орловском помещике Каменском и его крепостном театре. Н.С. Лесков, положив в свой рассказ «Тупейный художник» воспоминания М.С. Щепкина, указал точное место действия и подлинное имя орловского помещика, владельца крепостного театра и откровенно описал чинимые им ужасы.

Известны также два очерка Ф.К. Сологуба «Собачка» и «Воспитанница» из быта странствующих провинциальных трупп, представляющие собой письменное изложение щепкинских рассказов. Документальность обоих рассказов, слегка лишь прикрытая прозрачными и легко раскрываемыми псевдонимами действующих лиц и мест действия, подтвержде-

7 Афанасьев А.Н. Щепкин и его записки // Библиотека для чтения. 1864. № 2. С. 8.

8 Данилов С. Щепкин и Гоголь // Искусство и жизнь. 1938. № 8. С. 8.

на автором и самим М.С. Щепкиным в «Записках». М.С. Щепкин пишет о рассказе «Собачка»: «Она писана из моего рассказа и все было в действительности так, как описано, и автором даже еще много смягчено»⁹. В повести «Воспитанница» рассказывается о судьбе молодой девушки Наташи, воспитанницы богатой графини, которая после смерти своей покровительницы вынуждена была пойти в актрисы. В театре она испытала всю тяжесть жизни провинциальной актрисы, назойливые ухаживания, оскорбления. Не выдержав этого, Наташа умерла.

В 1849 году в свет вышла книга «Современника», где за подписью «Н.Н.» напечатан рассказ Н.А. Некрасова «Психологическая задача. Давняя боль». В нем повествуется о старике, который повесился незадолго до своей естественной смерти, мучимый страхом, что его жена и сыновья выманят у него признание о том, где хранятся накопленные им деньги. Рассказ сопровождался примечанием: «Происшествие, рассказанное здесь не выдуманно. Вы услышите его в Малороссии от любого старожилы. Оно рассказано известным артистом московской сцены М.С. Щепкиным, уроженцем Малороссии».¹⁰ Подпись эта не оставляет сомнения в происхождении рассказа.

Беседа с М.С. Щепкиным послужила толчком для начала работы А.В. Сухово–Кобылина над задуманной им комедией «Дело». В 1895 году А.В. Сухово–Кобылин говорил журналисту Юрию Беляеву: «В первой редакции “Дела” есть рассказ Ивана Сидорова о том, как он на ярмарке торговал. Это записано мною со слов М.С. Щепкина. Он сам где-то слышал и рассказывал великолепно». В письме к Юрию Беляеву Сухово–Кобылин тогда же указывал, что рассказ приказчика Ивана Сидорова о продаже лубков начинается словами “Был одна со мной такой-то случай...” и что он “был мне великолепно рассказан покойным М.С. Щепкиным”¹¹.

Интересно, что все эти произведения, написанные разными писателями имеют много общего в передаче манеры рассказа. Смее пред-

положить, что авторы сознательно и бережно стремились сохранить и передать близкую фольклорную манеру М.С. Щепкина, ее стилистические и интонационные особенности.

Рассказы и анекдоты М.С. Щепкина служили первой ступенькой на пути формирования жанра «импровизационного» рассказа. Этот жанр получит дальнейшее развитие в творчестве артиста Малого театра П.М. Садовского (1818–1872), который впервые начнет исполнять рассказы и монологи «в образах», выводя на сцену различные социальные типы. Окончательно формирование жанра авторского «импровизационного» рассказа завершится в творчестве первого профессионального рассказчика на концертной эстраде И.Ф. Горбунова (1831–1895). В его рассказах, монологах, «сценах из народного быта» типы и образы России XIX века достигнут высшей степени психологической глубины и конкретности.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. М.С. Щепкин и его записки//Библиотека для чтения. 1864. № 2. С. 8.
2. Галахов А.Д. Литературная кофейня в Москве//Русская старина. 1886. Том L. С. 697–698.
3. Гриц Т. С. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 269, С. 584.
4. Данилов С. Щепкин и Гоголь//Искусство и жизнь. 1938. № 8. С. 8.
5. Железнов Н. Рассказы Щепкина//Театр. 1938. № 8. С. 49.
6. Записки крепостного актера М.С. Щепкина. М., 1928. С. 131.
7. Из дневников М.П. Погодина. Печ. по: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 107.
8. Н. Н. (Некрасов Н. А.). Психологическая задача//Современник. 1849. Т. XVIII. № 11. Отд. V. С. 56–60.
9. Соколов Н.В. Заметки о М.С. Щепкине. Выдержки из дневника// Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 324.
10. Щепкин А.С. Краткий очерк жизни М. С. Щепкина и артистической его деятельности на сценическом поприще. Печ. по: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 265–266.

9 Записки крепостного актера М.С. Щепкина. М., 1928. С. 131.

10 Н. Н. (Некрасов Н. А.). Психологическая задача//Современник. 1849. Т. XVIII. № 11. Отд. V. С. 56–60.

11 Печ. по: Гриц Т. С. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 584.

ANECDOTES AND FABULOUS M. S. SCHEPKIN: THE FORMATION OF THE “IMPROVISIONAL” STORY GENRE ON THE CONCERT ESTRADA

Sarieva Elena Anatol'evna,

PhD (Art Science), St. researcher of State Institute of Art Science (SIAS), Russia, Moscow,
125009, Kozitsky lane 5, E-mail: institut@sias.ru,
associate professor of department of Russian University of Theatre Arts – GITIS, Russia,
Moscow, 125009, Maly Kislovsky lane 6,
e-mail: info@gitis.net

Abstract

The article discusses the oral work of the leading artist of the Maly Theater M. S. Shchepkin, his performance in friendly circles, as well as in intermissions and divertissements of the imperial theaters of anecdotes and stories. Traces of the stories and anecdotes of M. S. Shchepkin can be found in literature and dramaturgy of the XIX century. The article also traces the processes going from folklore forms of oral creativity to the formation and formation of an “improvisational” narrative on the concert estrada.

Keywords

Theater, estrada, “improvisational” story, M.S. Schepkin, fabulous, anecdote, literary readings, colloquial literature.

RAR

УДК 792.5

ББК 85.335.43

10.34685/НИ.2020.29.2.009

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ И ПЬЕСЫ В ОПЕРЕТТЕ И МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

Киселёв Герман Анатольевич,
старший преподаватель,
Московского государственного института музыки им. А.Г.Шнитке,
123060, г. Москва, ул. Маршала Соколовского, 10,
e-mail: germankiselev@gmail.com

Аннотация

Создание переводной пьесы* для отечественной сцены на основе зарубежных музыкальных произведений представляет собой необычную форму авторства в театре. Результат работы автора заключается не только в создании новой пьесы, но в её взаимодействии с оригинальным либретто и музыкой. История появления, практика исполнения переводных пьес зарубежных оперетт повлияла на формирование структуры жанра музыкальной комедии.

Ключевые слова

Музыкальная комедия, оперетта, музыкальный театр, переводная пьеса, либретто, клави́р, «Летучая мышь», «Цыганский барон», «Бал в Савойе», «Принцесса цирка».

При постановке зарубежных оперетт в музыкальных театрах творческая постановочная группа и администрация театров выбирают как саму пьесу, так и меру допустимых изменений, в числе которых:

- почти дословный перевод с незначительными изменениями имён и фамилий, места действия, более приемлемого для русскоязычной публики;
- пьеса, написанная в общей сюжетной канве оригинального либретто, но имеющая значительные расхождения, влекущие изменение в музыке;

• пьеса с переписанным сюжетом, отдалённо напоминающим оригинал и, как правило, со значительными изменениями в музыкальном материале;

- новая пьеса с независимым от оригинала сюжетом, в который будут встраиваться музыкальные номера, меняя своё первоначальное смысловое значение.

В некоторых случаях встаёт вопрос и об использовании разных вариантов клави́ра (оригинального или сделанного в соответствии с русской пьесой). Необходимый компромисс в каждом конкретном случае опреде-

---

* Либретто в оперетте и музыкальной комедии (в отличие от оперы) – текст музыкальных номеров и прозаических сцен, внешне имеет вид самостоятельной пьесы. Несмотря на это, такие пьесы в театрах ставятся с музыкой, написанной к этим спектаклям. Именно поэтому зачастую в афише автором спектакля указывается композитор. Но при постановке музыкальных комедий в драматическом театре значение музыки бывает применшено. Соответственно, количество музыкальных номеров, куплетов в них может быть резко сокращено и спектакль принимает вид не музыкального, а драматического. В сложившейся практике либретто в оперетте и музыкальной комедии называются пьесами, как в драматическом театре, а сборник музыкальных номеров – клавирами, как в опере. При этом авторов пьес в музыкальном театре чаще именуют либреттистами. Таким образом, в музыкальном театре либретто и пьеса оказываются синонимичными определениями.

ляется с учетом разных факторов: географического местоположения и традиций театра, менталитета, ожиданий и привычек зрителя, условий и длительности планируемого проката спектакля, бюджета постановки. Разобраться в вопросе целесообразности взаимных уступок может помочь выявление значения пьесы и музыки в зарубежных произведениях оперетты, а также их доля и вес в музыкальной комедии как особом жанре, популярном в российских театрах.

Анализ переводных пьес в оперетте раскрывает соотношение и взаимовлияние пьесы и музыки в спектакле музыкально-драматического театра. Первоначальный успех произведения зависит от удачного или неудачного сочетания либретто и музыкального материала. А признание переводной пьесы и её успех у отечественного зрителя связан с сочетанием уже трёх факторов: оригинального либретто, музыки, перевода и/или создания текста пьесы. Задача автора переводной пьесы – найти удачную пропорцию объединения в единую новую художественную форму трёх составляющих:

- исправить, дописать или переписать отдельные сцены, сюжетные повороты в пьесе, адаптировать её к восприятию зрителя в России;
- связать результат своей работы с музыкой, написанной без учёта вносимых изменений;
- пытаться сразу, ориентируясь на структуру музыки, лавировать между желаемым драматургическим результатом и музыкальными рамками, ограничивающими фантазию и волю либреттиста.

Практика показала, что качественно и без потерь какой-либо составляющей совместить эти устремления не удаётся. Самый простой выход из положения – это перевод оригинального либретто с внесением незначительных поправок. Сочинение вариантов сюжета для переводной пьесы влечёт за собой изменения в музыкальной структуре. А это, в свою очередь, порождает необходимость поиска компромиссов.

Две (из семнадцати) самых популярных в России оперетты Иогана Штрауса – «Летучая мышь» (1874) и «Цыганский барон» (1885) – заметно отличаются по сюжету от этих спектаклей, идущих в Европе. В пьесе Н. Эрдмана и М. Вольпина «Летучая мышь» (1947) сохранена основная сюжетная нить, но некоторые персонажи убраны или изменены (например, Фальк в оригинальном либретто не директор театра, а нотариус; князь Орловский – меццо-сопрано, а не баритон; отсутствует Ида – сестра Адели, горничной

Айзенштайнов). Некоторые действующие лица добавлены (Прокурор Амедей, жена прокурора – Амалия, их дочь – Лота, Лесничий, он же лакей на балу у Орловского, Помощник дежурного тюрьмы), также написаны сцены, не имеющие аналогов в оригинале. Кроме того, в русском варианте пьесы не очень понятно, почему спектакль называется «Летучая мышь». Выход либреттисты нашли в том, что одели главную героиню на балу в костюм летучей мыши. Оригинальная же история заключается в том, что Айзенштайн (в русской традиции Айзенштейн) очередной раз после бала вёл домой подвыпившего Фалька в костюме летучей мыши, но оставил его спать на лавочке в парке. Утром Фальку пришлось идти по всему городу в маскарадном костюме. За что он и получил прозвище «доктор Летучая мышь». Всю интригу с появлением на балу Адели, Айзенштайна, переодеваниями Розалинды, Фальк устраивает, как месть «Летучей мыши» за прошлый бал-маскарад. «Подтверждение» данного сюжета находится в увертюре, составленной только из тем Айзенштайна и Фалька.¹ С середины 1980-х годов на сценах отечественных театров совершались попытки приблизить сюжет к первоначальному или вообще поставить спектакль по оригинальному либретто.² Заметим, что это происходило только в крупных городах. В провинциальных театрах сложилась «традиция привычного успеха» «Летучей мыши», что стало возможным благодаря находкам русской пьесы. Этот успех пьесы приходится «оплачивать» музыке. В музыкальном ряде произошли изменения. Одни номера заменились другими, появились традиции вставных номеров и неисполнения оригинальных. В результате творческого вклада Н. Эрдмана и М. Вольпина, выразившегося в создании новой пьесы с сохранением общей фабулы оригинала, «Летучая мышь» И. Штрауса в российских музы-

1 Здесь и далее используется представление о музыкальной драматургии (драматургические взаимосвязи между музыкой и текстом пьесы) в значении, раскрытом в труде Акулова Е. А. Оперная музыка и сценическое действие // Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016.

2 Подробное описание опыта совмещения двух либретто «Летучей мыши» и получившихся сценических версий изложено в книге: Калиш В. Я. Нескучный сад. Преображения музыкального спектакля в России. XX век. // Екатеринбург : Уральский университет, 2006. С. 95-126.

кальных театрах превратилась в самый любимый зрителями и долгоживущий спектакль.

Если в русской версии «Летучей мыши» общая фабула соответствует оригиналу, то в сюжете пьесы В.Шкваркина «Цыганский барон» (1942) с оригинальной версией И.Шницера (1885) кроме имён, места и времени действия схожего очень мало. Это не удивительно. Первоначальный сюжет оперетты «Цыганский барон» трудно поддаётся пересказу, так как порою одна логическая нить повествования обрывается и начинается другая, не связанная с первой. Поэтому с новым витком развития оперетты в России в 1930-х годах встаёт вопрос об адаптации произведения для отечественной сцены. По заказу музыкального театра под руководством В.И. Немировича-Данченко в пьесе «Цыганский барон» (1942) В.Шкваркина с добротным текстом были структурированы линии ведущих персонажей и упорядочено общее сюжетное повествование, придуманы остроумные сцены. Сократились музыкальные номера³, особенно финалы – тенденция, характерная для музыкальной комедии, проявившаяся в сокращении роли музыкального финала. В таком варианте «Цыганский барон» известен в России. Киноверсия оперетты 1988 года сделана по версии пьесы В.Шкваркина. Также как и «Летучая мышь», «Цыганский барон» часто становится долгожителем театральных афиш.⁴

Единственная постановка после 1930-х годов оригинальной версии «Цыганского барона», осуществленная в Свердловском театре музыкальной комедии, ограничилась показом считанных премьерных спектаклей и была снята из репертуара. В Краснодарском музыкальном театре учли печальный современный опыт постановки первоисточника, и для спектакля 2003 года заказали новую пьесу опытному либреттисту Юрию Димитрину с таким учетом, чтобы сохранились музыкальные номера.⁵ Получившая

ся пьеса представляет собой компромисс между полюбившейся публикой атмосферой пьесы Е.Шкваркина, задачами по изменению оригинального сюжета и максимальному сохранению музыкального материала, включая местоположение номеров. Оставив общий настрой переводной пьесы В.Шкваркина, соединив некоторые сюжетные ходы пьес И.Шницера и В. Шкваркина и ужав текст, Ю. Димитрин создал наиболее приемлемый вариант либретто «Цыганского барона» с музыкой И.Штрауса в полном своём объёме. Однако за много лет этой версией воспользовался только один театр.⁶ В спектакле «Цыганский барон» (пьеса В. Стольников) 2018 года театра Московская оперетта также попытались совместить привычную весёлую атмосферу пьесы В.Шкваркина с оригинальным сюжетом, оживив действие выражениями и шутками-репризами нашего времени. Были отдельные попытки возвращения отсутствующей в общепринятом варианте «Цыганского барона» с пьесой В.Шкваркина музыки в виде мелодрам, проведения отдельных куплетов, возвращение музыки в финал первого действия. Но это можно воспринимать, скорее, как профессиональный «ре-

веранс» в сторону И.Штрауса. Сочинённый заново удачный сюжет в пьесе В.Шкваркина повлёк значительные изменения в музыкальном материале. Все остальные варианты пьес представляют собой компромисс, основанный на стремлении сохранить музыкальные номера, атмосферу пьесы В.Шкваркина и необходимости изменения сюжета оригинала.

Продолжая разговор о возможности трансформации сюжета и переписывания пьесы при переводе, необходимо вспомнить крайнее проявление этого явления. При адаптации новой оперетты И.Кальмана «Принцесса цирка» (1926), либреттисты В.Раппопорт и Е.Геркен перенесли действие в конец XVIII века, написали совершенно новый сюжет, что потребовало в конечном итоге создания новой музыки. «У одного из старых ленинградских артистов оперетты хранился любопытный документ — клави́р «Принцессы цирка», по которому шла работа. На титульном листе выписаны варианты названия новой пьесы: «Холопка», «Принцесса-холопка», «Сиятельная холопка»; поверх немецких текстов пения

3 Четыре номера были убраны полностью, местоположение иных, подчиняясь сюжету, изменено, вставлены три номера из других оперетт.

4 Например, спектакль 1982 года в театре музыки, драмы и комедии г. Новоуральска сохраняется в репертуаре до сих пор.

5 Подробнее об этом см. статью Юрия Димитрина об оперетте «Цыганский барон», опубликованную на собственном сайте либреттиста: http://ceo.spb.ru/libretto/reality/buff/tsyganskii_baron.shtml

6 Алтайский музыкальный театр, постановка 2017 года.

вписан русский стихотворный перевод и новый текст в стиле XVIII века. Пьеса и музыка не сошлись».⁷ В итоге, премьера оперетты «Холопка» с музыкой композитора Н.М.Стрельникова открыла Ленинградский театр музыкальной комедии в 1929 году.⁸ Параллели между этими двумя спектаклями гораздо ярче прослеживаются в музыке, нежели в пьесах. Так, соответствие музыкальных номеров «Холопки» и «Принцессы цирка» по ритму текста привело к неизбежному соответствию их музыкальной основы. Практически все «дубликаты» номеров «Холопки» имеют те же тональности, что в оригинале. И только ближе к финалу оперетты «Холопка» появляются музыкальные номера, не несущие на себе тень «Принцессы цирка». Сюжетные параллели в пьесах почти отсутствуют благодаря переносу места и времени действия «Холопки», и необходимости перекроить сюжет под характерные признаки эпохи. Пример истории создания оперетты «Холопка» выявляет имеющиеся многочисленные ограничения в работе либреттистов по изменению пьес.

Создание пяти различных вариантов русскоязычных пьес оперетты П. Абрахама «Бал в Савойе» (1932) заставляют задуматься о мотивах их появления⁹. В двух из трёх первых пьесах «Бал в Савойе» В.Масса и М.Червинского (премьера в Иркутском театре музыкальной комедии в 1943 году, в Ленинградском театре музыкальной комедии в 1947 и 1960 году), а также Е.Шатуновского (премьера в Московском театре оперетты в 1960 году) авторы старались сохранить все сюжетные нити первоисточника – пьесы

А.Грюнвальда и Ф.Ленер-Беда. Местами тяжёлый для восприятия сюжет и не доведённые до логического завершения интриги мешали успешному сценическому воплощению спектакля с яркой музыкой. В.Михайлов и Д.Толмачёв (премьера в Харьковском театре музыкальной комедии и Киевском театре оперетты в 1941 году) в своей пьесе попытались сделать сюжет более цельным, убрав несурзности в развитии линий некоторых персонажей, ввели элемент переодеваний и возникающую с этим путаницу, убрали тему измены богатого аристократа, которого сделали знаменитым писателем. Таким образом, из сюжета про «аристократическую неверность» получился спектакль-праздник про бурную жизнь творческой интеллигенции Европы. Роль бывшей любовницы главного героя Танголиты убрана, а атташе посольства Турции в Париже Мустафа Бей стал теперь издателем. Однако, не блещущая обилием острот и постоянным юмором в тексте, пьеса ставилась не часто.

Телеверсия 1978 года не пользовалась широкой популярностью, так как в ней был убран важный составляющий для кинофильма и театрального спектакля любого жанра – сюжет. Авторы киносценария концерта из музыкальных номеров оперетты «Бал в Савойе» (1978) в ходе импровизированной репетиции артистов познакомили зрителей с содержанием предстоящей постановки.

В 1990 году появляется пьеса Б. Рацера и В. Константинова на музыку оперетты П. Абрахама «Бал в Савойе» под названием «Только любовь!». Сюжет о перипетиях актрис, кинорежиссёров и антрепренёров схож с первоисточником только местом действия – г. Ницца. Во всём остальном (и во времени действия) это полностью самостоятельная новая пьеса. С великолепной музыкой П. Абрахама эта пьеса шла в ряде театров страны. Некоторый диссонанс между волшебной атмосферой музыки оперетты и характером пьесы, более подходящим для драматического театра или для спектакля в жанре музыкальной комедии, ощущали как артисты, так и постановщики. Пьеса предполагала главенство текста и действия, музыкальная же партитура сосредотачивала зрителя на развитии психологического действия, заложенного в музыке и часто диссонирующего с действительными задачами пьесы. Музыкальные традиции оперетты и характер игры и исполнения вокальных номеров,

7 Владимирская А.Р. Оперетта. Звездные часы. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство «Лань»; «Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2009. С. 173.

8 Подробнее об открытиях театров музыкальной комедии и развитии неовенской оперетты в России в статье Колесникова А.Г. Оперетты Ф. Легара в контексте отечественного музыкально-театрального искусства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С.277-283

9 В статье Юрия Димитрина об оперетте «Бал в Савойе», опубликованной на собственном сайте либреттиста и в личных выступлениях было высказано утверждение, позже растиражированное деятелями музыкального театра, о том, что «Бал в Савойе» – последняя классическая оперетта (см.: Димитрин Ю.Г. Бал в Савойе <http://ceo.spb.ru/libretto/reality/buff/ball.shtml>.)

применимые при постановке музыкальной комедии, которые диктовала в этом случае пьеса, ставили постановщиков и исполнителей перед противоречивым выбором. Имея свои достоинства, пьеса и музыка плохо уживались на сцене, и по второму разу театры к данной версии спектакля никогда не возвращались.

Несколько запутанная интрига и повисающие ответвления сюжета первоисточника с лихвой были компенсированы в пьесе Ю. Димитрина (1996).¹⁰ Первые почти дословные переводы пьесы «Бал в Савойе» не требовали изменений в музыке, однако нуждались в литературно-драматической редакции.

10 Фактически, эта пьеса повторяет сюжет фильма-оперетты «Бал в Савойе» 1985 года производства Таллинфильм, режиссёром и сценаристом которого выступил актёр, режиссёр, драматург и балетмейстер Аго-Эндрик Керге. Участие в телеверсии спектакля эстонских драматических артистов, не знакомых с исполнительскими традициями оперетты, а также отсутствие ярких актёрских работ не прибавили фильму популярность, и не поставили в один ряд с известными советскими экранизациями оперетт. С уходом лишних сюжетных поворотов и подчинением действенных задач ролей четко выстроенной сюжетной линии, пьеса Ю. Димитрина стала напоминать сюжет «Летучей мыши» в варианте пьесы Н. Эрдмана и М. Вольпина. Даже введённая в первый акт либреттистами «Летучей мыши» сцена вранья про собачку Эмму имеет точное повторение в такой же дописанной сцене, с теми же смыслами, в первом акте пьесы «Бал в Савойе». В «Летучей мыши» одному главному герою (по амплуа – простаку) надо увести другого главного героя (героя) на бал сегодня вечером из-под настороженного взора жены (героини) – и в ход идёт сочинение про собачку. Точно также, чтобы усыпить бдительность и рассеять подозрения главной героини (героини) в «Бале в Савойе» главным героем (простаком), также пытающимся вытащить другого главного героя (героя) сегодня на бал, сочиняется сцена о бое быков (вместо собачки), состоявшемся когда-то. А при встрече на балу главный герой начинает флиртовать со своей, не узнанной им женой. Цитатные повторы сюжетных поворотов не мешают пьесе Ю. Димитрина оставаться одной из наиболее цельных и структурированных пьес оперетты «Бал в Савойе». Несмотря на попытки драматурга максимально сохранить структуру и последовательность музыкальных номеров, всё же развёрнутые финалы, компенсирующие расплывчатость драматургического первоисточника, оказались слишком затянуты для чёткого варианта пьесы Ю. Димитрина. Постановку этой пьесы «Бала в Савойе» стоит рассматривать, как «филиал» «Летучей мыши», когда публика «Летучей мышью» уже насытилась, а снимать спектакль или обновлять постановку ещё рано.

Последующие версии пьес выявили закономерность: чем большие изменения привнесены авторами в создаваемые ими русскоязычные пьесы, тем большие были необходимы изменения музыкального материала.

На примере переводов и переделок сюжетов пьес оперетт мы можем выявить несколько характерных тенденций. Главная причина появления новых пьес – понимание всеми создателями спектакля необходимости качественной пьесы в оперетте. На примере создания русскоязычных версий «Летучей мыши», «Цыганского барона» и «Бала в Савойе» прослеживается подчинение музыкального материала логике новой пьесы. С другой стороны, именно превосходство выдающейся музыки является тем двигателем, который заставляет авторов продолжать создавать либретто для одного и того же спектакля. Для раскрытия возможностей музыкального языка произведения авторы применяют различные подходы: дословный перевод, редакция в русле сюжетной канвы оригинального либретто, создание своей версии либретто на основе оригинальной, создание нового либретто, не связанного с оригиналом.

Идеальной для оперетты, а в последствии и для музыкальной комедии можно назвать пьесу, сочетающую в себе различные качества, и на первом месте – интересный сюжет, комические ситуации на уровне разыгранных анекдотов. Героями пьесы становятся яркие характерные персонажи, а текст должен быть обильно сдобрен остротами, каламбурами и шутками. Большой плюс пьесе придадут прозаические сцены, подводящие в своём финале к эмоциональному пику, являющемуся органичным выходом на музыкальный номер. Можно отметить, что когда в оперетте возникает выбор приоритета музыки и хорошего текста пьесы, то, после некоторых колебаний, вынужденно жертвуют музыкой. Учитывая исторически сложившиеся в оперетте соотношения музыки и текста, в музыкальных комедиях музыкальный материал изначально имеет строгое подчинение тексту и сюжету.

Развитие жанра музыкальной комедии шло параллельно с адаптацией классических и неовенских оперетт в стенах одних и тех же музыкальных театров. Как в создании переводных пьес от 1920-х к 1940-м годам обнаруживались устойчивые тенденции проявления мастерства либреттистов, так и в музыкальной комедии к 1950-м годам стали появляться произведения с крепкой драматургической основой. В годы расцвета этого

жанра (1960-1990-е) сформировалась устойчивая форма, при которой музыкальная основа, являясь неотъемлемой частью произведения, подчинялась главенству литературного материала. (Рассмотренный вариант пьесы «Только любовь!» на материале оперетты «Бал в Савойе» – типичный пример работы либреттистов музыкальной комедии). Некогда повсеместное и широчайшее распространение музыкальной комедии заставляет обратить внимание на этот жанр, редко освещаемый в научной литературе.

Список литературы

1. Акулов Е. А. Оперная музыка и сценическое действие / Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 388.
2. Владимирская А.Р. Оперетта. Звездные часы. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань; Планета музыки, 2009. С. 312.
3. Димитрин Ю.Г. Цыганский барон [электронный ресурс]. Режим доступа: http://ceo.spb.ru/libretto/reality/buff/tsyganskii_baron.shtml Дата обращения: 15.03.2020.
4. Он же. Бал в Савойе [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ceo.spb.ru/libretto/reality/buff/ball.shtml>. Дата обращения: 15.03.2020.
5. Калиш В. Я. Нескучный сад. Превращения музыкального спектакля в России. XX век. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. С. 95-126.
6. Колесников А.Г. Оперетты Ф. Легара в контексте отечественного музыкально-театрального искусства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 304

INTERACTION OF MUSIC AND PLAY IN OPERETTA AND MUSIC COMEDY

Kiselev German Anatolyevich,

Senior Lecturer of Moscow State Institute of Music named after A.G. Schnittke, Marshala Sokolovskogo street, 10, 123060, Moscow, Russia,
e-mail: germankiselev@gmail.com

Abstract

Despite the presence of a number of common features in the genres of operetta and musical comedy, in almost all their characteristics they have differences. Creating a play for foreign musical works is an unusual form of authorship in the theater. The result of the author's work is not only the creation of a new play, but its interaction with the original libretto and music. The history of the appearance, the practice of performing translated plays of foreign operettas influenced the formation of the structure of the genre of music comedy.

Keywords

Music comedy, operetta, musical theater, transferable piece, libretto, clavier, «Die Fledermaus», «Der Zigeunerbaron», «Ball im Savoy», «Die Zirkusprinzessin».

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

RAR

УДК 745.522-051(571.54)

ББК 85.12

10.34685/НИ.2020.29.2.010

САМОБЫТНОСТЬ БУРЯТСКОГО ГОБЕЛЕНА В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ДАШИЕВОЙ

Жамбаева Туяна Иннокентьевна,

кандидат искусствоведения,

доцент кафедры культурологии и искусствоведения,

Восточно-Сибирский государственный институт, Бурятское отделение,

e-mail: tuyana75@mail.ru

Ли Софья Валерьевна,

преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства,

Восточно-Сибирский государственный институт, Бурятское отделение,

член Союза художников России,

e-mail: LexxLi@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена творчеству заслуженного художника Республики Бурятия – Т.Ц. Дашиевой, чьи работы тесно связаны с становлением и развитием бурятского гобелена. Рассматриваются региональные особенности данного вида декоративного искусства, дана характеристика художественной манеры исполнения авторских работ.

Ключевые слова

Бурятское искусство, гобелен, декоративность, мотив, ткачество, традиция, эскиз.

Творческий путь художницы Татьяны Дашиевой (1953 г.р.), окончившей в 1975 г. художественное отделение Педагогического училища в г. Улан-Удэ, начинался в конце 1970-х гг. Татьяна Цыреновна считает, что ей очень повезло с преподавателями, посчастливилось учиться рисунку и живописи у Н.И. Рымшина, И.И. Старикова, Г.Н. Москалева, Ц.Д. Надагуровой.

Так сложилось, что Татьяна Цыреновна начала работать в области ткачества, создания гобеленов из конского волоса, посвятив этому виду искусства более 40 лет. В 70-х годах XX в. во многих республиках Советского Союза развивается национальное художественное ткачество, в том числе искусство гобелена. Наблюдалась возрастающая практическая востребованность гобеленов

в интерьерах общественных зданий; создаются серии, триптихи для театров, библиотек, санаториев, гостиниц и т. д. В тоже время развивается формат мини-гобеленов размерами 15×15, 40×30, 40×40 см. «Если гобелен монументально-декоративного назначения обладал такими качествами как значительные размеры, связь колорита тканного полотна с предметной средой, функциональная связь гобелена с пространством. То тенденция к станковости отмечается в таких чертах как: небольшой размер работ, лаконичность композиции, а иногда наличие рамы»¹.

Среди знакомых Татьяны Дашиевой, из круга творческой молодежи, была Валентина Бадмаева-Дашицыренова, в будущем известный ювелир, которая познакомила ее с Д.Н.Д. Дугаровым – председателем Союза художников Бурятии. Даши-Нима Дугаров вместе с единомышленником Максимом Эрдынеевым в 1970-е гг. развернул деятельность, направленную на укрепление бурятского традиционного искусства, таких видов как чеканка, резьба по дереву, обработка войлока. Эта встреча повлияла на творческую судьбу Татьяны Дашиевой, которая вскоре стала изучать технику ткачества из конского волоса у народного мастера Н.И. Дульбиновой, в мастерской Союза художников с 1978 по 1979 гг. После освоения технологии ткачества таар (бурят. безворсовые ковры), наступил период самостоятельного поиска в решении такой задачи как переход от бытового утилитарного предмета таары к гобелену – художественному произведению. При этом возникало множество вопросов: как подготовить подрамник, какие нити подходят для натяжной основы под конский волос или в каких пропорциях и какие цвета конского волоса нужно соединять, чтобы получить оттенки, создание эскиза, который раскрывает возможности гобелена из конского волоса.

Так Татьяна Цыреновна вошла в круг мастеров прикладного искусства. В 1978 г. в составе Союза художников Бурятии числилось около 40 мастеров народного искусства, в том числе два мастера по гобелену – Н.И. Дульбинова и Т.Ц. Дашиева. Среди них многие стали заслуженными мастерами: Максим Эрдынеев, Налханов Геннадий, Булат Жамбалов, Жамсаран Эрдынеев, Ва-

лентина Бадмаева-Дашицыренова, Татьяна Дашиева и др. С этими именами связано целое поколение талантливой молодежи, с сильными народными корнями, пониманием красоты традиционного бурятского искусства, чувством природы материала, которое идет из деревни, из быта, бурятского языка, окружающей природы. Недаром за знаниями, опытом и секретами мастерства отправляли в районы, где жили мастера. В среде народных мастеров знания всегда передавались от отца к сыну, от учителя к ученику, так сохранялась традиция передачи знаний. В одной статье с красноречивым названием «Наследники бурятских дарханов» приводится мнение Д.Н. Дугарова: «... если в семье твоей были умельцы, если ты с детства привык видеть, как они работают, если ты рос в атмосфере народного творчества, то и из тебя может получиться настоящий художник»².

Так в 1975 г. Н.И. Дульбинову (1934 г.р.) от Союза художников отправили в Тункинский район в с. Кырен, где она училась ткать таары – бурятские безворсовые ковры-дорожки. Надо отметить, что использование конского волоса у бурят началось с плетения упряжи, сетей для ловли рыбы, арканов и других хозяйственных предметов, тогда проявились прекрасные качества этого материала: прочность, он не боится воды, солнца, не выцветает, сохраняет тепло. Таары состояли из полос шириной 12-20 см, которые сшивались с друг другом нитками из козьего пуха и овечьей шерсти. Таким образом, выбор материала для ткачества бурятского гобелена связан с историческим опытом народа в использовании конского волоса и проверкой его уникальных качеств.

Большой школой практики для молодой гобеленщицы Татьяны Дашиевой, как и для других мастериц, стало участие в создании сценического занавеса для Бурятского академического театра драмы им. Х. Намсараева. С 1977-1979 гг. шли подготовительные работы; нелегким был процесс сбора и обработки конского волоса, ведь предстояло соткать занавес размером 12×8,40 метра, весом около тонны. Эскиз занавеса-гобелена в исполнении художника Эрдэма Доржиева утверждался в многочисленных организациях, в том числе в Министерстве культуры, Обкоме КПСС БАССР. Собрали группу мастериц; четверо долж-

1 Гобелен : учеб. пособие / сост. Э. И. Солдатова. Улан-Удэ: Изд. полиг. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2011. С.11.

2 Гаршин Н. Наследники бурятских дарханов // Советская женщина. 1983. №9. С.29.

ны были делать пряжу, шестеро – ткать. Эта кропотливая и трудоемкая работа стала проверкой на усердие и целеустремленность в такой области как ткачество гобелена из конского волоса. Завершали работу над занавесом: С.П. Ринчинова, Т.Ц. Дашиева, Р.С. Доржиева, Б.Д. Дамбиева, Л. Орлова, З. Янданова. В ноябре 1982 г. Т.Ц. Дашиева была награждена грамотой Совета Министров БАССР за успехи в монументально-декоративном оформлении БАТД им. Х. Намсараева.

Продолжением совместного опыта в создании монументально-декоративного искусства стала работа Татьяны Дашиевой и Баярмы Дамбиевой над гобеленом «Водопад» (1983 г.) по эскизу Аллы Цыбиковой.

В 1979 г. Татьяна Дашиева впервые участвовала в художественной выставке «Мы строим БАМ» (г. Улан-Удэ); ею были подготовлены два гобелена, по характеру композиции близкие таарам. С этого времени Татьяна Дашиева начала осваивать особенности создания эскиза декоративной композиции, учитывая специфику ткачества. Конский волос довольно жесткий материал, при натягивании через нити основы пряжа словно пружинит, также, цветовая палитра определена кругом натурального волоса – черный, белый, коричневый, серый. Общее направление в выборе тем и сюжетов, по согласованию с председателем Союза художников Д.Н. Дугаровым, было связано с национальными бурятскими традициями. Начиная работу над эскизом, Татьяна советовалась с другими художниками, с Солбоном Ринчиновым, Геннадием Васильевым, Владимиром Уризченко, Иннокентием Стариковым. Для создания гобелена необходимо найти удачный эскиз, который бы наиболее ярко и полно передавал самобытность материала, учитывая жесткость конского волоса, небольшую цветовую палитру, сюжет, связанный с традиционной бурятской культурой. Произведения декоративно-прикладного искусства всегда отличались решением первостепенной задачи – выявлением фактуры и выразительных средств материала. Несмотря на двухмерную плоскость гобеленного полотна здесь в полной мере выделяются декоративные приемы: стилизация, лаконичность силуэта, условность отдельных деталей, локальность и контрастность в сочетании цветов.

В 1980 г. проходила зональная выставка Советский Дальний Восток в г. Чита, в которой от БАССР участвовали две гобеленщицы Т.Ц. Да-

Фото 1. «Таара» (150x40), 1979 г. Гобелен, ручное ткачество, конский волос. Источник: личный архив Т.Ц. Дашиевой.

шиева и Н.И. Дульбинова, они представили работы «Таара» 150x40 см и «Коврик» 100x50 см. Свою работу «Таара» Татьяна Цыреновна сделала в декабре 1979 г. и подписала на фото как «Дорожка Дэлхэн» (бурят. грива), так как она соткана из гривы лошадиных волос. (Фото 1).

Далее, работы Т.Ц. Дашиевой участвуют во всесоюзных, российских, международных выставках. Сегодня ее гобелены находятся в музейных коллекциях: Улан-Удэ, Читы, Иркутска, Кемерово, Новосибирска, Ялты, Москвы, в частных и музейных коллекциях США, Японии, Франции³.

Надо отметить, что Татьяна Цыреновна прекрасно владеет техникой рисунка, пишет живописные работы. Так, например, в 2014 г. в Томский областной музей поступила ее графическая работа «Порт. Байкал» (2012 г.). Интересным фактом творческой биографии является внесение имени и авторских произведений во «Всемирный лексикон художников» в 1998 г. В эту многотомную энциклопедию, издающуюся в г. Лейпциг и г. Мюнхен с 1969 г. из Бурятии также вошли: художник Ю.А. Чирков и керамист А.П. Хомяков. В 1991 г. Татьяна Цыреновна получила звание – Заслуженный художник Республики Бурятия. В 2015 г. была награждена золотой медалью Союза художников России.

3 Художники Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во Принтлето, 2018. С. 50.

Татьяна Цыреновна тесно сотрудничает с образовательными учреждениями г. Улан-Удэ и районов Бурятии. Проводит мастер-классы по технике ткачества гобелена из конского волоса. С колледжем Традиционных искусств народов Забайкалья в с. Иволгинское ее связывают давние отношения. У истоков основания колледжа лежала идея председателя Союза художников Д.-Н.Д. Дугарова об основании образовательного центра, где могли бы возрождаться и развиваться традиционные бурятские ремесла. Многие художники, в том числе Татьяна Цыреновна участвовали в работе комиссии выпускных экзаменов. С 1993 г. класс гобелена ведет ее ученица, Т.А. Бадужева. Как преподаватель и практик Т.А. Бадужева со своими учениками принимает участие в выставках, фестивалях регионального и всероссийского уровня. Также, среди учениц Татьяны Цыреновны: Ирина Мархаева, Сэрэгма Цыбикова, Софья Ли. В 2015 г. Софья Валерьевна Ли увидела в выставочном зале гобелены Т.Ц. Дашиевой и заинтересовалась. «Они мне показались необычными. В простоте эскиза было что-то родное, доброе, уютное. Приятная фактура, дающая ощущение тепла» (Примечание 1). На одной из выставок в 2016 г. она лично познакомилась с Татьяной Цыреновной и попросилась к ней в ученицы. Сегодня гобелены С.В. Ли находятся в государственных и частных коллекциях в России и за рубежом⁴.

Татьяна Цыреновна использует технику репсового (полотняного) ткачества, когда нити основы и пряжи напоминают шахматный рисунок. Это самый древний и распространённый вид ткачества, в виду своей простоты переплетения нитей. Именно техника репсового ткачества наиболее подходит для работы с конским, сарлычым, коровьим волосом. Для насыщенности линии рисунка важно сбивать готовые ряды, создавая плотность нитей и формировать изображение.

Гобелен «Семья» (220×250 см) создавался для зональной выставки, которая проходила в 1985 г. в г. Владивосток. (Фото 2).

Композиция построена так, что зритель ощущает бесконечность горизонтальных плавных линий очертаний холмов, движение облаков. На переднем плане линейную композицию образуют главные фигуры: мальчик на лошади, отец, мать.

Фото 2. «Семья» (220×250 см), 1985 г. Гобелен, ручное ткачество, конский волос. Источник: личный архив Т.Ц. Дашиевой.

Окружающий природный фон и семья сотканы в одной цветовой тональности натуральных оттенков, поэтому люди и природа представляют гармоничное единое целое. В колорите преобладают коричневые тона, с черными контурными линиями, при этом белоснежными пятнами выделяются родители в белых дыгэлах и лошадь. Интересно, что фигуры взрослых статичны, а фигура мальчика верхом на лошади с поджатыми коленями устремлена вперед, полна движения. Определенно, что здесь белый цвет несет символику, так как в традиционной бурятской культуре он был связан с такими понятиями как чистота души, материнское молоко, доброта, благополучие. Этим же цветом наделена лошадь – верный спутник кочевых народов. Буряты особенно почитали беломастных лошадей, что связано с сложением солярного культа коня.

Гобелен «Весна в Санаге» 105×75 создан в 2002 г. Характерное для автора изображение гор в виде граненных треугольников, с высветленной ярким весенним солнцем стороной. Потемневшая от снега земля прорезана стремительной линией воды – реки, освободившейся от льда. (Фото 3).

Напоминая белоснежный орнаментальный бурятский узор, вода предстает живительной стихией, несущей пробуждение после долгой зимы. На переднем плане размещены фигуры двух лошадей, почувствовавших изменения в природе. В целом, в гобелене практически нет черного

4 Художники Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Принтлето, 2018. С. 86.

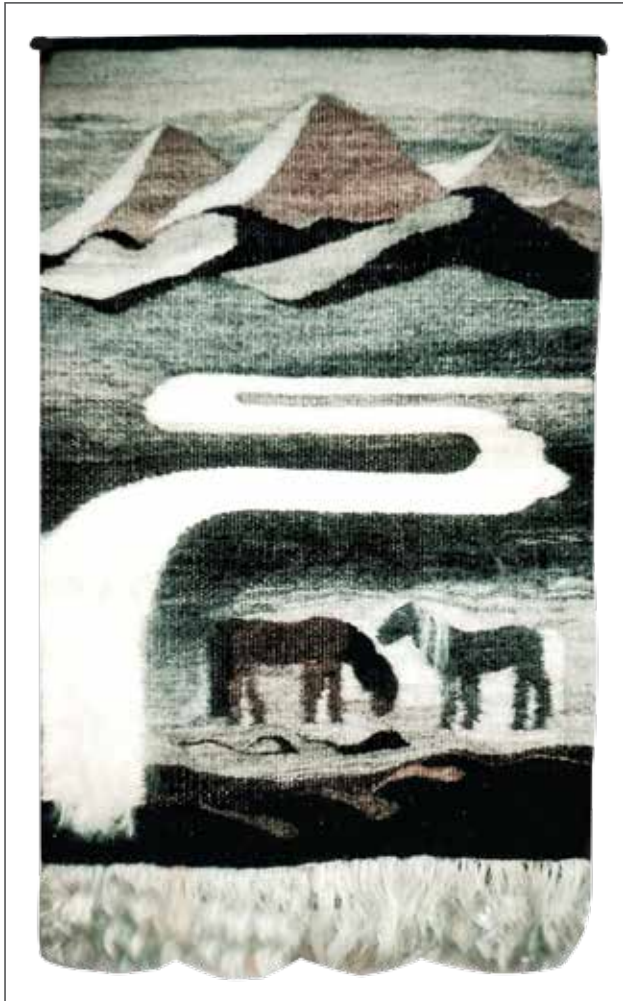

Фото 3. «Весна в Санаге» (105×75), 2002 г. Гобелен, ручное ткачество, сарлычий волос. Источник: личный архив Т.Ц. Дашиевой.

цвета, земля, горы, оттенки лошадей, все тяготеет к мягкому светлому колориту.

В гобеленах Татьяны Дашиевой звучат лейтмотивами: граненные горы, река, лентой спускающаяся с холмов, бескрайняя степь, робкие подснежники, лошади, сарлыки. Композиционные вариации этих мотивов словно звучат в одной тональности, передают просторы родного края – Закамны.

Татьяна Дашиева родилась в 1953 г. в с. Холтосон Закаменского района Бурятии. Она вспоминает, что еще с детства рисовала везде, где удавалось: на стене, парте, заборе, и дома, и в школе. Ее родина является неиссякаемым источником вдохновения, природа и люди горного края – это главные образы гобеленов, с такими простыми и душевными названиями: «Бурятия» (1983), «Край мой – Закамна» (1987), «Бабушка с внуком» (1987), «Хатар» (1989),

«Друзья» (1990), «Семья» (2003), «Предки» (2008), «Поколение» (2011), «Коновязь» (2013), «Бабушка с внуком» (1991) (Фото 4).

Гобелены Т.Ц. Дашиевой словно отражают народный быт, простоту и некую суровость быта. Они притягательны некоей грубоватой силой, но при этом, ее мотивы изображены с искренностью и неподкупностью, близкой народному творчеству. Татьяна Дашиева остается верна своим образам, которые неустанно воспевают в своих гобеленах, каждый зритель может найти в них что-то свое, родное. Приглядевшись к очертаниям гор и холмов, протяженных линий степей, уходящих вдаль или силуэт женщины с платком, завязанном на затылке, выполняющей повседневную домашнюю работу. Как-то ловко и характерно у нее получаются образы животных: коней, жеребят, сарлыков. Незамысловатость некоторых компо-

Фото 4. «Бабушка с внуком» (180×110), 1991 г. Гобелен, ручное ткачество, сарлычий волос. Источник: Художники Бурятии. Улан-Удэ: Принтлето, 2018. 168 с.

зиций возмещается ощущением правдивости, простоты без излишеств. Возникает вопрос, как удалось сохранить Татьяне Цыреновне эту чистоту, некую первозданность образов традиционной бурятской культуры; как удается ей оставаться неизменно верной своим родным понятиям в современном меняющемся мире. Вызывает огромное уважение и восхищение ее преданность своему делу, созданному кругу сюжетов, создав своего рода классическое направление в бурятском гобеленном искусстве.

Традиционный быт бурятской семьи, связанный с ведением хозяйства, заботами в чередке календарных событий, для Татьяны Дашиевой не просто понятие, а родное, впитанное с детства: катание войлока, сушка прямоугольных прессованных войлоков, стрижка шерсти, кропотливое распушивание прядей, приготовление замбы (бурят.), шитьем шэрдэгов (бурят.). Поэтому образы ее гобеленов наполнены правдивой силой, глядя на них, безоговорочно верится в прочную связь автора с названиями: «Хатар», «Жаргалма», «Моя семья» и др., мы безоговорочно верим Татьяне, ее работы наполнены жизненной силой, через них

виден автор, его внутренний мир, наполненный духом родного края.

Сегодня, Татьяна Цыреновна Дашиева является уникальным мастером гобелена, работающая в технике ручного ткачества из натурального конского, коровьего, сарлычьего волоса. Ее работы легко узнаваемы, так как отличаются авторской манерой, самобытностью образов и сюжетов. Весь свой опыт и умение она стремится передать ученикам, содействуя развитию искусства гобелена в Бурятии.

Примечания.

1. Интервью с С.В. Ли / беседовала Т.И. Жамбаева. 2012.2019.
2. Интервью с Т.Ц. Дашиевой / беседовала Т.И. Жамбаева. 10.11.2019 – 21.02.2020.

Список литературы

1. Гаршин Н. Наследники бурятских дарханов // Советская женщина. 1983. № 9. С. 28–29.
2. Гобелен : учеб. пособие / сост. Э. И. Солдатова. Улан-Удэ : Изд. полиг. комплекс ВСГАКИ, 2011. 77 с.
3. Художники Бурятии. Улан-Удэ : Принтлето, 2018. 168 с.

THE ORIGINALITY OF THE BURYAT TAPESTRY IN THE WORK OF TATIANA DASHIEVA

Zhambaeva Tuyana Innokentyevna,

PhD, Associate Professor at the Department of Cultural Studies
and Art History,
East Siberian State Institute of Culture,
e-mail: tuyana75@mail.ru

Lee Sophia Valeryevna,

Teacher at the Department of Decorative and applied arts
East Siberian State Institute of Culture;
member of the Union of Artists of Russia,
e-mail: LexxLi@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the work of the honored artist of the Republic of Buryatia – T. Dashieva, whose works are closely connected with the formation and development of the Buryat tapestry. Regional features of this type of decorative art are considered, and the characteristic of the artistic manner of execution of author's works is given.

Keywords

Buryat art, tapestry, decoration, motif, weaving, tradition, sketch.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

RAR

УДК: 239, 821.16

ББК: 70, 86.372, 86.375

10.34685/НН.2020.29.2.011

КУЛЬТУРНОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ОКРУЖАЮЩИЕ НАРОДЫ В IX–X ВЕКАХ

Абрамов Дмитрий Михайлович

кандидат культурологии. Член Союза писателей России, доцент,
Учебный научный центр Региональной истории, краеведения и москвоведения,
Историко-архивный институту Российского государственного гуманитарного
Университета.

Москва, улица Никольская, дом № 15/1, 109012.

e-mail: abramov_dmitriy@mail.ru

Аннотация

Культурное и конфессиональное влияние Ромейской империи с одной стороны обогатило традиции и жизнь многих окрестных народов. Огромную роль в этом деле сыграло подвижничество славянских просветителей святых Кирилла и Мефодия. С другой стороны, распространение ортодоксального христианского учения вызвало политическое и военное противостояние между западными и восточными иерархами Вселенской Церкви.

Ключевые слова

Кирилл и Мефодий, Ромейская империя, Константинополь, Крещение славян, Римский Папа, славяне-россы, этнокультурное общение.

Завоевательный потенциал арабо-исламского мира в IX – X вв. был далеко ещё не исчерпан. Главным противником арабских завоевателей оставались восточнохристианские государства и народы Кавказа, Малой Азии и Сирии, Юго-Восточной и Южной Европы. Для осуществления своих завоевательных устремлений арабы построили подвижный и быстрый парусно-гребной флот. Главной целью арабов был захват островов и

прибрежных городов Средиземного моря, а также морской разбой – пиратство¹. Арабская опасность заставила сблизиться с империей славянские города на Адриатическом побережье. В 866 году Дубровник был осажден арабской эскадрой. Го-

1 Грюненбаум Г. Э. Классический ислам. Очерк истории (600 – 1258). М., 1988.

род упорно сопротивлялся, но стало ясно, что дубровчанам своими силами не отразить врага. Тогда в Константинополь было послано посольство ко двору Василия I. Император немедленно откликнулся на просьбу дубровчан. Большая ромейская эскадра была послана в Адриатическое море. Арабы не приняли боя и, сняв длительную осаду Дубровника, отошли в свои воды. В дальнейшем дубровчане, а также хорваты и сербы принимали участие в военных действиях против арабов на территории Италии. Некоторое время спустя Дубровник и другие славянские города Адриатики (Котор, Задар, Сплит) признали суверенитет империи. В 70-х гг. IX века была образована фема Далмация. Правительство Василия I поддерживало связи и с независимыми сербскими князьями-жупанами, стоявшими во главе своих племен. Велись переговоры об отправке в Сербию православной миссии, чтобы завершить крещение сербов, начатое ранее². Сочинения ромейского императора Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» в разделе «О Далматии и соседних с нею народах» довольно ярко свидетельствуют об этом: «Со временем царствования императора Ромеев Ираклия, ... вся Далматия и окружающие её племена, а именно: Хорваты, Сербы, Захлумцы, Тервуняне, Капалиты (копавляне), Дукляне, Арентане (неречане) и Паганы (некрещенные) были подвластны императору Ромеев. Князей, как говорят, эти племена не имеют, кроме жупанов – старшин на подобие того, как этот обычай имеют и остальные славяне. Но большая часть этих славян не была крещена, а долгое время оставалась некрещеной. В царствование же христоролюбивого императора Василия они послали послов, прося и взывая, чтобы он крестил некрещеных между ними, и чтобы быть им, как с самого начала под властью Империи Ромеев. Послушав их, тот блаженной памяти славный император отправил царского человека с духовенством и крестил у названных народов всех некрещеных, а когда они были крещены, поставил им князей, которых они хотели и сами выбирали из наиболее чтимого и любимого ими рода»³.

Отметим, что византийские власти и дипломаты проводили довольно гибкую и тонкую политику в отношениях с обращаемыми в христианство славянскими народами. Важным вектором этой политики был социальный аспект. Стержневым мотивом здесь становилась опора на военно-дружественную славянскую элиту, возглавляемую князьями. В приведенном историческом источнике нет сведений о том, на каком языке греческие миссионеры проповедовали и вели богослужение. Однако, можно с большой долей уверенности утверждать, что «христоролюбивый император Василий» использовал опыт миссионерской деятельности святых Кирилла и Мефодия.

Еще одним очень ярким и живым примером миссионерской, культурно-просветительской а равно и военно-политической активности ромеев в землях, заселенных славянами, являются свидетельства Моневасийской хроники (начала IX века), касающиеся истории балканских владений империи в конце VI– начале IX века. В хронике описаны события, связанные с заселением славянами Северной, Средней и Южной Греции и островов Эгейского моря. С данными Моневасийской хроники совпадают и свидетельства автора «Чудес св. Димитрия Солунского» архиепископа Иоанна» начала VII века. Последний писал, что славяне «решили опустошить всю Фессалию и острова вокруг нее и Эллады, ещё Кикладские острова, и всю Ахайю, Эпир, и большую [часть] Иллирика и часть Асии». Он перечислил и ряд славянских племен: «друговитов», «сагудатов», «велегезитов», «ваюнитов», «верзитов» («берзитов») и др., которые, осадив Фессалоники, отстроили большую флотилию судов-«моноксиллов», для завоевания островов⁴. Но еще более интересны в этом аспекте данные анонимного автора Моневасийской хроники. Он также свидетельствовал, что «во время второго вторжения он (враг – Д. А.) захватил всю Фессалию и всю Элладу, как Старый Эпир и Аттику и Евбею. Наконец, напав на Пелопоннес, они (славяне во главе с аварами – Д. А.) овладели имсилой и, отбросив и унизив благородные эллинские народы, поселились на нем сами...

2 Каждан А. П. Внешнеполитическое положение империи в середине IX – середине X в. // История Византии. В 3-х тт. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 197 – 198.

3 Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». М., 1899. С. 106 – 107; см. также: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Известия Констан-

тина Багрянородного о сербах и хорватах. Под ред. Грота. СПб., 1880.

4 Чудеса св. Димитрия Солунского. Вступ. статья, пер. и коммент. Ивановой О. В. // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII - IX вв.). М., 1995. С. 125.

Итак, авары (во главе славян – Д. А.), завладевшие Пелопоннесом и поселившиеся на нем, удержались [здесь] в течение двухсот восемнадцати лет, не подвластные ни василевсу Ромеев, ни кому-либо другому, а именно с 6069 года от сотворения мира (ок. 588 г. н. э. – Д. А.), который был шестым годом царствования Маврикия, вплоть до 6313 года (ок. 805 г. н. э. – Д. А.), который был четвертым годом царствования Никифора Старшего...

Но так как восточная часть Пелопоннеса, от Коринфа до Малей, была – из-за скалистости и труднодоступности свободной от славян, в эту часть и был послан василевсом Ромеев стратег Пелопоннеса... совершив военное нападение на славянский народ, захватил [их] ... окончательно и позволил [тем самым] прежним обитателям (грекам – Д. А.) снова обосноваться в родных местах. Узнав об этом, вышеназванный василевс Никифор, исполненный радости, позаботился также о том, чтобы обновить тамошние города и отстроить церкви, которые варвары сровняли с землей, а самих варваров превратить в христиан. ... Он своим повелением водворил их (греков – Д. А.) снова на прежнем месте с их собственным пастырем, ... Поэтому и варвары, внемля проповедям, при помощи Божией и по милости [Его], крестились и присоединились к вере христианской – во славу и благодарение Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков»⁵.

На исходе иконоборческого периода ромейские политики и миссионеры повели активную деятельность, направленную на ассимиляцию и обращение в христианство многочисленных славянских племен, заселивших Грецию еще в VI–VII веках. Так было заложено основание для того, чтобы начался новый этап приобщения к восточнохристианской ойкумене окрестных народов Европы.

Отметим и то, что «Славянская иммиграция принесла с собой новые правовые воззрения и чуждые греко-римскому обществу формы земельного владения. И это всё должно было ярко отразиться в новом законодательстве. Вот почему при изучении различных юридических актов империи славянский элемент должен быть принимаем во внимание... Многочисленные списки этого закона на славянском языке, равно как и включе-

ние его в древние русские юридические сборники придает ему важное значение в вопросе культурного обмена между Византией и славянами», – писал отечественный исследователь М. Г. Попруженко еще в 1917 году⁶.

С начала X столетия всё более важную роль в международных отношениях на территории Восточной и Юго-Восточной Европы начинает играть ещё одно крупное языческое государство – Киевская Русь. В ту эпоху началось активное проникновение в Восточную Европу морских «варяжских» (западославянских и, возможно, норманнских) дружин. По рекам Восточной Европы варяги и славяно-россы смогли проложить более короткий и удобный, путь в Константинополь и в крупнейшие города Ромейской империи – путь «из варяг в греки». На протяжении X–XI веков этот путь имел огромное культурно-религиозное, торгово-экономическое и военно-политическое значение как для Ромейской империи, так и для соседних с ней народов и государств. Зачастую уже в X – IX веках варяжско-славяно-росские дружины нанимались на военную службу в империи. Нранее – в VIII–первой половине IX века отношения между славяно-россами и варягами с одной стороны и ромеями с другой носили скорее враждебный характер.

Есть сообщения о том, что ещё в VIII веке руссы нападали на северо-черноморские колонии империи: Херсонес, Керчь и даже захватывали Судак. В первой половине IX века славяно-росские дружины совершили ещё два похода на земли Ромейской империи и даже овладели богатым торговым портом империи Амастридой в 842 году. Русский флот проходил через Босфор, но брать приступом мощные оборонительные сооружения Константинополя руссы ещё не решались. Но уже и тогда закладывались основы дружеских отношений между Русью и Империей Ромеев. Так в 838 году к императору Феофилу прибывало посольство из Киева, которое, скорее всего, вело переговоры о взаимной торговле и союзе против хазар. Затем это посольство отбыло в Западную Европу вместе с ромейским посольством ко двору германского короля Людовика Благочестивого. Арабский писатель Ибн-Хордадбех в 40-е годы IX века сообщал, что русские купцы «вывозят меха белок, чернубу-

5 Монеувасийская хроника. Вступ. статья, пер. и коммент. Литаврина Г. Г. // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII - IX вв.). М., 1995. С. 329 – 331.

6 Попруженко М. Г. Славяне и Византия. // Византийский временник. Т. XXI. Вып. 3 – 42. Пг., 1917. С. 262.

рых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румскому морю, и берет с них десятину румский властелин»⁷. Правда, большие торговые пошлины, взимаемые с руссов в Херсонесе, часто возбуждали недовольство русского купечества, что служило причиной для новых военных столкновений. Это был период формирования и становления культурных, экономических отношений, время рождения русской средневековой дипломатии. Отношения Руси с Византией были в ту эпоху далеки от совершенства. Странам предстояло ещё пройти более чем вековой путь в деле культурного, религиозного и экономического сближения и взаимопонимания.

Так 18 июня 860 года русско-варяжские дружины напали на Константинополь. Нападение руссов было неожиданным для ромеев. Император Михаил был вынужден срочно вернуться из похода против арабов и с трудом пробился в осажденный город. Часть русского флота грабила в это время Принцевы острова, да и руссы не думали о штурме столицы. 25 июня они внезапно сняли осаду и ушли из-под Константинополя. Вскоре последовали переговоры, после чего патриарх Фотий в окружном послании извещал, что не только болгары, но и «пресловутые русские» приняли христианство, что этот народ, ещё недавно дерзнувший поднять руку на Ромейскую державу, ныне причислил себя к «подданным и друзьям» ромеев и принял к себе христианского иерарха. В «Жизнеописании Василия I», составленном его внуком Константином Багрянородным, утверждается, что Василий добился дружбы языческого народа русских, заключил с ними соглашение и склонил к принятию христианства. Это были первые шаги приобщения Руси к христианству и культурного сближения с Ромейской империей.

Конечно, христианство в IX веке принимала лишь значительная часть дружинного и купеческого слоя руссов и варягов, т. е. тех, кто непосредственно общался с ромеями и их миссионерами. Представители государственной власти на Руси – великие Киевские князья и их окружение в то время ещё не прониклись идеями христианства и не оценили его значения с государственных пози-

ций. В 907 году русский флот и сухопутное войско во главе с князем Олегом вновь подошло к Константинополю. Ромеи замкнули гавань Золотой Рог цепью, и не пропускали русские корабли. Но затем ромеи запросили мира. Русский князь и император Львом VI заключили выгодный для Руси договор о беспошлинной торговле на ромейских рынках и продовольственном содержании русских послов и купцов. Руссам предоставлялось подворье в предместье Константинополя близ храма св. Мамы. В 911 году условия этого договора были дополнены и подтверждены.

С этого времени славяно-русские наёмные дружины начали активно участвовать в боевых действиях против арабов. В 911–912 годах 700 русских воинов участвовали в походе ромейского флота на о. Крит под руководством Имения. В 913–914 годах отряд руссов совершил поход к берегам Каспия против арабов Закавказья. В 934–935 годах отряд руссов числом в 415 воинов на семи ладьях в составе ромейской эскадры из 18 кораблей под руководством патрикия Косьмы сражался против арабов в Италии, а затем в составе эскадры протоспафария Епифана ходил в поход к берегам Южной Франции. Вторжение в Причерноморье печенегов обострило и усложнило ромейско-русские отношения. Однако, в первой половине IX в. руссы прочно укрепились в устье Днепра и распространили свое влияние вплоть до границ причерноморских владений империи.

С начала X века сильно ухудшились хазарско-ромейские отношения. Ромейское правительство предприняло попытку опереться на соседей Хазарии – племя аланов. На Северный Кавказ к аланам была послана христианская миссия. В 920-е годы аланы приняли христианство. Здесь была образована епархия, подчиненная Константинополю. Но в 932 году аланское войско потерпело поражение от хазар и положение греческого священства в Алании стало очень тяжелым. Алания признала зависимость от иудейской Хазарии, хотя сохранила христианство. Хазарские отряды усилили набеги на крымские владения Империи Ромеев.

Важным событием в истории отношений восточнохристианского и западнохристианского миров стало крещение Моравии. Одним из наиболее авторитетных исторических источников, раскрывающих эту тему, являются «Жития святых просветителей славянских Кирилла и Мефодия». Рассказ о крещении Моравии связан с появлени-

7 Заходер Б. Н. Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени «рус» в арабской письменности. – КСИВ (Краткие сообщения Института востоковедения), XXII, 1956. С. 8.

ем письменности на церковно-славянском языке, ставшем основой всей церковной, культурной и литературной жизни в большинстве славянских стран. Он поднимает завесу над целым рядом проблем этнокультурного плана, очерчивает, выявляет важнейшие направления ромейско-славянских отношений. Строки данного агиографического сочинения являются ценнейшим историческим источником. «Ростислав, князь моравский, по Божьему наущению... послал к цесарю Михаилу, говоря: “Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на нашем языке изложил правую христианскую веру”. И цесарь, собрав собор, призвал Константина Философа (Кирилла) и дал знать ему об этом деле... И сказал цесарь Михаил Философу Константину: “Слышишь ли Философ эту речь? Никто другой сделать этого не сможет, кроме тебя. Вот даю тебе дары многие и иди, взяв брата своего игумена Мефодия. Вы ведь солуняне (жители Фессалоники), а солуняне все чисто говорят по-славянски”.

Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву с иными... И вскоре открыл ему Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова Евангелия: “Вначале было Слово”... и прочее.

И когда дошел до Моравии, принял Ростислав его с великой честью и, учеников собрав, отдал их учить. И отверзлись по пророческому слову уши глухих, чтобы услышали слова книжные, и ясна стала речь косноязычных.

Прошло много дней, и Философ, уходя на Суд (Божий), сказал Мефодию, брату своему: “Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Ты же не смей оставить учительство своё, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения”. Послали же к апостолику (папе римскому – Д. А.) с просьбой, чтобы отпустили блаженного Мефодия, учителя... И сказал апостолик: “... Всем тем землям славянским посылаю его учителем от Бога и от святого апостола Петра, первого наместника”, - свидетельствуют «Жития» .

В начале 60-х годов IX века союзником Византии в Центральной Европе стало Великоморавское княжество – молодое славянское государство, сложившееся на левобережье Дуная. Князь Ростислав Моравский, стремившийся освободиться от германского вмешательства и опасавшийся своего южного соседа – болгарского князя,

обратился в 862 году в Константинополь с просьбой о поддержке. Славяне Моравии ранее уже частично приняли христианство от германских епископов по латинскому обряду, и западное духовенство захватывало земли, взимало десятину и подготавливало полное подчинение Моравии германскому королю.

В начале 863 года в самый разгар церковной борьбы с латинским духовенством Запада духовная миссия из Константинополя двинулась в столицу Великоморавского княжества. Эту миссию возглавляли опытные дипломаты братья Константин и Мефодий, происходившие из Фессалоники и с детских лет владевшие славянским языком. Этот аспект очень интересен в том плане, что вскрывает широкую панораму этнокультурного состояния византийского общества на протяжении ряда столетий. Дело в том, что значительная часть сельской округи городов в Северной, Средней и частично Южной Греции была сплошь славянской, говорившей на различных диалектах старославянского языка. По свидетельствам Моневасийской хроники, славяне Пелопоннеса и других частей Греции «крестились и присоединились к вере христианской», не позднее начала IX века. Население городов, вероятно, здесь говорило на греческом языке. Естественно, что и экономическое, и бытовое, и культурное общение славян и греков-византийцев происходило и на греческом, и на старославянском языках. Южные славяне Греции, со временем ассимилировались. Но эта ассимиляция растянулась на века и позволила византийцам выработать широкомасштабную методологию общения и миссионерства не только в славянских странах, но и в других регионах Евразии.

С деятельностью фессалоникийских братьев связано создание письменности на церковно-славянском языке. Константин ещё до отъезда в Моравию разработал алфавит и вместе с братом перевел ряд богослужебных текстов. Это положило начало формированию старославянского литературного и церковно-славянского богослужебного языков (понятных всем славянским народам). Но положение просветителей скоро изменилось к худшему. В 864 году князь Ростислав вынужден был признать вассальную зависимость от Германского короля. Ромейское правительство перестало оказывать поддержку Моравии. Видимо, братья-просветители решили обратиться за поддержкой к папе римскому Адриану II.

Возникает естественный вопрос, почему Константин и Мефодий не отправились в Константинополь, чтобы там получить поставление для своих учеников и поддержку своей деятельности? Ведь именно империя направила их в Моравию. Но не исключено, что Константин и Мефодий надеялись склонить римского понтифика на свою сторону и тем самым получить поддержку от высшего духовного лица, которому подчинялось всё латинское (в том числе и немецкое) духовенство. В конце 867 году братья прибыли в Рим, где их принимал только что ставший папой Адриан II. Он сразу расположился к славянским просветителям и, по рассказу Житий, даже вышел за город встречать моравских миссионеров. Такой почёт объясняется тем, что Константин повёз в Вечный город мощи Святого Климента, обретенные им в Херсонесе. Адриан II благословил привезённые братьями славянские книги и совершил над ними Божественную литургию в римском храме Санта Мария Маджоре. Учеников Константина посвятили в духовный сан два римских епископа, а затем «ученики славянские» служили литургию на славянском языке в нескольких римских храмах, в том числе и в соборе Святого Петра. В Риме Константин и скончался 14 февраля 869 года. Незадолго до смерти он принял иночество с именем Кирилл. Под этим монашеским именем он и вошёл в историю. Кирилл был похоронен в Риме в церкви того самого Святого Климента, чьи мощи он привёз в Рим. Могила Святого Кирилла сохраняется в столице западного христианского мира и по сей день. В самом Риме фессалоникийские братья совершили несколько богослужений на церковно-славянском языке. Мефодий же, получив официальное разрешение отправлять богослужение на славянском языке, уехал в Моравию.

В это время германские войска были разгромлены князем Ростиславом. Поэтому папа Адриан II даже создал новую Паннонскую епархию и поставил во главе её Мефодия как архиепископа. Но положение дел оказалось слишком неустойчивым. В 870 году собор баварских епископов в присутствии германского короля осудил Мефодия (несмотря на решения папы Адриана II) и заключил его под стражу во Фрейзингенский монастырь. В 873 году папа римский отправил своего легата в Германию и добился освобождения и восстановления Мефодия. Хотя Мефодий вновь стал руководить церковной

жизнью в Моравии, но был постоянно скован интригами немецкого духовенства. После смерти Мефодия в 885 году церковно-славянское богослужение в Моравии постепенно стало ущемляться латинским священством Германии. Ученики Мефодия были изгнаны из страны и нашли пристанище в Болгарии.

Болгария приняла христианство в правление царя Бориса по восточному обряду в 864 году. Этому немало поспособствовали проповедь и богослужение на церковно-славянском языке, проводимые там учениками Кирилла и Мефодия. В то время в Болгарии наблюдались резкий подъём церковной жизни, расцвет богословской и исторической литературы, чему в дальнейшем особо покровительствовал царь Симеон. С этим временем связано появление многих переводных произведений с греческого на болгарский язык. Среди них: «Златоструй» (проповеди Иоанна Златоуста), «Богословие» Иоанна Дамаскина, «Толкование на книгу Бытия», «Шестоднев» и др. Болгары живо интересовались всемирной историей, и болгарский пресвитер Григорий перевёл известную «Хронику» Амартола и «Хронограф» Малалы. Однако, к середине X в. наметился застой литературной деятельности, продолжавшийся до XIV века.

В Сербии христианство стало распространяться уже с VII века, но укрепилось не ранее IX века, когда император Василий Македонянин прислал миссию и крестил сербов вторично. Затем Сербская Церковь была подчинена Константинопольскому патриарху. Но с XI века Сербия всё упорнее пыталась добиться независимости от Ромейской империи. В 1042 году великий жупан Стефан Боислав, воспользовавшись восстанием в Болгарии и дворцовыми интригами в Константинополе, изгнал ромеев. Сын Боислава Михаил (1050-1084) провозгласил себя «кралем» по примеру западноевропейских монархов. Он испросил у папы Григория VII королевский венец и подчинил папе Сербскую Церковь. В своих посланиях папа называл короля Михаила «Сыном возлюбленным». Покорным сыном римского престола стал и сын Михаила Константин Бодин (1084-1100). Сербское королевство находилось в ту эпоху под бдительной опекой Рима и складывалось как раннефеодальное государство подобно Хорватии, Венгрии, Чехии, Польше. Однако дело просветительского приобщения Сербии к культурно-историческому наследию ортодоксального христианства было возобновлено в XII веке в правление династии Неманичей.

Несмотря на события, принявшие неудачный для Византии оборот в Моравии и частично в Сербии, плоды просветительской миссии Кирилла и Мефодия всё равно были сохранены там. По сути дела Кирилл и Мефодий, разрабатывая систему церковно-славянской письменности и проводя миссионерскую работу, опирались на мощную базу практического опыта своих предшественников в сфере этнокультурного общения со славянами и иными народами. Это очень ярко и точно отмечено строками агиографического источника. Проповедь этих святых в славянских землях имела огромное значение, т. к. являлась значительной частью широкомасштабной миссионерской работы греческого духовенства, направленной на обращение в христианство и приобщение к высшим достижениям культуры многочисленных язычников-варваров, окружающих империю.

Источники и литература

1. Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». М., 1899. С. 106 – 107; см. также: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. Под ред. Грота. СПб., 1880.

2. Монеувасийская хроника. Вступ. статья, пер. и коммент. Литаврина Г. Г. // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 329 – 331.

3. Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монастыре Кирилла, учителей славянских. Держава. М., 2002.

4. Чудеса св. Димитрия Солунского. Вступ. статья, пер. и коммент. Ивановой О. В. // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII - IX вв.). М., 1995.

5. Грюненбаум Г. Э. Классический ислам. Очерк истории (600 – 1258). М., 1988.

6. Заходер Б. Н. Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени «рус» в арабской письменности. КСИВ (Краткие сообщения Института востоковедения), XXII, 1956. С. 8.

7. Каждан А. П. Внешнеполитическое положение империи в середине IX – середине X в. // История Византии. В 3-х тт. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 197 – 198.

8. Попруженко М. Г. Славяне и Византия. // Византийский временник. Т. XXI. Вып. 3 – 42. Пг., 1917.

CULTURAL AND CONFSSIONAL INFLUENCE OF THE ROMAIC EMPIRE ON THE SUITOUNDING PEOPLES IN THE IX-X CENTURIES

Abramov Dmitriy Mikhailovich,

PhD, member of the Union of Writers of Russia,

Associate Professor, Department of Regional History, Local History and Moscow Studies

IAI Russian State University for the Humanities (RSUH).

Nikolskaya Stret, 15/1, Moscow, Russia, 109012.

e-mail: abramov_dmitriy@mail.ru

Abstract

The cultural and confessional influence of the Roman Empire on the one hand enriched the traditions and life of many surrounding peoples. A huge role in this matter was played by the asceticism of the Slavic enlighteners Saints Cyril and Methodius. On the other hand, the spread of orthodox Christian teaching caused political and military confrontation between the western and eastern hierarchs of the Ecumenical Church.

Keywords

Education. Cyril and Methodius. Empire Romeev. Constantinople. Slavs. Epiphany. The pope. Slavs of Russia. Ethno-cultural communication.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR

УДК 069

ББК 79.1

10.34685/НИ.2020.29.2.012

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1950 – 2020 гг.)

Кириянова Ольга Геннадьевна,
аспирантка,

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д.2, г. Москва, Россия, 129366,
e-mail: psk-ok@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор истории музейного дела в Русской Православной Церкви с 1950 года по настоящее время. Автором предложена периодизация, этапы которой связаны со значительными изменениями в сфере церковного музейного строительства. Впервые в научный оборот вводятся документы, связанные с обсуждением возможности создания первого церковно-государственного музея. Автор констатирует, что с первого десятилетия XXI века наблюдается устойчивая положительная динамика в развитии сети музейных учреждений Русской Православной Церкви.

Ключевые слова

Церковный музей, древлехранилище, музей монастыря, Русская Православная Церковь, церковно-археологический кабинет, церковная история, военно-исторический музей.

Наступивший год стал юбилейным в новейшей истории Русской Православной Церкви — семьдесят лет назад при кафедре церковной археологии Московской Духовной Академии был возрожден Церковно-археологический кабинет (далее – ЦАК МДА), существовавший с 1871 по 1919 год. Появление во второй половине XIX столетия при духовных академиях, семинариях, мо-

настырях, церковно-археологических обществах, комитетах, православных братствах на территории Российской Империи церковно-исторических и церковно-археологических кабинетов, музеев и древлехранилищ явилось следствием роста общественного интереса к проблемам сохранения памятников отечественного и мирового христианского наследия. До 1917 года в России

имелось около семидесяти подобных музейных учреждений¹.

Возобновление деятельности ЦАК МДА стало началом нового периода истории церковного музейного строительства, осуществляемого в принципиально иных общественно-политических, экономических и культурных условиях, чем это происходило в дореволюционное время. Данный период можно разделить на четыре этапа, каждый из которых характеризуется своими специфическими особенностями: 1950 – 1993 гг., 1994 – 2005 гг., 2006 – 2011 гг., 2011 г. – по настоящее время.

1950-1993 гг.

Открытие ЦАК МДА связано с возобновлением деятельности духовных школ Русской Православной Церкви в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в 1948 году. Инициатива возрождения музея принадлежала профессорам и преподавателям Духовной академии и была поддержана Патриархом Московским и всея Руси Алексием I. Фонды кабинета пополнялись, в основном, дарами православных священнослужителей. Основным жертвователем в течении двух первых десятилетий истории существования ЦАК оставался Патриарх Алексий I. В кабинет также передавались иконы и предметы богослужебной утвари, поступавшие в Лавру на хранение из закрытых и разоренных в годы богоборчества церквей. В итоге ЦАК стал располагать обширным собранием русских и восточно-христианских икон, богослужебных книг, включавшим старопечатные издания, рукописи и крюковые нотные сборники, коллекцией мелкой пластики, антиминсов, паломнических реликвий, макетами церковных зданий, предназначенными для освоения учащимися различных архитектурных стилей, коллекцией религиозной живописи русских мастеров XIX – начала XX века. Экспозиция имела мемориальную составляющую: здесь хранились элементы богослужебных облачений, книги, личные вещи, а также портреты выдающихся русских иерархов, включая Патриарха Алексия I. Отдельный зал заняли произведения западноевропейского религиозного искусства: подлинники и копии картин, скульптура, а также литургическая утварь и книги на латыни, кото-

рые должны были помочь студентам Академии «установить принципиальную разность традиций католичества и Православия и своеобразие художественных принципов западного искусства вообще»². Профессорско-преподавательская корпорация академии воспринимала ЦАК как учебный музей художественного профиля, «музей наглядных пособий»³, на его базе старшекурсники академии готовили курсовые работы, магистерские диссертации и стипендиатские отчеты по кафедре церковной археологии. Характеризуя отличие ЦАК МДА от существовавших в то время светских музеев, его многолетний заведующий протоиерей Алексий Остапов отмечал, что здесь «перед иконами теплятся лампы, в часы богослужений можно слышать отзвуки церковного пения», а также «совершенно немuseumный облик экскурсоводов», что создает «особый храмовый настрой, храмовость кабинета»⁴, т.е. академический музей воспринимался его сотрудниками как продолжение храмового пространства. Фактически используя принципы «живого музея», разработанные П.В.Флоренским, они создавали вокруг экспозиции особую аудиовизуальную среду, позволяющую посетителю в полной мере соприкоснуться с изучаемой темой. Посещать ЦАК могли только воспитанники академии и почетные гости, включая зарубежных духовных лидеров.

К 1951 году был обустроен церковно-археологический кабинет в Ленинградской духовной академии⁵.

В 1967 году с аналогичными учебно-педагогическими целями организуется церковно-археологический кабинет в Одесской духовной семинарии. В его фонд было передано много икон, книг и других предметов из собрания ЦАК МДА.

Открытие следующего – четвертого по счету – церковного музея на территории СССР связано с возобновлением монашеской жизни в мос-

1 Е.А.Полякова, Г.В. Витовтова. Церковно-Археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX – начале XX века. // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С.257.

2 Прот. А.Остапов. Церковноархеологический кабинет МДА. // Журнал Московской Патриархии. №12. С.18.

3 Свящ. Н.Никольский. О церковно-археологическом музее московской духовной академии. // Журнал Московской Патриархии. 1950. №1. С.53.

4 Прот. А.Остапов. Церковноархеологический кабинет МДА // Журнал Московской Патриархии. №12. С.22.

5 В.Некрасов. Церковно-археологический кабинет в ленинградской духовной академии. ЖМП, № 12, 1952, С.41.

ковском Даниловом мужском монастыре, возвращенном Русской Православной Церкви в преддверии празднования 1000-летия Крещения Руси. К этому юбилею в мае 1987 года в монастыре был создан церковно-исторический музей⁶. Его фонд также, как в предшествующих случаях, формировался за счет пожертвований богослужебной утвари, книг, икон. Впервые в монастырский музей начали поступать из семейных собраний вещи, принадлежавшие духовным лицам, пострадавшим в ходе гонений советского времени. Штатных сотрудников музей не имел и не был рассчитан на массового посетителя.

рассчитан на массового посетителя.

В 1990 году музей, доступный паломникам и почетным гостям, впервые организован в Успенском Пюхтицком женском монастыре на территории Эстонии. Формирование будущего музейного собрания из исторически ценных предметов монастырской ризницы началось здесь еще в 80-х годах по инициативе игумении Варвары (Трофимовой).

В 1991 году митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев), председатель Издательского Отдела Московской Патриархии, создал в Иосифо-Волоцком мужском монастыре музей Библии. В основу экспозиции было положено обширное книжное собрание митрополита.

В 1992 году Государственным комитетом Республики Карелия по управлению государственной собственностью и возрожденным на о. Валаам Спасо-Преображенским мужским монастырем учреждается товарищество с ограниченной ответственностью «Валаамский научно-исследовательский церковно-археологический и природный музей-заповедник». Основу собрания составили фонды Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника (ВГИАПМЗ) – филиала Карельского государственного краеведческого музея. Впоследствии единственным учредителем музея остался монастырь.

1994-2004 гг.

Важным событием в истории развития церковного музейного дела в России явилось начатое в 1994 году обсуждение перспективы создания

первого в стране государственно-церковного музея. Сама постановка вопроса была вызвана возобновлением монашеской жизни в московском Донском мужском монастыре, территорию и здания которого с 1935 года занимал Музей истории архитектуры им.А.Шусева. Частью музейной экспозиции являлся сохранившийся монастырский некрополь XVIII-XIX вв.. При передаче обители Московской Патриархии остро встал вопрос обеспечения сохранности остающихся здесь памятников истории и культуры.

В июле 1994 года под председательством заместителя министра культуры России В.П. Демина состоялось заседание специальной Комиссии, включавшей директоров ряда ведущих федеральных музеев, представителей Министерства культуры и наместника монастыря с целью обсуждения одного из возможных вариантов решения проблемы – создания первого в стране церковно-государственного музея «Донской монастырь». Реализация этого замысла предусматривала равноправное участие Министерства культуры Российской Федерации, Государственной Третьяковской галереи и Донского монастыря. Первый церковно-государственный музей, согласно проекту его устава, становился монастырским структурным подразделением. Вся музейная деятельность, включающая хранительскую, экспозиционную, научно-исследовательскую и научно-просветительскую работу, должна была согласовываться с наместником обители. Имущество музея за исключением музейных ценностей, предметов и памятников, числилось на балансе Донского монастыря. Музейные предметы и исторические документы, включенные в состав фондов музея, оставались федеральной собственностью и находились в оперативном управлении монастырской администрации. Их учет и хранение планировалось проводить в соответствии с утвержденными Министерством культуры инструкциями, принятыми в отношении светских музеев. В основу управления новой музейной структурой закладывался принцип коллегиальности, предполагавший участие Совета Учредителей, наместника монастыря и директора музея. Участники заседания единодушно одобрили предлагаемую модель, как «наиболее приемлемую и крайне необходимую форму» государственно-церковного сотрудничества в музейной сфере, могущую стать прин-

6 Зеленская Г.М. Даниловский монастырь в годы советской власти. Возрождение. Святые. // Первый на Москве. Московский Данилов монастырь. М.: Даниловский благовестник, 2000. С.166.

ципиальным примером для всей России⁷. Этот проект так и не был реализован.

На этом этапе по сравнению с предшествующим значительно возросло количество действующих приходов и монастырей Русской Православной Церкви, в которых возобновилась не только богослужebная, но и просветительская деятельность. Приток образованного духовенства, осознающего важность сохранения и популяризации культурного наследия, способствовал формированию музейных собраний, а затем и созданию музеев исторического профиля при храмах, монастырях, епархиальных управлениях. К этому времени относится создание музея Верхотурского Никольского мужского монастыря, Самарского епархиального церковно-исторического музея, «Музея истории Православия на Алтае» в Алтайской епархии, музея «Кадашевская слобода» при московском храме Воскресения Христова в Кадашах. Возникают первые мемориальные церковные музеи – в московском Донском монастыре, в Кронштадте, в Свято-Введенской Оптиной пустыни.

В Москве в 1997 году открывается мемориальный музей-квартира священника Павла Флоренского, с инициативой создания которого впервые публично выступил академик Д. С. Лихачев в 1989 году. Еще до официального открытия музей регистрируется в качестве некоммерческой негосударственной организации культуры, одним из физических лиц – соучредителей которого выступает внук о. Павла Флоренского – игумен Андроник (Трубачев). Таким образом, в России появляется первый церковный музей, учредителем которого выступил православный священнослужитель, как частное лицо.

2005-2010 гг.

Начало следующего этапа развития церковного музейного дела приходится на 2005 год. Годом ранее в Костромском Свято-Троицком Ипатьевском мужском монастыре открылся епархиальный историко-археологический музей. Приказом Федерального агентства по культуре и кинематографии № 480 от 3 августа 2005 года в безвоз-

мездное пользование Костромского церковного историко-археологического музея (ЦИАМ) было передано две тысячи шестьсот семьдесят семь музейных предметов из собрания Костромского художественного и историко-архитектурного музея-заповедника. Впервые в истории современной России музейная структура, созданная религиозной организацией и официально возглавляемая духовным лицом – наместником Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря архимандритом Иоанном (Павлихиным), получила право хранить, исследовать и экспонировать музейные предметы являющиеся частью Государственного музейного фонда⁸.

Внимание к вопросу музеефикации культурного наследия силами самих церковных учреждений со стороны высших иерархов РПЦ возрастает, эта задача начинает осмысливаться ими как требующая выработки долгосрочных стратегических решений. В 2007 году Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент (Копалин) заявил о необходимости возрождения собственной церковной системы музеев. В 2008 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», где сочтено полезным «создание при епархиальных управлениях, духовных школах, монастырях и приходах древнехранилищ (церковных музеев) для сохранения духовного, исторического и культурного наследия православной традиции, запечатленной в материальных памятниках прошлого»⁹. Значимым шагом в деле развития церковной музейной сферы стало также создание в 2010 году Патриаршего совета по культуре, сфера ответственности которого охватывает церковные музейные учреждения.

7 Протокол заседания комиссии по созданию церковно-государственного музея «Донской монастырь» от 04.07.1994 г., Устав музея «Донской монастырь» (проект), учредительный договор о создании музея «Донской монастырь» в Донском ставропигиальном музее Москвы (проект). Личный архив автора.

8 Официальный сайт Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря [Электронный ресурс]. – URL: <https://ipatievsky-monastery.ru/museum> (дата обращения 15.01.2020).

9 Официальный сайт Московского Патриархата. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 24-29 июня 2008 года «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п.7 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428914.html> (дата обращения 06.02.2020).

Характерной особенностью указанного периода является появление церковных музеев, тематика экспозиции которых напрямую не связана с церковной историей и культурой. Термин «древлехранилище» к таким музеям уже не применим. Большая часть подобных музейных учреждений имеет военно-исторический профиль и формируется за счет находок поисковых отрядов. В 2005 году при Скорбященском храме Санкт-Петербургской епархии был открыт первый из них, посвященный Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. Другим источником возникновения нетипичных для церковных учреждений музейных коллекций являются фонды общественных – школьных, сельских, производственных музеев, которые после упразднения музеев передаются в ведение Русской Православной Церкви, иногда самими бывшими сотрудниками для сохранения музейных предметов.

2011 г. – по настоящее время.

Последний – четвертый – этап предлагаемой периодизации с утверждения в 2011 году Священным Синодом РПЦ типового устава частного учреждения культуры «Церковного музея – епархии Русской Православной Церкви». Таким образом, в публичном пространстве впервые фиксируется не только желательность и правомочность существования музейных институций при религиозных организациях, но и предпочтительная форма их юридической организации.

Зримым свидетельством этого количественного и качественного роста стала научно-практическая конференция «Христианский музей в современном мире» 2014 года в которой участвовали представители почти 50 светских и церковных музеев. Они приняли решение обратиться к Патриарху за благословением на создание союза христианских музеев, однако, практического развития эта инициатива не получила.

В 2016 году решением Священного Синода РПЦ создается Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации (ЭСЦИАР), в структуру которого включена отдельная комиссия по созданию древлехранилищ и взаимодействию с музеями¹⁰.

В 2018 и 2019 годах в Москве совместными усилиями Патриаршего совета по культуре и ЭСЦИАР организуются I и II Всероссийские конференции на тему «Епархиальные древлехранилища. Церковь и музеи». Участникам II конференции, состоявшейся в мае 2019 года, организаторами было презентовано электронное пособие «Опыт создания церковных музеев. Лучшие практики», где помимо анализа приводятся рекомендации по профессиональной организации хранительской и экспозиционно-выставочной работы.

В минувшем году СМИ почти ежемесячно сообщали об открытии новых церковных музеев. Рост интереса священнослужителей и прихожан к музейной работе, востребованность таких учреждений со стороны посетителей разных возрастов позволяют полагать, что церковная музейная сеть будет развиваться.

Выводы:

В рассматриваемый период численность церковных музеев неуклонно возрастала, особенно заметный рост наблюдается с 2005 года;

Церковные музеи организуются при религиозных организациях РПЦ – епархиях, монастырях, приходах, а также православных учебных заведениях, братствах и сестричествах. В правовом отношении такие музеи могут являться отдельными юридическими лицами, структурными подразделениями юридических лиц – религиозных организаций, либо не иметь никакого формального статуса;

Профиль подавляющего большинства церковных музеев – исторический, однако тематика их экспозиций к четвертому этапу рассматриваемого периода расширилась и охватывает различные аспекты военной и промышленной истории страны. Получают распространение мемориальные музеи духовных лиц;

К настоящему времени в Русской Православной Церкви созданы специализированные консультативные структуры, разработана документальная и методическая база для содействия развитию церковной музейной сети.

Список литературы

1. Е.А.Полякова, Г.В.Витовтова. Церковно-Археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX –

10 Официальный сайт Экспертного совета по церковному искусству, архитектуре и реставрации [Электронный ресурс]. – URL: <http://expsovet.ru/%d0%be%d0%b1-%d1%8d%d0%ba%d1%81%d0%bf%d0%b5%d1%80%d1%82>

d0%bd%d0%be%d0%bc-%d1%81%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%82%d0%b5/ (дата обращения 12.02.2020).

начале XX века. Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48).

2. Прот. А.Остапов. Церковноархеологический кабинет МДА. // Журнал Московской Патриархии. № 12.

3. Свящ. Н.Никольский. О церковно-археологическом музее московской духовной академии. // Журнал Московской Патриархии. 1950. №1.

4. Прот. А.Остапов. Церковноархеологический кабинет МДА. // Журнал Московской Патриархии. №12.

5. В.Некрасов. Церковно-археологический кабинет в ленинградской духовной академии. // Журнал Московской Патриархии. 1952. №12.

6. Зеленская Г.М. Даниловский монастырь в годы советской власти. Возрождение. Святых. // Первый на Москве. Московский Данилов монастырь. М.: Даниловский благовестник, 2000.

7. Протокол заседания комиссии по созданию церковно-государственного музея «Донской монастырь» от 04.07.1994 г., Устав музея «Донской монастырь» (проект), учредительный договор

о создании музея «Донской монастырь» в Донском ставропигиальном музее Москвы (проект). Личный архив автора.

8. Официальный сайт Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря [Электронный ресурс]. – URL: <https://ipatievsky-monastery.ru/museum> (дата обращения 15.01.2020)

9. Официальный сайт Московского Патриархата. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 24-29 июня 2008 года «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п.7 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428914.html> (дата обращения 06.02.2020).

10. Официальный сайт Экспертного совета по церковному искусству, архитектуре и реставрации [Электронный ресурс]. – URL: <http://expsovet.ru/%d0%be%d0%b1-%d1%8d% d0%ba%d1%81%d0%bf%d0%b5%d1%80%d1%82 %d0%bd%d0%be%d0%bc-%d1%81%d0%be%d0 %b2%d0%b5%d1%82%d0%b5/> (дата обращения 12.02.2020).

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MUSEUMS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1950 – 2020)

Kiryanova Ola Gennadjevna,

post-graduate student

of the third year of the Russian research Institute of cultural and natural heritage. D. S. Likhacheva,

Bersenevskaya embankment, d. 18-20-22,

building 3119072, Moscow, Russian Federation,

e-mail: psk-ok@mail.ru

Abstract

The article is a review of the history of Museum work in the Russian Orthodox Church from 1950 to the present. Periodization is proposed, the stages of which are associated with significant changes in the sphere of Church and Museum activities, including organizational and legal, thematic and exposition aspects. For the first time, documents related to the discussion of the possibility of creating the first Church-state Museum are introduced into scientific circulation. The author States that since the first decade of the XXI century, there has been a steady positive dynamics in the development of Museum institutions of the Russian Orthodox Church.

Keywords

Church Museum, ancient repository, monastery Museum, Russian Orthodox Church, Church and archaeological study, Church history, military history Museum.

RAR
УДК 7.06
ББК 79
10.34685/НИ.2020.29.2.013

СОХРАНЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ОБЪЕКТА: ОПЫТ МУЗЕЙНО-ЦЕРКОВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ В XX В.)

Ивановская Ирина Олеговна,
аспирант, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева
129366, Москва, ул. Космонавтов, д.2.
e-mail: vit.irina@bk.ru

Аннотация

Социокультурная ситуация XX века не была стабильной. Тем не менее, культовые объекты сохранялись в условиях смены эксплуатирующей организации. Профессиональное и церковное взаимодействие в вопросах наблюдения за сохранностью храмов в этот период изменялось по интенсивности: от индифферентного присутствия на объекте до эффективного сотрудничества. В статье прослеживается преемственность курирования Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве на протяжении столетия.

Ключевые слова

Музеефикация, коммуницирование, культурологический подход, Новодевичий монастырь, Смоленский собор.

При рассмотрении процесса музеефикации церковных объектов Новодевичьего монастыря с точки зрения культурологического подхода, ярко выраженной является проблема их сохранения в условиях социокультурной обстановки XX века. «Музеефикацию» в культурологическом ракурсе анализируют О.С. Сапанжа¹, Е.Т. Плошница²,

Д. Гаврилова³, Н.И. Решетников и другие исследователи.

В результате смены эпох, формулировки новых приоритетов и тенденций в культурно-исторических процессах, «в социуме создаются свои памятники, утверждающие господство той или иной части общества. В этом контексте в отношении ряда объектов осуществляется музеефикация. В эпоху революционных переустройств в отношении объектов разворачивается прямо противоположный процесс демузеефикации. Однако, при необходимости обращения к прошлому опыту, происходит возвратный процесс

1 Сапанжа, О.С. Стратегии коммуникационных процессов современного музея [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/kulturologicheskaya-teoriya-muzeynosti> (дата обращения: 02.02.19)

2 Плошница, Е.Т. Проблемы музеефикации культовых памятников в Республике Молдова // Вопросы музеологии. 2013. – №1(7). – С. 163.

3 Гаврилова, Д. Проблемы музеефикации в России и мире [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.glavtema.ru/articles/2018-11-06/2607/> (дата обращения: 03.02.19)

ремудеефикации»⁴. Таким образом, в течение незначительного временного отрезка пересматриваются ценностные характеристики объектов, попавших в поле культурных преобразований. Не редки были случаи уничтожения объектов церковного искусства, потому, что они «воспевали идеалы не соответствующие эпохе перемен».⁵

В наше время появилась возможность формировать отношение к объектам культуры посредством сети Интернет, социальных сетей, средств массовой информации, деятельности образовательных и культурных учреждений. Важно формировать желание сохранять культурное достояние страны даже в ситуации изменения системы взглядов на окружающую культурную действительность. Силой общественного мнения, законодательными актами, информацией о взысканиях сейчас, отчасти, регулируется ответственность за сохранность объектов культуры, но в XX веке таких возможностей практически не было.

Проследим результативность преемственности профессионального наблюдения за состоянием, сохранностью церкви XVI века на протяжении всего XX столетия на примере Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве. (Фото 1).

Отметим, что для этого объекта характерен поиск компромисса во взаимодействии музея, церкви и научного сообщества. Компромисс заключается в музейном использовании церкви с поддержанием церковных функций объекта и научном наблюдении. Научное наблюдение носило как непосредственный характер, например, проведение обследований, так и опосредованный – ученые фиксировали события происходившие с памятником, что позже нашло отражение в заметках, статьях.

Смоленский собор - самый древний каменный архитектурный объект ансамбля Новодевичьего монастыря. Он является одной из архитектурных доминант и сокровищницей фресковой росписи XVI–XVII вв.

В конце XIX – начале XX века стало очевидным, что храм нуждается в профессиональном

Фото 1. Смоленский собор Новодевичьего монастыря в г. Москве. Южный фасад, 2015 г.

наблюдении и регуляции эксплуатационного режима. Постепенно этот вопрос стал решаться. Успех был переменным.

Доподлинно известно, что до 1919 года монастырь находился в ведении женской монашеской общины. В Смоленском соборе регулярно проводились богослужения. В дни значимых церковных праздников храм полностью заполнялся богомольцами. К началу XX века собор около трех столетий находился в эксплуатации. Фресковая живопись и архитектура церкви требовала реставрационных вмешательств. (Фото 2).

Архивные документы свидетельствуют, что ремонтные работы в соборе проводились регулярно и носили преимущественно косметический характер. Отметим, что по Распоряжению Синода от 31 мая 1853 года⁶ все масштабные реставрационные работы на территории ансамбля Новодевичьего монастыря предварительно одобрялись Московским археологическим обществом. В то же время о необходимости реставрации уведомляли

4 Решетников Н.И. Проблемы музеефикации историко-культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: http://opentextnn.ru/museum/Museum_textbook/?id=6016/ (дата обращения 15.09.18)

5 Эта тема широко раскрыта в работе Поляковой М.А. Культурное наследие России: История охраны и современное состояние. М., 2015. - 388 с.

6 Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология [Текст] / сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. С.523

Фото 2. Фрески центрального купола Смоленского собора Новодевичьего монастыря в г. Москве, 2015 г.

Синод. А для наблюдения за реставрацией археологическое общество назначало комиссию.

Так, например, в 90-х годах XIX века в храме была проведена масштабная реставрация. Работы выполнялись под наблюдением известных специалистов своего времени (В.И.Сизова, В.Н. Щепкина, А.М.Васнецова, А.И.Успенского, А.Д.Григорьева и других). Поскольку в XIX веке научная реставрация только зарождалась, то «Высочайшее повеление от 31 декабря 1842 г. было попыткой взять сохранение храмов с древней живописью под государственную опеку»⁷. Тем не менее, несмотря на принятые меры, реставрация этого периода была выполнена с нарушениями. Сегодня выполненные в конце XIX века работы оправдываются несовершенством использованных реставрационных техник, ошибками в методике выполнения работ по причине недостаточного реставрационного опыта. Как итог - мастера в 90-х годах XIX века продемон-

стрировали не лучшую реставрационную практику своего времени.

Отметим, что в XIX в. – начале XX в. происходит формирование института древлехранителей. Многие из них были выходцами из среды музейщиков, реставраторов, ученых, церковных деятелей. По всей видимости, при реставрации в Смоленском соборе в 90-х годах XIX века со стороны пользователя еще не был назначен компетентный наблюдатель.

После реставрации наблюдение за собором выполнялось монахами. Храм вновь стал эксплуатироваться в прежнем режиме.

Переворот в исторических и культурных событиях начала XX в. привел к тому, что в 1919 году монастырь приспособили под школу военных курсантов⁸. В 1921 году все здания территории Новодевичьей обители заняли под общежитие сотрудников Гознака. При этом монахини продолжали жить и трудиться на территории монастыря.

В условиях послереволюционных событий перед монашеской общиной встала задача сохранить интерьер храма, но справиться в одиночку было невозможно. В этой связи, представители прихода Новодевичьего монастыря инициировали составление письма в Коллегию отдела музеев и охраны памятников старины и искусств Наркомпроса. В письме содержалось ходатайство о постановке на учет памятников церковного искусства Новодевичьего монастыря для их сохранения.

Четыре года шла подготовка к музеефикации церковной утвари и объектов монастырского ансамбля.

2 марта 1922 года был выпущен мандат №1272⁹. В нем говорилось, что «научной сотруднице отдела по делам музеев Главнауки Елизавете Сергеевне Кропоткиной вменяется в обязанность общее наблюдение за охраной означенных памятников, организация музея, сношения с официальными, частными лицами, местными совдепами и другими органами Советской власти по вверенному ей учреждению»¹⁰. Это событие – официальная дата основания музея. Тогда же в «Государственном

7 Законодательство по охране памятников в России XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://art-con.ru/node/5681> (дата обращения: 03.02.19)

8 ЦГАМО. Ф. 66. Оп.11. Д. 1678. Л.123

9 Шведова М.М. История формирования фондов музея «Новодевичий монастырь» // Проблемы экспозиционной и фондовой работы. Труды ГИМ. Вып.№65. М., 1987. С.134.

10 Там же. С.135.

историко - художественном музее бывшего Новодевичьего монастыря (памятник XVII в.)» была введена должность хранителя. Хранителем стала Р.И. Котович-Борисяк.¹¹

В период с 1922 по 1927 годы кадровый состав музея часто менялся. Но на ответственные должности всегда назначались специалисты, ранее имевшие опыт работы в музеях. В этот период не прекращалось взаимодействие монахов с музейными сотрудниками. Известно, что в 1924 году на территории монастыря проживало «около 180 насельниц»,¹² а в «1925 году – 145 монахинь».¹³

В то же время росла посещаемость музея. Так, «в 1922 году музей посетили 285 чел., а в 1925 году – 4661 человек. Смоленский собор в это время входил в состав музея и являлся основным объектом экскурсионного показа. Для обзора экскурсантам были представлены экстерьеры и интерьеры церкви. (Фото 3).

Экскурсии и посещения имели преимущественно коммерческую основу»¹⁴. Хранитель музея вел учет посещаемости и наблюдение за состоянием Смоленского собора. На основании отчетной документации максимальная посещаемость приходилась «на июнь месяц, а большинство экскурсий проводилось в апреле, мае и августе. Кроме того, поток посетителей регулировался графиком работы музея 2-3 дня в неделю музей принимал посетителей, остальные дни были отведены для исследовательской работы».¹⁵

Обратим внимание на то, что с 1927 года музей претерпевал реорганизацию. В этих условиях Смоленский собор продолжал работать и осматривался посетителями как архитектурный объект XVI в. Музейные специалисты, в свою очередь, контролировали состояние живописи и конструкций церкви. До 1928 года храм совмещал музейную и церковную функции, поскольку в нем «периодически совершались

Фото 3. Интерьер храма. Портал северного входа из галереи в четверик Смоленского собора Новодевичьего монастыря в г. Москве, 2015 г.

богослужения».¹⁶ «В 1928 г. были отреставрированы фрески собора».¹⁷

В октябре 1929 г. историко – бытовой музей на территории Новодевичьего монастыря был закрыт. Но менее, чем через год, вместо него открылся музей «Раскрепощения женщины». «В Смоленском соборе и Успенской церкви разместилась экспозиция «Труд и быт женщины», «Религия и женщина», «Октябрь и женщина»».¹⁸

В последующие годы музейная преемственность сохранялась в отношении всего ансамбля Новодевичьего монастыря и Смоленского собора в частности. «В 1934 году комплекс зданий закрытого Новодевичьего монастыря передали Государственному Историческому музею».¹⁹ Хра-

11 Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология [Текст] / сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. С.102.

12 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 315. Л. 28.

13 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 618. Л. 2.

14 Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология [Текст] / сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. С.105

15 Там же. С.109.

16 Там же. С.115

17 Там же. С.109

18 Там же. С.111

19 Там же. С.115

нительское обследование состояния Смоленского собора осуществляли сотрудники ГИМа до декабря 2009 года. Некоторые наблюдения и результаты контроля температурно – влажностного режима за указанный период нашли отражение в научных публикациях М.В. Юсуповой,²⁰ И.Г. Борисенко,²¹ Е.Т. Брягиной.²²

В это же время продолжалась церковная активность в закрытом Новодевичьем монастыре. В первой четверти XX века это выражалось в энергичной деятельности православной общины, а позже – в уединённом проживании некоторых монахинь на территории обители.

В 1944 году в Новодевичьем монастыре открылся «Богословский институт Пастырско – богословских курсов Московской Патриархии».²³ Спустя пятьдесят лет, «осенью 1994 года, в стенах Новодевичьего монастыря возродилась монашеская жизнь».²⁴ «В Смоленском соборе 10 августа 1995 года была совершена литургия».²⁵ С этой даты в летний период в нем стали проводить праздничные богослужения. А Государственный исторический музей, в свою очередь, предоставлял туристам возможность посещать Смоленский собор в летнее время по билетам в составе экскурсионных групп и в индивидуальном порядке.

В условиях взаимодействия Государственного исторического музея и монастыря, в 1978-1995 годах сотрудники Межобластного научно-реставрационного художественного управления провели фрагментарную реставрацию церкви. Были произведены противоаварийные и косметические работы. Организационная особенность работ заключалась в том, что их приходилось выполнять этапами, на небольших по площади зонах. Такой подход был выбран исходя из лимитов в финансировании, ограничений в отношении площадей раскрытия авторской живописи и других задач, поставленных заказчиком.

Таким образом, на протяжении всего XX века, несмотря на смену парадигм в культуре, функциональность Смоленского собора Новодевичьего монастыря незначительно изменялась. За это время был выработан эксплуатационный режим храма, отработана система наблюдения за историко-культурным объектом, с разной интенсивностью продолжалось взаимодействие музея и церкви, в той или иной степени поддерживалась духовная составляющая объекта.

Предполагаем, что частичное решение проблемы сохранения объекта в условиях изменения социокультурной обстановки возможно через поддержание культурного баланса в условиях кардинальных перемен. Для этого ученым, неравнодушной общественности, политическим деятелям и деятелям культуры при музеефикации, демузеефикации, ремузеефикации следует дальновидно оценивать обстановку и придерживаться позиции поиска культурного компромисса. В этой связи, становится возможным сохранение и регуляция интенсивности первичных функций церковных объектов, которые имеют культурную и историческую значимость.

Список литературы

- 20 Технология создания, сохранность и реставрация настенной росписи Смоленского собора Новодевичьего монастыря/ Юсупова М.В., Борисенко И.Г.// Забелинские научные чтения – 2005 г. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 158. С.124-134.
- 21 Температурно-влажностный режим и его влияние на сохранность здания и интерьера Смоленского собора Новодевичьего монастыря/ И.Г.Борисенко, М.В.Юсупова // Забелинские научные чтения – 1999 г. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 121. С.753-764.
- 22 Причины разрушения и реставрация живописи в галерее Смоленского собора Новодевичьего монастыря/ Е.Т.Брягина. М.В.Юсупова// Забелинские научные чтения – 2002 г. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 136. С.176-182.
- 23 Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология [Текст] / сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012.– С.116
- 24 Там же. С.123
- 25 Там же. С.124

1. Гаврилова, Д. Проблемы музеефикации в России и мире [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glavtema.ru/articles/2018-11-06/2607/> (дата обращения: 03.02.19)
2. Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология [Текст] / сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. 552 с.
3. Плошница, Е.Т. Проблемы музеефикации культовых памятников в Республике Молдова [Текст] / Е.Т. Плошница // Вопросы музеологии. 2013. №1(7). С. 163-170.

4. Полякова, М.А. Культурное наследие России: История охраны и современное состояние [Текст] / М.А. Полякова. – М.: РГГУ, 2015. – 388 с.

5. Причины разрушения и реставрация живописи в галерее Смоленского собора Новодевичьего монастыря / Е.Т.Брягина, М.В.Юсупова // Забелинские научные чтения – 2002 г. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. – М.: Труды ГИМ, 2003. – Вып. 136. – С.176-182.

6. Решетников Н.И. Проблемы музеефикации историко-культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: http://opentextnn.ru/museum/Museum_textbook/?id=6016/ (дата обращения 15.09.19)

7. Сапанжа, О.С. Стратегии коммуникационных процессов современного музея [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/>

kulturologicheskaya-teoriya-muzeynosti (дата обращения: 02.02.19)

8. Сайт Art Conservation мастерская [Электронный ресурс]. – URL: <http://art-con.ru/node/5681> (дата обращения: 03.02.19)

9. Температурно-влажностный режим и его влияние на сохранность здания и интерьера Смоленского собора Новодевичьего монастыря / И.Г.Борисенко, М.В.Юсупова // Забелинские научные чтения – 1999 г. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. – М.: Труды ГИМ, 1999. – Вып. 121. – С.753-764.

10. Технология создания, сохранность и реставрация настенной росписи Смоленского собора Новодевичьего монастыря / Юсупова М.В., Борисенко И.Г. // Забелинские научные чтения – 2005 г. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры. М. : Труды ГИМ, 2006. – Вып. 158. – С. 124-134.

SAVING A CHURCH OBJECT: EXPERIENCE OF MUSEUM-CHURCH INTERACTION (ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENSKY CATHEDRAL OF THE NOVODEVICHY CONVENT IN MOSCOW IN THE XX CENTURY)

Ivanovskaya Irina Olegovna,

PhD student, Russian Scientific Research Institute of cultural and natural heritage named
after D.S.Likhachev, 129366, Moscow, UL. Astronauts, d.2

e-mail: vit.irina@bk.ru

Abstract

The sociocultural situation of the XX century was not stable. But cult objects were preserved during the change of the operating organization. Professional and church interaction in monitoring the preservation of temples during this period varied in intensity: from an indifferent presence at the facility to effective cooperation. In the article, the author traces the continuity of curation of the Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent in Moscow for a century.

Keywords

Museumification, communication, museum, church, culturological approach, Novodevichy Convent, Smolensky Cathedral.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

RAR

УДК 316.48

ББК 77

10.34685/НИ.2020.29.2.014

ВЫСТАВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС «АТАМАНЬ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Нельзина Ольга Юрьевна,

старший научный сотрудник Института Наследия,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
e-mail: olgasviridoff@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся сложившейся культурной среды станицы Тамань Темрюкского района Краснодарского Края. Выделены конкурентные преимущества региона, вместе с тем отмечен ряд существующих проблем, перемены, произошедшие вследствие изменения политической ситуации. Приводится краткое описание деятельности «Выставочного комплекса «Атамань» его влияние на социокультурную среду региона.

Ключевые слова

Культурная среда, выставочный комплекс, курортная зона, развитие территорий, событийный туризм, этнографический комплекс, образовательные программы.

Территория современного Таманского полуострова простирается в пределах побережья Черного моря, Керченского пролива и Южного побережья Азовского моря. Станица Тамань расположена в западной части Таманского полуострова и входит в состав Темрюкского района.

Краснодарский край является одним из основных рекреационных районов России, в целом это экономически развитый и инфраструктурно обеспеченный регион, входящий в состав Южного федерального округа на правах субъекта Федерации. Курортно-туристическая отрасль ди-

намично развивается, обеспечивая инвестиционную привлекательность территории. Край относится к региону, в котором активно развивается этнический туризм, в настоящее время он составляет значительную долю экономики.

В настоящее время регион располагает разветвленной сетью автомобильных дорог, находящихся в целом в неплохом состоянии. По данным Федеральной службы государственной статистики, плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием увеличилась в Южном федеральном округе с 75 до 232 км пу-

тей на 1000 км² территории. Для сравнения взяты данные по 2005 г. и 2017 г.¹

Таманское поселение обладает рядом выгодных преимуществ, основными из которых являются:

- выгодное геополитическое положение: близость Таманского сельского поселения к Крымскому полуострову;
- выгодное географическое положение: незамерзаемая акватория, прямой выход к международным морским путям, что обуславливает развитие инфраструктуры морского транспорта;
- благоприятные природно-климатические условия – приморское расположение, благоприятный климат и наличие целебных грязей, что в свою очередь определяет развитие бальнеологии на данной территории;
- наличие историко-археологических ценностей, что является перспективным для развития туристической отрасли.

Территория поселения обладает необходимыми и достаточными условиями для развития курортно-рекреационного комплекса, познавательного и исторического туризма. В подобных условиях успешными направлениями развития являются: познавательный, исторический, событийный и экскурсионный туризм. Основными направлениями развития территории поселения остаются курортная сфера, строительная отрасль, портовые предприятия, сельское хозяйство.

Вместе с тем, существует ряд проблем, в большей части социально-экономического направления:

- низкий уровень доходов населения, дифференциация доходов работающего населения по отраслям народного хозяйства;
- недостаточный уровень развития здравоохранения, образования, культуры и массового спорта;
- недостаточный уровень развития обеспечивающей инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса;
- недостаточный уровень предоставления услуг в туристско-рекреационном и курортном комплексе на данном этапе.

Для отдыхающих данная территория привлекательна тем, что позволяет удовлетворить по-

требность в отдыхе разнообразных слоев населения, включая людей с невысоким достатком.

В целом, в плане развития территорий Таманского сельского поселения на данном этапе выдвигаются предложения по развитию курортно-рекреационных территорий. отдельно затрагивается сфера туризма. Для создания курортно-рекреационного комплекса, организации исторического и познавательного туризма возможно использовать территории, не подверженные влиянию техногенных факторов.²

Станица Тамань на сегодняшний день входит в состав Союза Исторических Городов и Регионов России. На территории поселения расположен Таманский музейный комплекс, включающий в себя три отдельных объекта: Городище «Гермонасса-Тмутаракань», археологический музей и Дом-музей М.Ю. Лермонтова и Государственное автономное учреждение культуры Краснодарского края «Выставочный комплекс Атамань», который ежегодно посещают более 200 тыс. человек.

В Краснодарском Крае также активно развивается строительство этнодеревень и этнических станиц, популяризирующих тему традиционного уклада жизни казаков с использованием подлинных документов, орудий труда, предметов быта.

В ежегодном отчете главы Таманского сельского поселения Темрюкского района о результатах деятельности администрации Таманского сельского поселения за 2017 г. говорится, что сегодня Тамань - динамично развивающаяся территория, основными драйверами развития которой являются строительная отрасль, портовые предприятия, сельское хозяйство и курортная сфера.³

Примером создания рекреации, представляющей «Живую историю» является Государственное автономное учреждение культуры Краснодарского края «Выставочный комплекс «Атамань». Это один из самых значимых и посещаемых на сегод-

1 Федеральная служба государственной статистики. – URL: [https:// www.gks.ru](https://www.gks.ru) (дата обращения 18.01.2020 г.).

2 Ежегодный отчет главы Таманского сельского поселения Темрюкского района о результатах деятельности администрации Таманского сельского поселения за 2018 г. – URL: <http://адм-тамань.пф/index.php/administratsiya/otchet-glavy-2/otchet-glavy-9> (11.02.2020).

3 Ежегодный отчет главы Таманского сельского поселения Темрюкского района о результатах деятельности администрации Таманского сельского поселения за 2017 г. – URL: <http://адм-тамань.пф/index.php/administratsiya/otchet-glavy-2/otchet-glavy-8> (11.02.2020).

Фото 1. Генеральный план Таманского сельского поселения Темрюкского района. Карта планируемого размещения объектов местного значения. М 1: 25000. Администрация Таманского сельского поселения Темрюкского района. На карте отмечено местоположение «Выставочного комплекса «Атамань» [Электронный ресурс]. URL: <http://адм-тамань.рф/index.php/nasha-taman/nasha-taman-6> (дата обращения 12.02.2020).

няшний момент объектов на территории поселения. Парк этнографической реконструкции расположен непосредственно в станице Тамань, на берегу Таманского залива и одноименного полуострова на историческом месте (приблизительно). Государственное автономное учреждение культуры Краснодарского края «Выставочный комплекс «Атамань» располагается по адресу: Краснодарский край, Темрюкский район, Станица Тамань, улица Лебедева, 102. (Фото 1).

Комплекс был открыт 5-6 сентября 2009 г. Он представляет собой станицу под открытым небом, выстроенную в натуральную величину. Общая площадь музея составляет 68 га.

В комплексе популяризуется культура кубанских казаков. На территории воссоздан быт казачьей станицы, подворья являются своеобразными мини – музеями (комплекс имеет привязку к историческому месту). Каждое подворье уникально и дает посетителям представление о теме, связанной с бытом, материальной культурой, ремеслами, фольклором кубанского казачества. Постройки выполнены с использованием современных строительных технологий, но внешне стилизованы под казачьи хаты конца XVIII-начала XX вв. Для школьников проводятся организованные занятия по истории Кубани.

При создании этнокомплекса использовались подлинные документы, фотографии, орудия труда, предметы быта конца XVIII-начала XX вв. (Фото 2).

Экспозиционной составляющей отводится важное значение – убранство стилизованных

подворий, включающее подлинные вещи, имеющие музейное значение были собраны в станицах Краснодарского края. На первом этапе своей работы парк включал несколько этнодворов, ярмарочную площадь. На открытии комплекса выступали фольклорные коллективы (Фото 3), проводились различные конкурсы для детей, осуществлялась торговля сувенирами и дегустация традиционных блюд.

Фото 2. «Выставочный комплекс «Атамань». Воссозданное подворье станицы. Фото автора.

В отдельных экспозициях этнокомплекса отражены вехи истории Таманского полуострова – «Долина скифов», тропа Великого Шелкового пути, копия знаменитого на весь мир Тмутараканского камня⁴, найденного казаками в конце XVIII в. при разборке старой крепости в Тамани, и хранящегося в настоящее время в Государственном Эрмитаже.⁵ (Фото 4).

Выставочный комплекс «Атамань» несет в себе просветительские функции, часть территории посвящена организации досуга и отдыха, проводятся этнические фольклорные фестивали,

4 Тмутараканский камень представляет из себя мраморную плиту с высеченной на ней надписью кириллицей. Артефакт обнаружен в Тамани, в прибрежной зоне в 1792 г. некоторое время мраморный блок использовался в качестве порога при входе в казарму.

5 Тмутараканский камень. Русские в Крыму за 400 лет до появления там крымских татар. – URL: <https://cont.ws/@petrovserg/387904> (дата обращения 22.01.2020 г.).

Фото 3. «Выставочный комплекс «Атамань». Выступление фольклорного коллектива. Фото автора.

реконструкция обрядов кубанского казачества.⁶ Комплекс ориентирован на туристов и отдыхающих, с каждым годом увеличивается набор услуг, представляемых посетителям. Благодаря теплему климату, парк открыт практически круглогодично, фестивали проходят ежегодно на постоянной основе, в основном летом и осенью.

Мировой опыт показывает, что подобные фестивали, пользующиеся популярностью у туристов, позволяют в полной мере «погрузиться в эпоху», приобщиться к истории местности, дают непосредственное представление о реконструируемых событиях. Для привлечения большего числа туристов, повышения уровня знания отечественной истории, на территории комплекса возможно проведение различных театрализованных мероприятий и реконструкций с помощью сотрудников, приглашённых аниматоров, одетых соответственно народным традициям и эпохе.

По опыту работы подобных комплексов успешным в целом является привлечение местных жителей в работу комплексов, создание своеобразного «бренда» региона за счёт использования национальной специфики; повышение

уровня инвестиционной привлекательности региона, и в конечном итоге повышение уровня туристического потока⁷. По аналогии с работой подобных комплексов в России, целесообразна такая организация пребывания рекреантов, как краткосрочная, в пределах 1–2 дней. Перспективно также развитие комплекса услуг, связанных с пляжным отдыхом.

Отмечается, что с появлением такого объекта была восстановлена культурная идентичность, станция стала центром притяжения для туристов. Как следствие – увеличилось количество рабочих мест, что безусловно положительно влияет на социо-экономическую ситуацию в регионе. Комплекс выполняет развлекательную функцию, оказывает позитивное воздействие на среду поселения, приносит доход, способствует развитию инфраструктуры.

Однако, при посещении парка этнографической реконструкции «Атамань» туристы отмечают, что реклама на сайте не совсем соответствует действительности. Посетителей, в частности, не устраивает качество сервиса в целом, соотношение «цена – качество» услуг, высокие ценники в ресторанах, «магазинные» продукты в меню вместо заявленных блюд, приготовленных по старинным рецептам и технологиям, использование одноразовой посуды. Посетившие этнографический парк-музей «Этномир» в Калужской области отмечают, что там всё выполнено на более высоком уровне.

В регионе также существует предложение по организации особо охраняемой территории регионального значения Природного парка «Вулканы Тамани» в непосредственной близости от этнокомплекса «Атамань». Расположение рядом двух туристических кластеров позволит удовлетворить разнообразные интересы туристов и в перспективе повысить туристскую привлекательность региона⁸.

Такой комплекс этнографической направленности, как «Атамань» решает наряду с развлека-

6 Свиридова (Нельзина) О. Ю. Расположение и некоторые особенности существующих и проектируемых этнографических музеев, парков этнографической реконструкции и этнических деревень на территории Российской Федерации // Журнал Института Наследия. – 2016. – № 4. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/13/108.html> (09.02.2020).

7 Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/53403/chitat_knigu.shtml (13.02.2020).

8 Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий Краснодарского края: постановление Главы администрации (губернатора) Краснодар. края от 21.07.2017 г. № 549. - URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2640137> (12.02.2020).

Фото 4. «Тмутараканский камень».

тельными функциями, функции патриотического воспитания населения, укрепления духовно-нравственных основ российского общества, повышение уровня знания отечественной истории и культуры.

Список литературы

1. Государственное автономное учреждение культуры Краснодарского Края «Выставочный комплекс «Атамань». – URL: <http://www.atamani.ru> (09.02.2020).

2. Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/53403/chitat_knigu.shtml (13.02.2020).

3. Ежегодный отчет главы Таманского сельского поселения Темрюкского района о результатах деятельности администрации Таманского сельского поселения за 2018 г. – URL: <http://адм-тамань.рф/index.php/administratsiya/otchet-glavy-2/otchet-glavy-9>. (11.02.2020).

4. Ежегодный отчет главы Таманского сельского поселения Темрюкского района о результатах деятельности администрации Таманского сельского поселения за 2017 г. – URL: <http://адм-тамань.рф/index.php/administratsiya/otchet-glavy-2/otchet-glavy-8> (11.02.2020).

5. Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий Краснодарского края: постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 21.07.2017 г. № 549. – URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2640137> (12.02.2020).

6. Свиридова (Нельзина) О. Ю. Расположение и некоторые особенности существующих и проектируемых этнографических музеев, парков этнографической реконструкции и этнических деревень на территории Российской Федерации // Журнал Института Наследия. – 2016. – № 4. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/13/108.html> (09.02.2020).

7. Тмутараканский камень. Русские в Крыму за 400 лет до появления там крымских татар. – URL: <https://cont.ws/@petrovserg/387904> (дата обращения 22.01.2020 г.).

8. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 18.01.2020 г.).

ABYSETOMES COMPLEX « ATAMAN » IN SOCIOCULTURAL CONTEXT KRASNODAR REGION

Nelsina Olga Jurjevna,
senior research fellow at the Heritage Institute,
2 Kosmonavtov str., Moscow, Russia, 129366,
e-mail: olgasviridoff@yandex.ru

Abstract

The article deals with issues related to the current cultural environment of the village of Taman in the Temryuksky district of Krasnodar Territory. The competitive advantages of the region are highlighted, along with a number of existing problems and changes that have occurred due to changes in the political situation. A brief description of the activities of the «Ataman Exhibition complex» and its impact on the socio-cultural environment of the region is given.

Keywords

Cultural environment, exhibition complex, resort area, territory development, event tourism, ethnographic complex, educational programs.

РЕЦЕНЗИИ

BRV
УДК 394
ББК 63.5
10.34685/НИ.2020.29.2.015

«ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ» НАУКА: ЭТНОГРАФИЯ В ИРКУТСКЕ В 1920-Е ГОДЫ / ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ / СОСТАВИТЕЛЬ, АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ И БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СИРИНА А.А. М. – ИРКУТСК, 2013. 464 с., ИЛ.

Соловей Татьяна Дмитриевна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры этнологии исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект д. 27, корп. 4, Г-429.
E-mail: tsolovei19@yandex.ru

Аннотация

Рецензируемая книга посвящена малоисследованному эпизоду истории ранней советской этнологии 1920-х годов – развитию этнографических исследований в Иркутске. Автор вступительной статьи известный историограф А.А. Сирина предлагает к обсуждению широкий круг вопросов, связанных с особенностями и перспективами развития научных исследований в российской провинции. Рецензия представляется удачным жанром для того, чтобы высказать ряд суждений по поводу феномена «провинциальной» науки.

Ключевые слова

Ранняя советская история, отечественная этнология, этнография в Иркутске в 1920-е годы, провинциальная наука.

В свое время автор рецензии получила экземпляр этой книги от её составителя – А.А. Сириной. Плодотворно использую материалы книги в университетском лекционном курсе по истории отечественной этнологии. Книга не отпускает меня как исследователя-историографа. Раз за разом я возвращаюсь к ней, вступая в виртуальный диалог/дискуссию с автором

вводной статьи, которая носит не формально-описательный характер, а содержит серьезные концептуальные соображения. Рецензия представляется подходящим форматом, для того, чтобы не столько структурировать собственные впечатления о книге (ее замысел и реализация замысла заслуживают самой высокой оценки), сколько для того, чтобы сформулировать пози-

цию по поводу феномена «провинциальной науки» в нашей стране.

А.А. Сирина реконструирует причины, приведшие к подъему этнографических исследований в Иркутске в 1920-е годы; анализирует основные направления исследовательской активности и их итоги; деликатно препарируя архивные и иные источники, воссоздает научные биографии участников тех событий (не ранжируя их по академическому статусу и интеллектуальному влиянию). Талантливый исследователь также подвергает ревизии некоторые историографические аксиомы и предлагает к обсуждению связку вопросов, заслуживающих широкой цеховой дискуссии. Вот эти вопросы: «Является ли научная жизнь провинции простым слепком со столичных научных центров или она в состоянии создать нечто новое? Исходит ли это развитие из собственной, или привнесенной основы. Возможно ли сосуществование в провинции разных направлений и методов работы?».¹

Хотя отвечая на эти вопросы, А.А. Сирина опирается на локальный эпизод истории этнографических исследований в Восточной Сибири, неявно, имплицитно она экстраполирует свои соображения и выводы на более широкую историческую перспективу, переводя их в плоскость рассуждений о будущем провинциальной этнографии в России.

Отправная точка рассуждений исследовательницы – тезис о том, что взлет этнографических исследований в Иркутске в 1920-е годы «не был случайностью (курсив мой. – Т.С.), а происходил из предшествующей социально-экономической и культурной истории Иркутска и Восточной Сибири».² Здесь А.А. Сирина подвергает ревизии привычное объяснение, связывающее успехи этнографии в Иркутске главным образом с деятельностью и интеллектуальным влиянием приезжих ученых и политических ссыльных. Обоснование выдвинутого тезиса исходит из демографических (из 225 научных работников Иркутска в 1926 г. 95 были уроженцами Сиби-

ри, 57 – коренными иркутянами³), институциональных (наличие институциональной базы для этнографических исследований, оплотами которой являлись Восточно-Сибирское Отделение РГО и Иркутский университет) и интеллектуальных (наличие развитого научного и культурного ландшафта в лице выпускников Иркутской духовной семинарии) аргументов.

Однако на каждый аргумент можно выдвинуть связку контраргументов, причем, почерпнутых из той же статьи. Например, Иркутский университет – наиболее влиятельная институциональная площадка восточносибирской этнографии раннесоветского периода – был основан в 1918(!) году. Хотя его открытие совпало с закрытием Иркутской духовной семинарии, говорить о прямой культурной и интеллектуальной преемственности этих институций можно лишь с большой натяжкой. Жизнь ВСОРГО, одного из самых деятельных в имперский период, «во время I мировой войны и накануне революции едва теплилась», а перезагрузка этой институции произошла в 1917-1919 годах, когда в ВСОРГО «массово вступала приезжая (курсив мой. – Т.С.) научная интеллигенция».⁴

Соглашаясь с высокой оценкой потенциала Иркутска как социально-экономического, интеллектуального и культурного центра, полагаю все же, что взлет этнографии в Иркутске в 1920-е годы оказался результатом уникальной констелляции ряда факторов – структурных и переменных (включая и элемент случайности).

Структурные факторы – «высокий уровень социально-экономического и культурного развития дореволюционного Иркутска»,⁵ относительно развитая институциональная структура, устойчивые традиции «туземной этнографии», питавшиеся гуманистическими презумпциями местной интеллигенции, включая таких крупных представителей сибирского областничества как Н.Н. Козьмин, – сами по себе лишь создавали «окно возможностей» для этнографии в провинции. Но сценарий развития событий мог оказаться иным, а научный потенциал Иркутска остаться нереализованным, если бы в дело не вступили факторы переменные: «подпитка

1 Сирина А. А. «Провинциальная» наука: Этнография в Иркутске в 1920-е годы // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / избранные статьи / составитель, автор вступит. статьи и библиографического словаря Сирина А.А. М.–Иркутск, 2013. С. 8.

2 Сирина А.А. Указ. соч. С. 9.

3 Там же.

4 Сирина А.А. Указ. соч. С. 18.

5 Там же. С.47.

местного научного сообщества беженцами-интеллектуалами из центральной России»; новые практики в области национального строительства, стимулировавшие «интерес национальных меньшинств к своей истории, языку, культуре и территории»; общий «подъем краеведческого движения в 1920-е годы в СССР».⁶

Добавлю к этому ситуативную социально-политическую стабильность: столица Восточной Сибири находилась в стороне от эпицентра революционного хаоса (советская власть была установлена в Иркутске лишь к исходу 1920 года), а политика вплоть до конца 1920-х не оказывала деформирующего воздействия на научный дискурс, за исключением «государственной» этнографии.⁷

Главными акторами успеха этнографии в Иркутске были люди науки – местные уроженцы и беженцы из центра, этнографы и не этнографы, профессионалы и любители, вдохновленные открывшимися перед ними возможностями, объединенные гуманистическим прогрессистским пафосом преобразований и жаждой научных открытий. Воля, самоотверженность и энтузиазм Б.Э. Петри, Г.С. Виноградова, Е.И. Титова, М.К. Азадовского и других тружеников на ниве этнографии/этнологии позволили реализоваться культурному и интеллектуальному потенциалу российской провинции там и тогда. Уникальность ситуации (здесь – синоним удачи или везения) состояла в том, что этнографическое знание впервые за почти вековую историю отечественной этнографической науки было востребовано государством (властью).

Локальный и во многом уникальный опыт провинциального взлета отечественной этнографии в 1920-е годы не удалось повторить в «среднюю» и «позднюю» советские эпохи. А.А. Сирина объясняет это следующим образом: «Централизация и унификация идеологической, общественно-политической и научной жизни советского времени не позволила гуманитарным наукам полноценно развиваться, превратив научные исследования в регионах в провинциальные».⁸ Такое объяснение представляется несколько односторонним. Разве оборотной стороной «централизации и унификации» не являлись стабильное

финансирование этнографических (в том числе экспедиционных) исследований в центре и провинции, расширение подготовки профессиональных кадров в масштабах страны, создание массовой советской гуманитарной интеллигенции, кристаллизация множества институциональных площадок и каналов профессиональной коммуникации, что связывало научное сообщество в единое исследовательское и информационное пространство поверх региональных различий?

Вместе с тем все более заметное (особенно при позднем СССР) дистанцирование государства от гуманитарного знания и нарастающая социополитическая деактуализация этнографии вкупе с отсутствием работоспособных критериев эффективности в гуманитарных дисциплинах вели к застою и деградации, снижению экспертного потенциала этнографии и качества научных исследований. В этой ситуации понятие «провинциальный» приобретало совсем иной смысл, как синоним бесплодного схоластического «теоретизирования», «мелкотемья», засилья «эмпиризма», вне зависимости от региональной привязки.

Интеллектуальная интуиция подсказывает, что кризисные явления в науке продуцировались не столько иерархическим принципом ее организации и идеологическим и тематическим контролем интеллектуальной сферы, сколько исходили изнутри профессиональной корпорации. В конечном итоге оборотной стороной массовизации интеллигенции в СССР не могло не быть снижение ее качества.

Паразитизм и вялость, интеллектуальная деградация, тенденция «клановизации» в первую очередь охватили столичную гуманитарную интеллигенцию, а в провинции в силу интеллектуальной и социокультурной инерции сохранялись «резервации» высокого профессионального и морального стандарта. Но рано или поздно (скорее рано) негативные явления транслировались в провинциальные научные и образовательные этнографические центры. Противопоставление «центр» и «провинция» размывалось.

Размышляя о будущем этнографии, А.А. Сирина полагает, что «при благоприятных обстоятельствах произойдет децентрализация научных исследований, а само понятие “научной провинции” исчезнет».⁹ Если исходить из актуального

6 Там же.

7 Подробнее об этом см.: Сирина А.А. Указ. соч. С. 48-49.

8 Сирина А.А. Указ. соч. С.50.

9 Сирина А.А. Указ. соч. С. 50.

положения этнологии в нашей стране, то столь частая децентрализация уже осуществилась. С разрушением СССР произошла заметная автономизация этнографических институций (вузовских и исследовательских) в регионах России с тенденцией к минимизации (в ряде случаев вплоть до фактического прекращения) организационных и научных связей с «центром». Институциональная децентрализация и диверсификация научных исследований пока не привели к заметному росту оригинального нового теоретического знания (отдельные образцы плодотворной теоретической работы не отменяют общей тенденции).

Историческая специфика России состоит в том, что импульсы, стимулирующие социополитическую, интеллектуальную, культурную и иную активность, традиционно исходят из центра страны. Смыслы и ценности, генерируясь в обеих столицах с их самой высокой информационной, коммуникативной и интеллектуальной плотностью, растекаются по стране, подобно неостывшей лаве заполняют все ниши и пустоты. Понятно, что интеллектуальные и культурные продукты адаптируются к местным условиям, порождая интересные синтезы с местными традициями и приобретая подчас самобытные формы, но системой соотношения остаются столичные научные и культурные институции, задающие мировоззренческую рамку и профессиональный этос.

Рождение и становление талантливых ученых и мыслителей с неординарной картиной мира, мощным интеллектуальным замахом внеполож-

но понятиям «центр» и «провинция». Однако для реализации потенциала таких личностей необходимы прочная финансово-экономическая и институциональная база, составляющие исследовательский коллектив квалифицированные кадры, а еще принципиальная концептуальная и мировоззренческая совместимость (общая «группа крови»), которая превращает коллектив в группу единомышленников и обеспечивает психологический и эмоциональный комфорт.

Самоочевидно, что «центр» имеет солидный гандикап в сравнении с «провинцией» в части обеспечения, по крайней мере, первых двух из перечисленных условий научной деятельности. А если иметь в виду интенсивность информационных потоков, качество логистики, высокий пульс жизненного ритма, разомкнутость культурного пространства, привлекательность «центра» становится неоспоримой. Так что центростремительный характер интеллектуальной миграции был и остается преобладающим трендом в нашей стране.

Хотя нынешнее состояние российской науки в целом – и в центре, и в провинции – лучше всего описывает метафора «остановившейся машины времени», я с оптимизмом смотрю в будущее. Для нормализации ситуации в науке, а в перспективе и ее расцвета, необходимо не так уж много. Во-первых, появление влиятельных внутренних (российских) источников легитимации научного знания. Во-вторых, восстановление высокого социального статуса ученого, престижа образования в России.

REVIEW OF: "PROVINCIAL SCIENCE: ETHNOGRAPHY
IN IRKUTSK IN the 1920S / SELECTED ARTICLES /
COMPILER, AUTHOR of the INTRODUCTORY ARTICLE
AND BIOBIBLIOGRAPHIC DICTIONARY SIRINA A. A.
M. - IRKUTSK, 2013. – 464 P., ILL.

Solovei Tatiana Dmitrievna,

DSc in History,

Professor of the Department of Ethnology

Faculty of History Lomonosov MSU;

Lomonosovsky avenue 27-4, Moscow, Russia,

e-mail: tsolovei19@yandex.ru

Abstract

The reviewed book is devoted to a little-explored episode in the history of early Soviet Ethnology in the 1920s – the development of ethnographic research in Irkutsk. The author of the introductory article, the well-known historiographer A. A. Sirina, offers to discuss a wide range of issues related to the features and prospects of scientific research in the Russian province. The review is a good genre for making a number of judgments about the phenomenon of "provincial" science.

Keywords

Early Soviet history, Russian Ethnology, Ethnography in Irkutsk in the 1920s, provincial science.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегель — 14 пт., межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
  - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4. ....

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.
Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 01.06.2020. Формат 60x90 1/8. Тираж 500 экз.
Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.
Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>
<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /
E-mail: knaros@yandex.ru